

Роберт Шекли

Алхимический марьяж элистера кромптона

<http://book.zehinli.info>

Проблема противоположностей играет огромную, если не решающую роль в алхимии, поскольку она является ведущей в заключительной фазе создания союза противоположностей в его исконной форме gamos <Священный брак (греч.)> или «алхимического марьяжа».

К. Г. Юнг, -«Психология и алхимия».

ЧАСТЬ I

Глава 1

Вывеска на обочине 29-й дороги гласила: «Добро пожаловать в Бергамот, Нью-Джерси, «Хоум Сайкосмелл, Инк.».

Любознательный путешественник даже отсюда, издали, по незначительным признакам, доступным его восприятию, мог составить некоторое представление о том, чем занимается эта фирма. А окажись здесь случайно некий ароматолог, он различил бы запахи кассии и гвоздики, корицы и розмарина, сассафраса и вербены, терпкий аромат лимона, имбиря и линалоэ.

Примерно на двадцати акрах огороженного двойным забором и раскинувшегося на холмистой местности загородного парка беспорядочными рядами двухэтажных терракотовых строений растянулись корпуса главного завода.

Вахтенный - мускулистый андроид, смахивающий на сильно подавшего ирландца из «Ночного дозора», - внимательно разглядывал медленно подъехавший «Силлз-Максвелл», за рулем которого сидел небольшой человек в кислородной маске в клеточку. Страж помедлил секунду, пока не сообразил что-то своими ленивыми мозгами, затем расплылся в улыбке и шутливо отсалютовал:

- Ага, вот теперь ясно, это мистер Элистер Кромптон, наш главный эксперт. Как дела на любовном фронте, Эл?

- Трахни себя в зад, - ответил Кромптон. Любой андроид воспринял бы это как ужасное оскорбление, ибо эти несчастные физически неспособны на подобное анатомическое извращение. Но Майк Меджиннис не обиделся. Вот уже десять лет он таким образом приветствовал Кромптона и всегда слышал один и тот же ответ. Любое другое приветствие смутило бы его.

- Как я рад, мистер Кромптон, право же, я очень рад! - со смехом сказал псевдоирландец и помахал рукой вслед проехавшему в ворота Кромптону.

Через несколько минут, поставив свой «Силлз-Максвелл» на обычное место, Кромптон уже шествовал по безукоризненно чистым коридорам «Сайкосмелл, Инк.». Как всегда, он вошел в помещение ровно в 8.52 и теперь шагал своим обычным путем по Лавандовому проходу - так непочтительно называли главный коридор. Кивнул мистеру Демиджеру, главному мацератору, и мисс Резьют, помощнице дистиллятора. Миновал неизбежную группу экскурсантов и услышал, как Доминик Спеллингс из «Паблик рилейшнз мен» распространяется перед небольшой группой туристов о том, как якуты на юго-западе Малой Азии сдирают кору со стиракса, как бальзам в результате сочится по стволу, его собирают, потом кипятят...

Кромптон продолжил свой путь мимо ароматных кладовых, набитых охалками кассий и гиацинтов, розмарина и мяты, герани и пачулей. Он прошел кладовые для вземных субстанций. Каждая кладовая была снабжена особым устройством для контроля за составом воздуха, влажностью и температурой. В этих кладовых хранились сравнительно дешевые вземные растения, такие, например, как индригита с Цефеуса II, ломтики каннотии (отвратительно воняющие, пока их не смешаешь с маслом из пальмерозы и иононом), лепестки ночного цветка оцепти и тому подобное.

Дальше коридор раздваивался. Кромптон повернул налево и подошел к двери в конце коридора с табличкой «Кабинет главного эксперта». Это был его кабинет, центр его маленькой империи внутри монополии. Именно здесь Кромптон создавал свои композиции, которые привлекли к нему внимание ведущих ароматологов и стали образцом для специалистов в этой области.

Его помощница мисс Анакос, гибкая брюнетка с модной прической а-ля Медуза, уже восседала за одним из рабочих столов.

- Доброе утро, мистер Кромптон, - сказала она. Кромптон галантно поклонился. Все два года, пока она была его помощницей, Кромптон испытывал к ней страстное влечение. Но никогда не обнаруживал своих

чувств, потому что это было бы неприлично, недостойно и бесполезно: хорошенькие молодые женщины существовали не для таких, как Кромптон, - непривлекательных физически, умственно и духовно.

- О, мистер Кромптон, наконец наступил этот великий день, не правда ли? Ваш великий день, мистер Кромптон. Вы взволнованы?

Кромптон скинул с себя кислородную маску - в сверхчистой атмосфере с гипервентиляцией она была не нужна.

- Право же, все это ерунда, - пожал он узкими плечами. - Хотя для поднятия духа, пожалуй, неплохо.

- Для поднятия вашего духа! - Мисс Анакос любила подчеркивать отдельные слова, что действовало Кромптону на нервы. - Вы же, как-никак, наша «звезда» сегодня.

- Не могу сказать, что мне безразличен почет, - отозвался Кромптон, - но ваши поздравления несколько преждевременны. Ровно в полдень соберется Совет директоров, где состоится моя презентация. Как еще отнесется к ней мистер Блаунт?

- Он будет в восторге! - сказала мисс Анакос. - Вы лучший в мире изобретатель психозапахов, мистер Кромптон, и вы сами это прекрасно знаете!

Непомерные похвалы мисс Анакос в адрес его талантов - без единого намека на восхищение им как мужчиной - начали раздражать Кромптона. Он сел за стол и сказал:

- Все может быть, мисс Анакос. А теперь за работу! Принесите препарат Эйч. Мне потребуются также компоненты из четвертой серии реактивов.

- Да, сэр!

Она проскользнула совсем рядом, и он уловил легкий аромат ее кожи.

«Бог мой, - подумал он, - как бы я хотел закупорить в бутылку этот запах!»

И решительно погрузился в текущую работу. От того, что он сотворит за ближайшие несколько часов, зависело очень многое. Даже мисс Анакос не подозревала, насколько многое. Уже в далекой древности знали о способности запахов пробуждать воспоминания. Гермипп из Смирны в своих «Ботанических исследованиях» рассказывает, как король Ферееид из Салоник заплатил двести талантов серебра за малюсенький кусочек арабского аницеруса, который в смеси с мирром, ладаном, истолченным в порошок рогом антилопы и с гирканьянским медом вызывал у него видение огромного, мрачного мраморного замка, расположенного высоко в горах Кавказа. В Вавилоне, еще до хеттов, искусные лекари излечивали чуму и шистосоматоз смесью благовоний. В Китае считали, что масло,

выжатое из ночных цветков асфодели, смешанное с серебром, истолченной слоновой костью и корнями лотоса, завернутое в красные ивовые листья и выдержанное в течение десяти лет в гранитной чаше, позволяет людям вспомнить, как они выглядели до своего рождения.

Но лишь в XXI веке это свойство запахов пробуждать память, мечты и видения систематизировали и сделали предметом коммерции. Стимулом послужило неожиданное появление внеземных благовоний с их необычайными, сенсационными возможностями. Дальтон из своей экспедиции на Слию II привез корни агании, кперсию и ныне широко известный лист менингии Фон Кеттер трижды посетил Миры Рашида, и в результате на Земле появились сисия, масло мнуи и несравненное эфирное масло брунхиоза. Все они обладали психотропными свойствами и прекрасно сочетались с некоторыми земными субстанциями. Землянам, крепко прикованным к своей планете высокими ценами на космические путешествия, эти вещества подарили аромат неизведанного, пьянящий дурман и сладостно-горькую возможность погрузиться в потайные уголки своей памяти.

Ловкие дельцы создали Гильдию внеземных ароматов и наглухо монополизировали все производство. Люди среднего достатка могли приобрести у них один из двенадцати запахов, способных раскрепостить память. Богатые пользовались услугами фирм типа «Сай-космелл, Инк.», где за известную плату эксперты вроде Кромптона составляли индивидуальные ароматы, подобранные с учетом расположения желтовато-коричневых волокон, связанных с нервными узлами обонятельных органов клиента. Специалисты класса Кромптона могли совершенно точно определить, какие возбудители вызывают те или иные обонятельные реакции, и, таким образом, вызывать по заказу любые видения.

Но самое главное испытание лучших творений Кромптона, окончательная оценка его искусства происходили раз в пять лет, когда из разных миров в свою alma mater в Нью-Джерси собирались члены Совета директоров. По такому случаю главный эксперт обычно составлял особую субстанцию для величайшего из гурманов по запахам - легендарного Джона Блаунта.

***

Кромптон был снабжен исчерпывающими данными об обонятельных реакциях Блаунта. Пользуясь инфракрасными фотографиями обонятельных емкостей и химическими анализами слизистых оболочек, покрывающих нервные ганглии Блаунта, Кромптон готовил свой очередной шедевр.

В такие исключительные дни не жалели никаких затрат. Из глубочайших погребов Кромптон заказывал самые дорогие субстанции: масло редоленса с Тармака II; целых десять щепоток коры ржиа с Алклептона, одна унция которой стоила шестьдесят тысяч долларов; и даже шестьдесят граммов несравненных почек люристии, сверхценного растения, которое произрастает только на пяти акрах священной земли на грязной планете Альфон IV.

Все эти субстанции, стоившие на черном рынке запахов целое состояние, доставали только в этот особый день. И Кромптон творил из них чудеса.

Подготовить смесь нужно было за мгновение до презентации, ибо такими летучими были некоторые из этих редких масел, такими нежными были эфиры и капризными кетоны, что драгоценный плод трудов за несколько часов мог превратиться в свою противоположность.

Кромптон работал, а все сотрудники «Сайкосмелла», затаив дыхание, ждали результатов, так как успех или поражение Кромптона они разделят с ним. Сумму вознаграждения для работников фирмы старый Джон Блаунт выделит в зависимости от настроения. А настроение его будет целиком зависеть от того, как он отнесется к стряпне Кромптона.

После презентации завод закроется на ежегодный двухнедельный отпуск, а перед этим сотрудникам объявят о причитающихся им премиях. Так что от Кромптона будет зависеть, проведут ли они неделю на Луне - в случае, если все пойдет хорошо, или денек в Асбери-парке - во всех остальных случаях.

Кромптон трудился, не замечая царившей вокруг него почти осязаемой атмосферы напряженности. Он бестрепетно отхватил целый грамм люристии - десятитысячную долю всех галактических запасов! У мисс Анакос при виде этого перехватило дыхание, но она надеялась, что он не переборщит с редкой разновидностью, что он понимает: шок от злоупотребления дорогостоящим веществом не обеспечит нужного эффекта. Старый Джон Блаунт был слишком хитрой лисой, чтобы попасться на эту удочку!

Целиком погруженный в работу, Кромптон бесстрастно колдовал над своими бальзамами, смолами, черенками, прутиками, кусочками коры, листочками, мускусом, шелухой, корнями, спрессованными лепестками цветов, плодами, семенами и прочими компонентами. Наблюдая, с каким хладнокровием он действует, мисс Анакос готова была разрыдаться. Она, конечно, знала, что Кромптон в известном смысле уродец, неполноценный человек. Правда, знала она не слишком много: поговаривали, что при родах произошел какой-то несчастный

случай и в раннем возрасте его подвергли операции по ныне дискредитированному психомеханическому методу массируемого расщепления. Мисс Анакос догадывалась, что это означает, что Кромптону недостает каких-то качеств. Но каких именно, она не знала и не особенно этим интересовалась. Она привыкла видеть в Кромптоне робота без личных вкусов и прошлого. Так же думали о Кромптоне многие - как о человеке сухом, бездушном и бесчувственном.

И все они ошибались. Еще немного - и Кромптон покажет им, какая у него глубокая натура.

***

Стрелки настенных часов неуклонно подползали к двенадцати. Мисс Анакос закричала зубами: что он там копается? Почему не кончает? Он что, не понимает - ведь ее премия зависит от того, что произведут его талантливый нос и искусные белые костлявые руки!

Без пяти минут двенадцать Кромптон встал из-за стола, держа в руках простой пузырек для проб из розового кварца. Он спокойно сказал:

- Теперь я подымусь в зал Совета. Вы можете присоединиться к другим сотрудникам в зале заседаний. Потом я сам здесь все приберу, как обычно.

- Да, сэр! - воскликнула мисс Анакос и помчалась из комнаты, унося с собой специфический женский аромат, более тонкий и прекрасный, чем самые изысканные кристаллические консерванты.

Кромптон проводил ее взглядом. На его иссохшем лице не отразилось никаких чувств. Однако он был рад, что напоследок посмотрел на мисс Анакос и вдохнул ее аромат. Победит ли он, или потерпит поражение, или исчезнет - что бы с ним ни случилось, ее запахи больше не потревожат его. Да-да, в последний раз он вдохнул их! Потому что скоро, очень скоро наступит момент, когда он...

Он оборвал свою мысль: не стоит загадывать наперед, это опасно. Он знал, что ему нужно сделать. И сделать это необходимо быстро и чисто - как хирургический разрез.

Держа в руках драгоценное вещество, заключенное в кварцевый сосуд, Кромптон покинул свой кабинет и направился к директорским апартаментам, где его ожидал почти легендарный Джон Блаунт.

Глава 2

Тридцать лет назад в Антарктиде, на Земле Мэри Бэрд, в городке Амундсвилле, родился мальчик. Родителями его были Бесс и Лиль

Кромптоны. Лиль работал техником на шотландских плутониевых рудниках. Бесс была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на местном радиозаводике. У них обоих было зарегистрировано вполне удовлетворительное физическое и умственное здоровье. Ребенок, названный при крещении Элистером, проявлял все признаки отличной послеродовой приспособляемости!

Первые десять лет жизни Элистер рос во всех отношениях нормальным ребенком, разве что был несколько угрюм, но дети часто без всяких на то причин бывают угрюмыми. А вообще-то Элистер был любознательным, подвижным, привязчивым и беззаботным созданием, а по интеллекту даже превосходил своих сверстников.

На десятом году жизни замкнутость Элистера заметно возросла. Бывали дни, когда ребенок часами оставался сидеть в полном одиночестве, уставясь в пустоту и порой даже не откликаясь на свое имя.

Никому не пришло в голову расценить эти приступы зачарованности как симптомы заболевания. Посчитали, что он просто впечатлительный, нервный ребенок, что он предается мечтам и что со временем у него это пройдет.

Периоды зачарованности стали чаще и интенсивнее на одиннадцатом году его жизни. Мальчик сделался раздражительным, и местный врач выписал ему успокоительные таблетки. Однажды, когда ему было десять лет и семь месяцев, Элистер без всякой причины ударил маленькую девочку. Когда она закричала, он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял учебник и попытался раскроить ей череп. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера от ребенка. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

А Элистер, когда его спрашивали об этом случае, утверждал, что ничего такого не делал. Может, это был кто-то другой. Чтобы он причинил кому-нибудь зло - да никогда! И вообще - ему нравилась эта девочка и он собирался жениться на ней, когда они вырастут. Дальнейшие расспросы привели к тому, что он впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Тогда еще можно было спасти Элистера, если бы кто-нибудь распознал у него ранние симптомы вирусной шизофрении.

В средней полосе очаги вирусной шизофрении существовали в течение многих веков, иногда вспыхивали и настоящие эпидемии - такие, например, как эпидемии кликушества во времена средневековья. Иммунологи никак не могли найти вакцину против вируса. Поэтому обычно, пока шизоидные компоненты были достаточно податливы, прибегали к массивному расщеплению; затем определяли и

оставляли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты с помощью проектора Миккльтона перемещали в инертное вещество тел Дюрьера.

Тела Дюрьера были способными к росту андроидами со сроком жизни в сорок лет. Однако Федеральный закон разрешал попытку реинтеграции личности по достижении ею тридцати лет. Отторгнутые личности, развивавшиеся в дюрьеровых телах, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело, где все они благополучно воссоединялись друг с другом - но только если расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обмороживаниями, снежной слепотой, пингвиновой лихорадкой и другими антарктическими заболеваниями, но в болезнях средней полосы не разбирался.

Элистера положили на пару недель на обследование в городской изолятор.

Первую неделю он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь изредка прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая, в свою очередь, называла его «милым ребенком». Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова становится самим собой.

Но вечером на тринадцатый день пребывания в изоляторе Элистер совершенно неожиданно расплосовал лицо нянечки разбитым стаканом, а потом предпринял отчаянную попытку перерезать себе горло. В госпитале, куда его поместили, чтобы залечить раны, он впал в каталепсию, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали абсолютный покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим из всех возможных решений.

После двухнедельного ступора с характерной для кататонии мышечной расслабленностью болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в Нью-Йорк в клинику имени Эла Смита. Там незамедлительно поставили точный диагноз - вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистеру было уже двенадцать лет, но он мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы специалисты смогли выявить его наклонности. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты становились все более несовместимыми. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом сумеречном мире, полном кошмарных видений. Массированное расщепление в таком случае вряд ли могло привести к хорошим результатам. Но отказаться от операции значило обречь

Элистера провести остаток жизни в клиниках, навеки погребенным в сюрреалистических темницах его разума.

Родители выбрали меньшее из зол и подписали согласие на запоздалую, отчаянную попытку расщепления.

Под глубоким синтогипнозом у него были выявлены три независимые одна от другой личности. Врачи поговорили с ними и сделали выбор. Двум из них дали новые имена и поместили в тела Дюрьера. Третью, собственно Элистера, которую они нашли наиболее подходящей и надежной, оставили в его подлинном теле. Все три личности при операции несколько пострадали, поэтому исход ее признали ограниченно удовлетворительным. Доктор Власек, лечащий нейрохирург, отметил в своем отчете, что для всех троих в силу их неадекватности нет никакой надежды на последующую реинтеграцию по достижении ими тридцати лет. Слишком поздно было произведено расщепление, и шизоидные компоненты утратили взаимопонимание, а также начисто лишились каких бы то ни было общих черт характера. Он подчеркнул, что о реинтеграции не может быть и речи и что каждому из них придется жить по-своему в пределах собственной суженной личности. Стремясь предотвратить нежелательную, да и невозможную попытку реинтеграции, двух Дюрьеров отправили к приемным родителям на планеты Эйя и Йигга. Доктора пожелали им всего наилучшего, сами, впрочем, не веря в это.

Элистер Кромптон, доминирующая личность, оставшаяся в подлинном теле, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных после отторжения шизоидных частей, ему всегда недоставало. Его навек лишили таких человеческих черт, эмоций и особенностей, которые ничем невозможно заменить.

Кромптон вырос и превратился в болезненно худого юношу среднего роста, остроносого, тонкогубого и лишенного обаяния. Его тусклые глаза скрывались за линзами очков, на лбу наметились залысины, а на подбородке кое-где пробивалась реденькая растительность.

Высокий интеллект и необычайно талантливое обаяние Кромптона обеспечили ему хорошую работу и быстрое продвижение по службе в «Сайкосмелл, Инк.»; в тридцать лет он занимал уже должность главного эксперта, предел мечтаний любого работника в этой области, что принесло ему почет и вполне приличный доход. Но Кромптон не чувствовал полного удовлетворения.

Он с завистью видел вокруг себя людей с изумительно сложными, противоречивыми характерами, людей, которые постоянно вырывались из стереотипов, навязываемых обществом. Ему встречались абсолютно бессердечные проститутки и армейские сержанты, ненавидевшие

жестокость; богачи, не жертвовавшие ни цента на благотворительность, и ирландцы, которые терпеть не могли сплетен; итальянцы, не способные пропеть ни одной мелодии, и французы, действовавшие без расчета и логики. Кромптону казалось, что большинство людей живет удивительно яркой, полной неожиданностей жизнью, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в равнодушный покой; они говорят одно, а делают совсем другое; поступают наперекор своей собственной натуре и превосходят свои возможности, сбивая тем самым с толку психологов и доводя до запоев психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого врачи ради сохранения его рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою сознательную жизнь, день за днем, с отвратительной методичностью работа в 8.52 Кромптон прибывал в «Сайкосмелл». В пять пополудни он убирал свои масла и эссенции и возвращался в меблированную квартиру. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и растягивался на узкой одинокой постели. Каждую субботу, протолкавшись сквозь тусовку безалаберных, веселых подростков, Кромптон ходил в кино. По воскресным и праздничным дням он изучал «Никомахову этику» Аристотеля, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон крадучись отправлялся к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. Дома, в полном уединении, он с жадностью поглощал его, а потом в порыве самоуничужения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, понимал, что врачи превратили его в стереотип ради его же блага, и пытался смириться с этим. Некоторое время он поддерживал компанию с такими же заурядными, ограниченными личностями. Но все они были высокого мнения о себе и закоснели в собственном самодовольном невежестве. Они были такими от рождения и потому не чувствовали своей неполноценности, не мучились жаждой самовыражения и не хотели видеть дальше своего носа. Кромптон скоро признал, что люди, похожие на него, невыносимы, а значит, и сам он невыносим для окружающих.

Он изо всех сил старался вырваться за грани удручающей неполноценности своей натуры. Он посещал лекции по самообразованию и читал духовную литературу. Он даже обратился в нью-йоркское бюро знакомств, которое организовало ему свидание. Кромптон воткнул белую гвоздику в петлицу и отправился к театру «Люу Юпитер» на встречу с загадочной незнакомкой, однако за квартал

до театра его пробрала такая дрожь, что он вынужден был повернуть назад.

В характере Кромптона были всего четыре основные черты: интеллект, целеустремленность, настойчивость и воля. Неизбежное разрастание этих свойств превратило его в исключительно рациональную, монолитную личность, сознающую свои недостатки и страстно желающую восполнения и слияния с отторгнутыми компонентами. Как Кромптон ни бился, он не мог вырваться из жестких границ своей натуры. Его гнев на себя и на доброжелателей-врачей становился все сильнее, и так же сильно нарастала в нем потребность шагнуть за пределы возможного. Но у Кромптона был всего один путь к обретению чудесной многогранности, внутренних противоречий и страстей - словом, всего человеческого. И путь этот лежал через реинтеграцию.

Глава 3

И вот в день, когда ему исполнилось тридцать - законный возраст для реинтеграции, - Кромптон отправился к доктору Власеку, нейрохирургу, который в свое время оперировал его. Кромптон был взволнован, жаждал узнать имена и адреса своих недостающих компонентов, мечтал воссоединиться с ними и стать полноценным человеком.

Доктор Власек запросил его больничную карту, обследовал Кромптона с помощью когноскопа, ввел данные в компьютер и, просмотрев результат, покачал головой.

- Элистер, - сказал он, - очень сожалею, но советую вам отказаться от реинтеграции и смириться со своей теперешней жизнью.

- Но почему же?

- Согласно компьютерным данным, у вас не хватит ни сил, ни стойкости, чтобы уравновесить ваши компоненты, слиться с ними.

- Но у других-то получается! - воскликнул Кромптон. - А у меня не выйдет? Почему?

- Потому что слишком поздно прибегли к расщеплению. Шизоидные сегменты слишком закоснели.

- Все равно я хочу попробовать, - сказал Кромптон. - Пожалуйста, назовите мне имена и адреса моих Дюрьеров.

- Умоляю, откажитесь от ваших намерений, - сказал Власек. - Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти.

- Дайте адреса, - холодно потребовал Кромптон. - Это мое законное право. Я чувствую, что справлюсь с ними. И когда они целиком

подчинятся моей воле, произойдет слияние. Мы станем единым целым, и я наконец буду полноценным человеком.

- Да вы даже не представляете себе, что такое эти ваши Дюръеры! - возразил доктор. - Вы считаете себя неполноценным? Да вы жемчужное зерно в куче этого навоза!

- Мне все равно, какие они, - сказал Кромптон. - Они - часть меня. Пожалуйста, их имена и адреса.

Горестно покачав головой, доктор написал записочку и протянул ее Кромптону.

- Элистер, эта авантюра не имеет никаких шансов на успех. Умоляю - еще и еще раз подумайте .

- Спасибо, доктор Власек, - сказал Кромптон и с легким поклоном покинул кабинет.

***

Стоило Кромптону очутиться в коридоре, как от его самоуверенности не осталось и следа. Он не посмел признаться доктору Власеку в своих сомнениях, не то добрый старик отговорил бы его от реинтеграции. Но теперь, когда имена были у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера обуял страх. Его затрясло крупной дрожью. Он подавил приступ, добрался на такси до дома и сразу же бросился в постель.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, словно утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом припадок кончился. Он сумел унять дрожь в руках настолько, чтобы вытащить из кармана и прочесть записку, которую дал ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса, проживающего на планете Эйя. Вторым - имя Дэна Стэка, жителя планеты Йигга.

На что похожи эти две составные части его личности? Какой характер, какие типичные черты приобрели отторгнутые от него сегменты?

В записке об этом ничего не говорилось. Он разложил пасьянс, прикидывая, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный шизоидный рассудок был явно одержим манией убийства. В случае слияния исчезнет ли эта одержимость? А может, он выпустит на волю потенциального убийцу? И, кроме того, разумно ли идти на этот шаг, который грозит ему умопомешательством или даже смертью?

Если верить доктору, шансы на успех невелики, но Кромптон был полон решимости сделать попытку. В конце концов, смерть или безумие не хуже, чем его теперешняя жизнь, да и не так уж сильно отличаются от нее.

Итак, решено. Но оставались еще чисто практические трудности. Чтобы воссоединиться, ему придется слетать на Эйю, а потом на Йиггу. Однако межзвездные путешествия крайне дороги, а между Эйей и Йиггой пролегло чуть не полгалактики.

Он просто не в состоянии собрать такую кучу денег, чтобы оплатить перелет и прочие неизбежные затраты. Точнее говоря, он не в состоянии собрать нужную сумму законным способом.

Кромптон был до щепетильности честным человеком. Но речь шла о жизни и смерти. В его положении приходилось выбирать между кражей и психическим самоубийством.

Кромптон не был самоубийцей. Он тщательно обдумал свое решение, взвесил шансы и составил план действий

Глава 4

Элистер Кромптон, крепко сжимая в руках розовый кварцевый пузырек, неслышными шагами прошел по тропе Первоцвета, как называли светло-фиолетовый коридор, ведущий к административному центру. Лицо его было бесстрастно. В конце коридора находилась огромная дубовая дверь, над которой был изображен единорог, нюхающий букет весенних полевых цветов из рук жеманно улыбающейся красотки в пышной юбке. Так выглядел герб «Сайкосмелл, Инк.». Ниже можно было прочесть горделивый девиз компании - измененную на одно слово строку Марциала <Марциал, Марк Аврелий, римский поэт, примерно 40-гг>: «Vene olet, quibene semper olet» <Пахнет хорошо, что пахнет хорошо всегда (лат.)>.

Дверь бесшумно растворилась, и Кромптон вошел в зал. Прямо перед ним полукругом стояло шесть кресел, в которых сидели члены Совета. В центре полукруга, на возвышении, в огромном кресле восседал легендарный Джон Блаунт, основатель фирмы и председатель Совета директоров.

- Вы Кромптон, не так ли? - проскрипел он дрожащим надтреснутым голосом - Проходите, Кромптон, дайте взглянуть на вас.

Джон Блаунт был древним стариком с точки зрения продолжительности существования его как личности. Но если подсчитать средний возраст отдельных частей его организма, получалось, что он совсем еще юноша. За прошедшие годы органы Блаунта были либо восстановлены, либо полностью заменены. К примеру, его неприлично розовая, блестящая кожа насчитывала не более десяти лет. Но мозг оставался подлинным, так же, как и древние, непостижимые глаза, такие же неуместные на этом крепком юношеском лице, как глаза монстра гелы <Гела - ядовитая ящерица,

водится на реке Гела на юго-востоке США>, выглядывающие из бочки с апельсиновым желе - Ну-с, Кромптон, как поживаете? - старческий голос странно контрастировал с молодым сильным телом. Блаунт отказался изменить голос и оставил свои собственные руки, постоянно подчеркивая, что он наслаждается старостью и ему претит поддельная молодость. Он хотел оставаться старым, но полным жизни, и делал только самое необходимое для того, чтобы поддерживать себя в этом состоянии.

- Прекрасно, сэр, - ответил Кромптон.

- Рад, Кромптон, рад слышать это. Я слежу за вашей карьерой с интересом. Вы проделали колоссальную работу для фирмы, мой мальчик Хи-хи-хи! А теперь вы пришли порадовать меня новым творением вашего гения?

- Надеюсь, вам понравится, сэр, - сказал Кромптон, с трудом удерживаясь от неожиданного, совершенно иррационального побуждения броситься старику в ноги и униженно пресмыкаться перед ним. Кстати сказать, такое желание возникало в присутствии Блаунта у многих, даже у его жены, у которой на коленях выросли мозоли в полдюйма толщиной, оттого что она не сдерживала своих порывов.

- Ну что ж, тогда приступим, хи-хи-хи. Блаунт протянул сухую корявую руку, похожую на лапу королевского грифа. Кромптон вложил в эту руку кварцевую бутылочку и отступил назад.

Основатель откупорил пузырек и осторожно понюхал (своим подлинным, данным ему от рождения носом - из чувства гордости и благоразумия он не стал подделывать орган, который сделал его сказочно богатым).

- Итак, что мы тут имеем? - вслух подумал Блаунт, с силой раздувая ноздри, чтобы полностью впитать аромат своим старым, заскорузлым, но еще очень чувствительным обонятельным органом.

Какое-то время он молча сидел, закинув голову назад и так работая ноздрями, будто это была пара кузнечных мехов. Кромптон знал, что сначала старик проанализирует самые основы композиции, разделив смесь и оценив качество различных запахов - цветочных, фруктовых, гниlostных, пикантных, смолистых и горелых. Затем, с точностью ольфактометра <Прибор для измерения интенсивности запахов.>, измерит интенсивность компонентов и разберет каждый из них в отдельности. И только завершив этот многосторонний анализ, позволит себе расслабиться и насладиться воздействием всей субстанции.

- Первые впечатления - берег моря Наслаждений, беседка, увитая розами, ветры пустыни, нежное детское лицо, запах северного ветра... Совсем неплохо, Кромптон! А вот и более глубокое восприятие -

солнце на морской волне, ряды ламинарий, серебряные скалы, железная гора и.., девушка!.., девушка!..

Директора неловко заерзали при звуках дрожащего крика, исторгнутого из глотки искусственно омоложенного старика. Уж не дали маху Кромптон - может, неправильно рассчитал угол вращения радикала?

- Девушка! - вопил Основатель. - Девушка в белой кружевной мантилье! О, Ниве, как я мог забыть тебя! А сейчас передо мной черная вода озера Титикака, волны плещутся о железные сваи причала. Огромная птица, кондор, низко парит над нашими головами - дурная примета; из-за тяжелых пурпурно-розовых туч выглядывает солнце. Ниве, ты держишь меня за руку, ты смеешься и не знаешь...

Основатель умолк. Долгую, нескончаемую минуту он сидел неподвижно. Потом опустил голову, возвращаясь к действительности. Видение растаяло.

- Кромптон, - сказал он наконец. - Вы создали превосходный эликсир. Не знаю, как отнесутся к нему мои коллеги, но мне он доставил мгновения редчайшего наслаждения. Воспоминания, конечно, не мои, но картина настолько яркая, что наверняка кто-то пережил все это. Джентльмены, даю двойную премию! Кромптон, я на треть увеличиваю ваш оклад, каким бы он ни был на сегодняшний день.

Кромптон поблагодарил его. Пока кварцевая бутылочка переходила из рук в руки, он выскользнул из зала, и огромная дубовая дверь бесшумно закрылась у него за спиной.

Новость, как пожар, распространилась по кабинетам «Сайкосмелла». Кругом царило веселье и всеобщее ликование. Кромптон, совершенно бесстрастный, вернулся в свой кабинет, запер за собой дверь и, как всегда после трудного дня, сильно потянулся. Потом быстро закупорил драгоценные вещества и сунул их в желоб, по которому они скатились в вакуумные погреба и вернулись в свои герметические хранилища.

Только одно отступление от правил нарушило привычный каждодневный ритуал. Взяв колбу с очищенной эссенцией люристини, самого дорогого в Галактике вещества, Кромптон без колебаний перелил содержимое в плоский герметичный сосуд и опустил его в карман. Затем налил в колбу обычное масло иланг-иланга и отправил ее в погреб.

Теперь он стал единоличным владельцем девятнадцати граммов люристини - субстанции, которую получают в результате двухгодичной ручной выжимки из единственного на Альфоне IV дерева, сверхтвердого и сухого. У Кромптона в кармане оказалось целое состояние, которого хватит, чтобы слетать и на Эйю, и на Йиггу.

Он перешел Рубикон - сделал первый и бесповоротный шаг к реинтеграции. Начало положено. Только бы все окончилось благополучно!

Глава 5

- Они и сами не знают, чего плетут, - заявил пьянчужка в красноватой шляпе пирожком, обращаясь к Элистеру Кромптону.

- Да и вы тоже не знаете, - резко осадил его Кромптон.

Он сидел за извилистой стойкой Дамбалла-клуба в Гринвич-Виллидж - районе с сомнительной репутацией. Проигрыватель наяривал старый шлягер «Беби, набей свой животик» в исполнении Генджиса Хана. Кромптон, потягивая безалкогольное пиво, поджидал своего знакомого, Элигу Рутински - главного агента (Н)ГСН.

- Конечно, и я не знаю, - отвечал веселый красношляпый сосед с высокого, как обелиск, табурета, зажав в лапе с черными ногтями и разбитыми костяшками наполовину пустой (или наполовину полный) бокал «Олд Пингслоппа», очищенного сухого виски. - Но я-то, по крайней мере, знаю, что не знаю, а это уже кое-что. И даже до того, как я узнал, что не знаю, я уже знал, что понятия не имею, чего это я плету. Ну вот возьмите, к примеру, нас с вами. Вы, наверное, думаете, что я здесь оказался чисто случайно - просто первый встречный, а то и предмет, на котором вы остановили свой взгляд, а?

Кромптон ничего не ответил. Все это время он крепко держал себя в руках, начиная с того самого мгновения, когда, покинув кабинет, сел в «Силлз-Максвелл» и поехал в Манхэттен, чтобы встретиться здесь с человеком, который опаздывал уже на десять минут. Сосуд с люристикой жег ему бок, словно путеводная звезда, предвещающая встречу с потерянными родственниками. А подонок в красноватой шляпе пирожком вдруг наклонился к нему вплотную и обдал его чувствительные ноздри мерзким запахом перегара.

- *Mi coche no va* <Моя машина не едет (лат.)>, - неожиданно произнес красношляпый.

Это был пароль, придуманный давным-давно, когда в мирной обстановке Кромптон обдумывал весь этот план.

- Вы Элигу Рутински! - прошептал Кромптон.

- Он самый, к вашим услугам, - сказал пьянчужка, срывая с головы шляпу, а вместе с нею искусную маску и видимость опьянения и обнаруживая серебряную гриву, обрамляющую длинное печальное лицо неуловимого бдительного Рутински. - Предосторожности не бывают лишними, - проговорил он с едва заметной улыбкой.

В качестве главного агента (Нелегальной) Гильдии свободных нюхальщиков ((Н)ГСН, этот человек отвечал за демократизацию и монополизацию психонюхания в Албании, Литве и Трансильвании. Гильдия, хотя и занимала в США нелегальное положение, была должным образом зарегистрирована и платила налоги, как и положено всем нелегальным организациям.

- Побыстрее, приятель, дорога каждая минута, - сказал Рутински.

- Что до меня, то я времени зря не терял, - возразил Кромптон. - Я пришел вовремя. Вы сами превратили простую преступную сделку в драму плаща и кинжала.

- А если во мне пропадает талант драматического актера? - сказал Рутински. - Это что, преступление? А кроме того, я проявил бдительность. Можно ли осуждать человека за это?

- Я вас вовсе не осуждаю, - сказал Кромптон. - Я пытаюсь доказать, что меня торопить ни к чему, потому что не я тратил время зря. Так приступим к делу?

- Нет. Вы оскорбили меня в лучших чувствах, задели мою честь и усомнились в моей храбрости. Пожалуй, надо выпить еще.

- Ну хорошо. Если мои слова так расстроили вас, я приношу свои извинения. А теперь, может быть, перейдем к делу?

- Нет, мне кажется, вы неискренни, - мрачно заявил Рутински, кусая ногти и сопя.

- Господи, и как это вам удалось стать главным агентом нюхальщиков? - разозлился Кромптон.

Рутински взглянул на него и вдруг ослепительно улыбнулся.

- Я стал им потому, что я был умный, находчивый, смелый и очень деятельный. Понятно? А теперь я плевал на все это. Покажите-ка мне свою бутылку.

Кромптон протянул ему флакончик, завидую про себя темпераменту Рутински. Когда-нибудь, после ре-интеграции, он тоже будет ошеломительно поп sequitors <Непоследовательным (лат.)>.

Молча, молниеносным движением Рутински достал из кармана миниатюрный ольфактометр и прижал его к флакону. Для начала он убедился, что это действительно люристыя. Затем, удовлетворенный результатом, приступил к измерению интенсивности, чтобы убедиться, что Кромптон не добавил туда никакого желе или жидкости.

Стрелка на шкале описала полный круг и уперлась в последнюю точку.

- Н-да, вот это вещь! - благоговейно протянул Рутински и посмотрел на Кромптона увлажнившимися глазами. - Друг мой, вы просто не представляете, что вы сделали для нас! С помощью этой маленькой бутылочки я освобожу свободных нюхальщиков от всех проблем. От

имени святого Эдвина Паджера, седовласого главы нашей организации, благодарю вас за услугу, мистер Кромптон!

- Никакая это не услуга, это криминальная сделка. Короче, давайте деньги!

- Само собой. - Рутински достал из кармана набитый бумажник и начал отсчитывать банкноты. - Так, посмотрим... Мы договаривались на сумму 800 тысяч СВУ в валюте Эйи и Йигги поровну. По нынешнему курсу это составляет 18 276 эйяньских пронигов и 420 087 йигганских дранмушек. Вот. Надеюсь, тут все правильно.

Элистер распихал деньги по карманам - и остолбенел, услышав пронзительный свист, доносившийся откуда-то из живота Рутински.

- Что это? - спросил он.

- Радиосигнал, - сказал Рутински, вынимая из кармана жилета крошечный радиоприемник, размером и формой напоминавший додеканесскую <Додеканес (Спорады Южные) - острова в Эгейском море> табакерку. - Это специальная передача ССКО. Без нее никак нельзя.

- Бога ради, что это еще за ССКО? - спросил Кромптон.

- Служба скорого криминального оповещения, - объяснил Рутински.

- Вы не слыхали о ней? Давайте послушаем, что они скажут.

«Добрый день, друзья-преступники, - раздался из миниатюрного квадрафонического динамика веселый голос диктора. - Ваш старый приятель Джек Потрошитель вещает на секретных частотах с подпольной мобильной радиостанции, запрятанной в горах Сангре-де-Кристо в старой романтической Мексике. У нас есть о чем рассказать вам, ребята: вы услышите последние известия об ограблениях банков, а наше справочное бюро, как всегда, предоставит вам ежедневный список переполненных богатыми простофилями городов, в которых законы наиболее снисходительны, а то и вовсе не существуют. Сегодняшнюю передачу подготовили для вас «Разбойничьи Портные» - изобретатели пальто с тысячью карманов, фирма «Мартин энд Мишкин», специализирующаяся на инструментах для медвежатников, и «Олд Гейдельберг», выпускающая таблетки цианида для тех, у кого не клеится с делами. Обо всем этом и о других превосходных изделиях вы услышите в нашей передаче немного позже. А сейчас самая свежая новость, с пылу с жару: из надежных источников нам стало известно, что фирму «Сайкосмелл, Инк.», этого спрута-монополиста в мире запахов, накололи на девятнадцать граммов люристини - самого драгоценного субстрата во всей Галактике! Имя подозреваемого уже объявлено, так что мы не раскрываем никаких тайн: это Элистер Кромптон! Если вы нас слышите - значит, успели смыться не так уж

далеко. Удачи, Элистер! Она вам скоро очень понадобится! А теперь несколько отрывков из «Оперы нищих»...»

Рутински выключил радио.

- Рухнули планчики, а?

- Это невозможно! - пробормотал Кромптон. - Еще две недели все должно было оставаться шито-крыто. Меня же никто не проверяет! Не понимаю...

- Понимание для вас сейчас - непозволительная роскошь, - изрек Рутински. - Прощайте, Кромптон! Если вас схватят, скажите, что Рутински смеется им в лицо.

С этими словами он вытащил из кармана нуль-гиперэнергетический плащ, быстро расправил складки украденного одеяния (по закону носить его имели право только сотрудники ФБР высочайшей категории), набросил его на плечи и мгновенно исчез. Только красноватая шляпа пирожком осталась лежать на стойке бара. Знак Рутински!

Кромптон расплатился и устремился наружу, во враждебный и ничего хорошего не предвещающий мир.

Глава 6

«Наконец-то я с тобой наедине, моя капризуля! Итак - пену, пожалуйста!»

- Если не трудно, выключите приемник, - попросил Кромптон.

- Черта с два, приятель, - прорычал обливающийся потом водитель велокеба. - Я постоянно слушаю «Шагреновый дом», это моя любимая передача.

«Разрешите мне показать вам, как это делается в Джибути, - щебетало радио, - с бабочками...»

Кромптон откинулся на спинку сиденья, стараясь сохранить хладнокровие. Что случилось? Как они сумели выйти на него? Сможет ли он выкрутиться? Он направлялся в нью-йоркский космопорт, расположенный на месте бывшего Бруклина. Велокеб уже проехал Стоун-стрит и Джей-авеню - погони не было. До космопорта оставалось совсем немного.

«Дитмас, во имя лакмусовой бумажки, убери руку с моей задней ноги!» - продолжал верещать приемник.

Теперь такси огибало памятник Уильяму Бендиксу. Впереди показались две выпуклые башни космопорта. Машина еле двигалась в дорожной сутолоке: велосипеды, велокебы, трехколесные велосипеды, мужчины на роликах, женщины на ходулях с пружинками, люди на трясучках - именно из-за, этих разнообразных средств передвижения

Нью-Йорк и прозвали «Городом потных ляжек». Наконец велокеб добрался до главных ворот космопорта.

«Рутабага? - вопрошало радио. - Само собой, этому есть объяснение и попроще...»

- Водитель, остановите, я схожу, - сказал Кромптон.

- С вас пять шестьдесят. «Гроутстак? Полагаю, нет...»

- У вас нет более мелких?

- Сдачу оставьте себе!

«Диффамация, моя бедная Сильвия, это для новичков, а человеку искушенному нравится его *mot juste* <Меткое словечко (фр.)>...»

Спрыгнув с велокеба, чуть не угодив при этом под телегу, запряженную волами, которой управлял усатый возница, Кромптон проскочил через главные ворота с видом человека, опаздывающего на корабль, что, кстати, соответствовало действительности.

Он пробежал мимо Дисней-стенда, миновал продавца сильнодействующих «колес», модную лавку «Наказание» и, задыхаясь, подошел к стойке «Транс Пан Интерстеллар Спейсвейс Систем» (ТПИСС) с гордым девизом: «*Non est ad astra mollis e terra via*» <Нет на земле дороги к звездам мягче (лат.)>.

Робот, очень, кстати, похожий на Альберта Деккера, взял у него талон на зарезервированное место.

- Ага, осень холосо, - сказал андроид с дурно налаженным произношением. - Но, Дзек, пьидеса запласть! Не заплатис - не поедис! Ни билета, ни полета!

- Конечно, я заплачу, - сказал Кромптон. - Как лучше - в эйяньских прониках или йигганских дран-мушках?

- Мы только полусить бетельгейзенские фьовики, улановых не нада, а есе, позалуста, амеликанские секи на эксплес-путесество. У вас нету? Бланк мозет поменять, о'кей, Дзо?

Кромптон кинулся в банк, где пышная красотка с Друмгеры IV своими выгнутыми губами ловко поменяла ему деньги. Он поспешил обратно к стойке ТПИСС и протянул банкноты андроиду.

- Прекрасно, сэр, - сказал андроид. - Прошу прощения за свое недавнее псевдокитайское произношение. В моей схеме нарушилась система самоконтроля, а я никак не мог найти электронщиков. Эти ребята обходятся в целое состояние и в конце концов все равно отсылают вас к специалисту. Приходится терпеть, а что я могу поделать, при моем-то жалованье? Обычно все было о'кэй, но сегодня - сплошное невезенье: цикл солнечных пятен совпал с показом картины Фу Манху в верхней комнате отдыха, а фотосинтетическая дифракция довершила дело, и в результате остался я дурак-дураком...

- Билет! - выдохнул Кромптон.

- Вот он, сэр, - сказал андроид. - Первая остановка на Эйе. Билет действителен в течение десяти лет, со всеми остановками. В пути вас будут кормить обедом, а в космосе вы сможете приобрести психоделики. Приходилось вам видеть фильмы Альберта Деккера? Сейчас в южной комнате отдыха проходит его фестиваль, от всего сердца советую посмотре...

Но когда андроид с лицом контрабандиста (свое он одолжил антрепренеру Альберта Деккера, за что мог бы поплатиться работой, если бы закон о «собственном обличье» строго соблюдался) повернулся к своему собеседнику, перед ним никого не оказалось: Кромптон сбежал.

- Кромптон, Кромптон, - сказал андроид, и от напряжения брови у него встали уголками. - Ах да! Рифмуется с Помптоном! - И он отвернулся, успокоенный. Андроиды никогда не горюют подолгу.

***

Люди, особенно относящиеся к категории Кромптонов, часто чувствуют себя несчастными и запуганными. Бледный, задыхающийся, с потными ляжками (как и у всех Нью-Йоркцев), Кромптон добежал до выхода на взлетное поле, и тут его сжали железной хваткой чьи-то руки. Кромптон поднял голову и увидел над собой плоское желтое лицо огромного андроида, похожего на маньяка-убийцу.

Надтреснутый, дрожащий голос произнес:

- Хорошо, Тото, держи его, но смотри не сломай. Мне еще надо поговорить с парнем, хи-хи-хи!

Сердце Кромптона провалилось в бесконечную пустоту, куда-то вниз живота. В отчаянии он повернулся и столкнулся взглядом с древними глазами, сиявшими на молодом лице Джона Блаунта.

Глава 7

- Ну-с, Элистер, что вы можете сказать в свое оправдание? - спросил Блаунт.

Кромптон пожал плечами. Космический корабль находился в каких-то жалких двадцати ярдах от него, дразня своей близостью - и, увы! - недостижимостью.

- Почти ничего, - сказал он. - Как вы узнали? Блаунт сочувственно улыбнулся.

- Только административная верхушка фирмы имеет полное представление о нашей системе безопасности, Элистер. Специальные сенсорные установки, расположенные в погребках, регистрируют

количество наиболее ценных субстанций на каждый данный момент. Эти сведения передаются в компьютер, который соотносит их с точными, официально подтвержденными данными и выдает результат. Расхождение на один грамм сразу же по тревоге поднимает силы безопасности, и одновременно об этом сообщают мне.

Проанализировав обстоятельства пропажи, я сразу понял, что винить в ней можно только вас, и решил собственноручно заняться этим делом.

- Это очень интересно, я не сомневаюсь, - сказал Кромптон. - И что теперь?

Старый Джон Блаунт осклабился своей мерзкой мертвецкой ухмылкой.

- А теперь, Элистер, вам придется целиком положиться на мое милосердие.

Элистера начало трясти. Заметив, что дрожит, он озадаченно нахмурился. Выглядело так, будто он боится этого человека, от которого теперь зависит его жизнь, хотя на самом деле страха он не испытывал. Потому что его поступок был поступком настоящего мужчины. Даже поражение, в конечном счете, ничего не меняло. Главное - он сделал все, что мог.

- Очень сомневаюсь в вашем милосердии, - произнес он ровным голосом. - И полагаться на него я не собираюсь. Лучше я пошлю вас куда подальше, и будь что будет. Идите-ка вы на хрен, мистер Блаунт!

Лицо Блаунта, не поверившего своим ушам, исказила гримаса крайнего изумления, превратившая его на миг в слабоумного старого маразматика. Как слепой, он вытянул руку вперед и заорал, задыхаясь от гнева и брызгая слюной:

- Ты.., ты...

- Хи-хи-хи, - передразнил его Кромптон. Тот реагировал на расстройство хозяина поднятием огромного кулака и готовностью размазать Кромптона по стенке. Кромптон вздрогнул, но даже бровью не повел.

Блаунт выкрикнул:

- Нет, не бей его!

Тот успел отвести удар, правда, ценой двойного перенапряжения - физического и морального.

- Кромптон, - проворковал старик легким и нежным голосом, подобным дуновению летнего ветерка, - вы знаете, что полагается за ваше преступление?

- Не имею ни малейшего представления, - сказал Кромптон.

- Десять лет тюрьмы.

- Я их запросто могу простоять на голове, - отпарировал Кромптон.

- Не сомневаюсь, что можете, - сказал Блаунт. - Именно поэтому я не собираюсь арестовывать вас.

- Не собираетесь?

Старик покачал головой и ехидно хихикнул.

- Вы свободны и можете отправляться в любой конец Галактики в поисках своих ненаглядных компонентов.

- Вы и об этом знали!

- А как же! Это входит в мои обязанности - знать обо всех уродцах, работающих у меня на фирме. Говорю вам, Кромптон, отправляйтесь на свои продолжительные и безнадежные поиски. Десять лет в кутузке - слишком легкое наказание для вас, однако это все, что наше коррумпированное мягкотелое правосудие воздаст вам за воровство, предательство и дурные манеры. Я хочу большего! Я сам хочу расплатиться с вами. Так что отправляйтесь, бегите от земных законов. Я найду вас. У меня длинные руки, бессчетное множество агентов, и месть моя вам гарантирована.

- Что вы собираетесь сделать со мной? - спросил Кромптон.

- Мое наказание будет достойно если не преступления, то преступника. Кромптон, вы когда-нибудь думали об асномии?

- Вы не сделаете этого, - сказал Кромптон, чувствуя, как начинают сдавать нервы.

- А по-моему, это превосходная идея - вывести из строя ваш драгоценный нос! - прокудахтал старый Основатель. - Можно ли придумать более изысканную месть: вы, обладатель самого тонкого обоняния на планете, больше не ощущаете никаких запахов, а?

- Да я скорее умру, - сказал Кромптон.

- Умрете, конечно, - всему свое время! Но сначала я лишу вас самой большой вашей ценности - несравненного обонятельного дара. Я отниму у вас запах морского прибоя на заре, креозота и махорки, бекона, шкворчащего на сковородке, тумана в осеннем лесу и аромат молодой женской груди! Все это станет вам недоступно, Кромптон! Вот оно, проклятие асномиков, и я вам его обещаю!

Кромптон повернулся и пошел прочь, онемев от страшных, но каких-то ребяческих угроз этого «юноши». Он вручил свой билет контролеру, тот прокомпостировал его в правом верхнем углу, и Кромптон прошел в оранжево-серый модуль, который доставлял пассажиров на орбиту за много миль от Земли, где их ждал космический корабль.

Оцепенение Кромптона прошло, как только модуль устремился вверх, к золотому солнечному сиянию. Даже мысли о смерти и асномии не могут расстроить человека, впервые в жизни оказавшегося в

космосе. Путешествие в неизведанное как рукой снимает все тревоги, по крайней мере на время.

ЧАСТЬ II

Глава 1

Пассажиры космического корабля, пристегнув ремни, потягивали апельсиновый сок из бумажных пакетов. Им пришлось пережить не слишком приятные мгновения, когда отключили генератор искусственной гравитации и стюардессы, продолжая улыбаться, взмыли в воздух. Но скоро все пришло в норму. Зажглись красные лампочки старта.

- С вами говорит капитан Эдди Ремонстратор, - раздался из динамиков приятный голос с легким среднезападным акцентом. - Леди и джентльмены, мы находимся в предстартовом положении, и, возможно, вам будет небезынтересно услышать от меня описание процедуры старта, поскольку это самый захватывающий момент во всем путешествии. Так вот: поисковые щупы порта и корабля работают на полную мощь, охватывая девяносто градусов по кругу. Как вам, наверное, известно из журнальных публикаций, они исследуют космическую структуру, выискивая так называемые «области прорывов Фостера-Гарриса», или, попросту говоря, ФГопы. Эти ФГопы, друзья мои, представляют собой как бы дырки в космическом пространстве, которые можно сравнить с дырой, проделанной насквозь в сложенном вдвойне куске материи. Видите ли, у космоса нет субстанции, но есть конфигурация. Это было доказано в ..09 году Эдквайзером и Брейнтри, что и открыло возможность скоростных межзвездных перелетов. Но вы, должно быть, помните, что космическая конфигурация существует только в величинах одного порядка.

Так вот, обнаружив подходящий ФГоп... Извините, я на минутку. О'кей, я снова тут. Корабельный зонд нащупал жирный ФГоп, и мне предстоит запустить нашу старенькую посудину в эту ФГоп-спираль, потому что, друзья мои, на самом деле это вовсе не дыра. Это скорее труба, закрученная спиралью, и мы должны пройти через нее. Космические конфигурации всегда имеют форму спирали, только не вблизи от серых звезд. Так гласит закон фон Грешама.

О'кей, ребята, мы приближаемся. Скоро наш корабль мягко проскользнет по спиральной дорожке, которая в п-мерном пространстве прочерчивает прямую линию. Мы приближаемся... Боцман, выровнять курс! Так держать... Держись сигнальной линии по внешнему отсеку... Да лево же руля! Давай, давай, входи!.. Да потише,

черт тебя дери! Закрой головные клапаны! Табулятор суммирующего устройства - на девять сотых! Втягивай наружную антенну! Приоткрой на семь градусов заглушки на двухклапанном ремуладе! (Тут голос капитана стал удаляться, речь сделалась прерывистой и неразборчивой.) О'кей, теперь этот болотный разрыв барабанных перепонки быстро закроется! А ну-ка на скрипочке сыграй! (Этого он не мог сказать, подумал Кромптон, мне просто послышалось.) А теперь обернулись вокруг двух дядюшек - и круши к черту эти размахавшиеся турникеты-роторы! А теперь поцелуй старого осла в зад и дуй прямиком сквозь тромбоновые запоры! (Нет, подумал Кромптон, этого он точно сказать не мог!) Смотри за тормозами - они то и дело дурака валяют. Ну-ну, пошло-поехало! Кидай его в старую дыру, как коня в стог сена! Теперь застегни штаны, умерь свой пыл и - вперед, по наезженной дорожке! Воцарилась тишина. Потом капитан сказал:

- Ну что ж, братцы, теперь вы более или менее усекли, каким образом корабль отправляется в путь. По этой ФГоп-спирали мы будем лететь около двадцати часов субъективного времени, так что расслабьтесь и чувствуйте себя как дома. Наша стюардесса примет заказы на психоделики у тех, кто хочет вознестись к небесам, путешествуя в космосе. В носовой комнате отдыха крутят кино, говорят, классное, что-то об Альберте Деккере. Наслаждайтесь, друзья мои, капитан Ремонстратор заканчивает передачу.

***

Кромптон энергично потер нос в сомнении, то ли он чего-то недослышал, то ли капитан Ремонстратор ведет себя несколько странно. Впрочем, возможно, и то, и другое одинаково справедливо.

- Да, так оно примерно и есть, - заметил человек, сидевший в соседнем кресле.

- Что, простите? - спросил Кромптон.

- Справедливо и то, и другое.

- О чем это вы? - изумился Кромптон.

- Я имею в виду вашу мысль перед тем, как мы заговорили. Вы раздумывали, послышалось вам все это или капитан действительно вел себя необычно. Потом вы решили, что, наверное, правильно и то, и другое, - вывод совершенно справедливый и свидетельствующий о вашем интуитивном понимании вариативности дихотомии наблюдателя-наблюдаемого.

- Так вы читаете мои мысли, - сказал Кромптон и внимательно посмотрел на собеседника. Он увидел свежее лицо молодого человека,

подстриженного ежиком, в сером свитере, коричневых спортивных брюках и белых замшевых туфлях.

- Если настроюсь соответственно, то читаю.

- Но это же посягательство на мою личную жизнь, - заявил Кромптон.

- Почему? Когда вы произносите вслух какие-то слова, вы ведь ожидаете, что окружающие услышат их? Чем они отличаются от мыслей, которые вы произносите про себя?

- Однако я произношу вслух не все мысли, которые приходят мне в голову.

- Вот как? Забавно. В общем-то мысли не так уж сильно отличаются одна от другой. Это просто сотрясение воздуха, в них нет ничего личного. С давних пор многие существа обмениваются таким образом мыслями друг с другом и не становятся от этого ни лучше, ни хуже.

- Уж не из тех ли вы юнцов, которые обожают разглагольствовать на серьезные темы? - заинтересовался Кромптон.

- Мне еще нет миллиона лет, - ответил сосед. - По галактическим меркам я достаточно молод. Но время от времени я встречал подобных субъектов.

- Меня ваши шуточки ничуть не забавляют, - сказал Кромптон.

- Я - эйянин, - сказал молодой человек. - Я всегда говорю правду, даже тогда, когда лгу. А все эйянские шутки отличаются дурным вкусом, потому что мы слишком стары, чтобы оттачивать их. Но, кажется, вам требуются доказательства.

- Я бы не возражал, - сказал Кромптон.

- Тогда держитесь.

Юноша с нежным лицом поднял руку и коснулся кончика носа. В ту же секунду лицо его превратилось в изборожденную морщинами старческую физиономию, одежда - в драный серый халат, а заговорил он резким визгливым голосом:

- Одна хорошая метаморфоза стоит миллиона слов.

- О, пожалуйста, не делайте этого! - воскликнул потрясенный Кромптон.

Старик вернулся в обличье нежнокожего юноши.

- Хотите, я продемонстрирую вам еще какие-нибудь сверхчеловеческие возможности?

- Лучше не надо, - сказал Кромптон. - Я вам и так верю. Дайте мне время свыкнуться с этим.

- Да, конечно, Кромптон, - сказал эйянин. - Хочешь выжить - умей вертеться. За пределами Земли происходят всякие необычные вещи - не стоит терять время, оглядываясь вокруг в изумлении. Ваше отношение ко всему здесь должно быть пи <Простое, без иллюзий (фр.)>: ну

случилось нечто странное - подумаешь, эка невидаль; а еще что новенького? Иначе вы не сумеете правильно отреагировать, столкнувшись с чем-то поистине необычным.

Кромптон глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

- Ну хорошо, - сказал он. - Вы эйянин, вам миллион лет, и вы обладаете сверхчеловеческими способностями. А еще что новенького?

- Вот так-то лучше. Что новенького? Вот вы садитесь в космический корабль, и вашим соседом по креслу оказывается представитель той планеты, на которую вы летите. Совершенно очевидно, что я многое о вас знаю. Так же очевидно, что у меня есть свои планы на ваш счет. И абсолютно ясно, что мы с вами собираемся прийти к определенным соглашениям.

- Очевидно, - кивнул Кромптон. - И что еще новенького?

- Не умничайте, дорогой, - сказал эйянин. - Хотите узнать, к чему все это?

- Жду с нетерпением.

- Кромптон, мы, эйяне, старейшая из разумных рас в Галактике. И одна из умнейших. Мы в какой-то степени бессмертны. Мы видали лучшие времена. Давным-давно мы завоевали эту Вселенную, но скоро поняли, что радости от этого никакой, и вернули все владения. И делать нам стало нечего, по крайней мере, не было ничего стоящего по нашим понятиям. Так что мы ничего и не делаем, только играем в нашу Игру.

- Я слышал об эйянской Игре, - сказал Кромптон. - Но, по-моему, никто толком о ней ничего не знает.

- Это не оттого, что мы держим что-то в тайне, - сказал эйянин. - Просто наша Игра не поддается объяснениям. Ее абсолютно невозможно описать, потому что она постоянно меняется в соответствии с правилами, которые мы попутно выдумываем.

- И что же - вы действительно ничем больше не занимаетесь? - спросил Кромптон. Эйянин пожал плечами.

- У древних, совершенных народов есть свои особые проблемы, Кромптон. К примеру, что делать, став абсолютно просвещенным? Не думаете же вы, что мы выстраиваемся в круг, улыбаясь друг другу. Вот мы и играем в свою Игру. Наше веселье состоит в том, чтобы превзойти друг друга. При этом мы всегда помним, что каждый из нас - это все мы и что, одерживая верх над другими, мы одерживаем верх над собой. И это нам нравится, так как Игра не должна приносить больших доходов. Но играть надо серьезно и честно, согласно существующим на данный момент правилам.

- Все это очень интересно, - сказал Кромптон. - Но зачем вы мне рассказываете об этом?

- Да так уж вышло, Кромптон, что вы включены в мою Игру. Или включитесь, как только в ней произойдет нужный оборот. Вы будете одной из пешек, управлять которыми стану я. Забавно, верно?

- Нет, совсем не забавно, - возразил Кромптон. - Исключите меня из вашей Игры.

- Успокойтесь, - сказал эйянин. - Ведь я тоже пешка, которой вы будете управлять в вашей Игре.

- Знаете, в эти дни у меня будет полно забот, - сказал Кромптон. - У меня на это просто времени не хватит.

- Для вас жизненно важно разыскать ваши утерянные компоненты и добиться реинтеграции, не так ли? В этом и будет состоять ваша Игра. Чтобы достичь успеха, вам понадобится моя помощь. Без нее вы с таким же успехом могли остаться на Земле и продолжать разгадывать свои кроссворды.

- А если конкретно, в чем мне понадобится ваша помощь? - спросил Кромптон.

- Не имею ни малейшего представления, - ответил эйянин. - Откуда мне знать, если Игра еще и не начиналась?

- Если вы этого не знаете, - сказал Кромптон, - откуда вы знаете, что возникнут такие обстоятельства, которые заставят меня обратиться за помощью к вам?

- Это то небольшое, что мне дано знать, - ответил эйянин. - В конце-то концов, супермен я или нет?

Кромптон принялся обдумывать услышанное, и чем больше он размышлял, тем меньше ему все это нравилось.

- Не слишком ли вы ускоряете события? - сказал он. - Я не думал, что все обернется таким образом.

- Конечно, не думали, - согласился эйянин. - Как и большинство людей, вы хотите, чтобы все было по-вашему - и только там и тогда, когда вам захочется. Но, виноват. Вселенная не управляется вашими желаниями, Кромптон. Вот она! Вы можете дуться, настаивать на своем - и скорее всего вас убьют до того, как вы успеете сделать что-нибудь интересное, но вы можете согласиться на мое предложение, и в результате мы оба позабудемся.

- Ладно! - сказал Кромптон. - У меня, кажется, не такой уж большой выбор! Что дальше?

- Дальше я назову вам свое имя. Меня зовут Секюйль. Запомните его. Позднее мы снова встретимся в первый раз и тогда займемся делами.

- Подождите минутку... - начал было Кромптон.

- Эта встреча не в счет, - прервал его Секюйль. - Тут временные последовательности ни при чем. Все будет так, как будто ничего не было.

- Вы хотите сказать, что практически сейчас мы с вами и не встречались?

- Совершенно верно. Уже интересно, не так ли? Иногда бывает ужасно скучно ждать, пока те или иные события произойдут сами собой, а космические перелеты - это и вовсе потерянное время.

- Никак не пойму, - сказал Кромптон, - как мы с вами сможем увидеться в первый раз, если мы уже встретились сегодня?

- Но я же объяснил вам, - сказал Секюйль, - что эта встреча не в счет. Мне придется заплатить штраф за то, что я так поступаю. Я не буду помнить об этой встрече, когда на самом деле встречу вас.

- Ну, это уж совсем бессмыслица какая-то.

- А правила всегда бессмысленны, разве нет? - сказал Секюйль. - Однако так оно и будет. Я вас не узнаю, но вы узнаете меня и расскажете о нашей встрече, а я пушу в ход свои сверхъестественные способности к адаптации, и Игра начнется.

- Может быть, вы и супермен, - сказал Кромптон, - но мне кажется, вы не в своем уме.

- Ха, это становится совсем забавно, - сказал Секюйль. - Но, похоже, я исчерпал все материалы своей лекции, так что - отбываю.

Он улыбнулся Кромптону и исчез.

Какое-то время Кромптон сидел неподвижно. Потом позвал стюардессу:

- Извините, мисс, не могли бы вы назвать мне имя молодого человека, сидевшего рядом со мной?

- Вы, должно быть, шутите, сэр, - ответила она. - Это место было свободно все время полета.

- Этого я и боялся, - сказал Кромптон.

- Хотите еще апельсинового сока?

- Пожалуй, да, - тяжело вздохнул Кромптон.

Глава 2

«Странствующие и путешествующие, добро пожаловать на планету Эйя, и в ее столицу Ситесф, и в отель «Грандспрюиндж», расположенный в историческом районе Невратидэ, и на виднеющиеся вдали величественные Олеонианские Альпы. В этой брошюре мы расскажем вам о нашей планете, чтобы вы получили как можно более полное наслаждение и радость от знакомства с нашей уникальной цивилизацией.

Как вы, возможно, знаете из «Книги вселенских рекордов» Гиннеса, Эйя - древнейшая планета в Галактике, которую на протяжении всей ее истории населяла единственная коренная раса. Эта редкая цельность да еще тот факт, что на Эйе в течение последних 900 тысяч лет не было никаких войн, создает на планете атмосферу уверенности и домашнего уюта, не сравнимую ни с чем в Галактике.

Общество эйян немногочисленно - в нем ровно миллиард членов. Некоторые считают их бессмертными, но сами они называют себя просто сверхдолгожителями. Старейшему долгожителю Эйи, Трачу Нивере, по меньшей мере тринадцать миллионов лет, что доказал анализ ногтя его большого пальца, проведенный с помощью изотопов Швейцарским бюро подтверждений. (Увидеть мистера Ниверу можно по пятницам вечером в клубе «Кот Крот» в Западном Ситесфе, где он последние семьсот лет проводит сеансы чтения стихов.) Многие интересуются, как развлекаются эйяне, которые живут так долго и знают так много. На этот вопрос ответить непросто, поскольку эйяне в большинстве своем являются индивидуалистами. Они занимаются множеством разных вещей и изучают много любопытных и полезных фактов. Ничего иного не приходится ожидать от народа, два миллиона лет тому назад отказавшегося от постоянного обличья и осознанно подбирающего себе тела, эмоции, концепции и другие ценности. В этом смысле эйяне проживают бесчисленное количество жизней.

Эйяне не обладают какой-то фиксированной индивидуальностью. Они выбирают себе то или иное тело, чувства, ценности, а через какое-то время сбрасывают все это и переходят в новое обличье. Поэтому эйян можно назвать довольно веселой и дружелюбной расой, хотя те, кто не знаком с их обычаями, считают, что в деловых отношениях на них полагаться нельзя. (И все же справиться с этим достаточно просто: прежде чем заключить сделку с эйянином, спросите его о дате окончания его текущего психосоматического состояния. В этот период он будет строго выполнять все свои обязательства, следуя старинному эйянскому правилу: «Говори, что делаешь, и делай, что говоришь», сформулированному в свое время Амирром Таубой, создателем «Универсального этического кодекса всех мыслящих существ».) Но вернемся к проблеме развлечений: несмотря на разнообразные трудности, с которыми эйяне сталкиваются в своих последовательных существованиях, всех их объединяет приверженность к Игре. В нашей брошюре мы даже не пытаемся охарактеризовать Игру. Если вас заинтересует этот вопрос, обратитесь к работам «Игроки азартных галактических игр» Уолшмидта и «Стратегия несовместимости» Шарлеруа.

У каждого туриста есть возможность выбрать себе развлечение по вкусу. Особенно стоит отметить Сады Рюи в Восточном Ситесфе. Этот огромный развлекательный комплекс расположен на десяти миллионах акров живописной сельской местности, которую омывают фиолетовые воды (такими их сделали морские организмы под названием «груниус») Пираметикового моря. Комплекс сооружен в память о знаменитой космической битве в проливе Инфердунг, когда вооруженные силы Эйи разбили орду диких митсумианских кочевников, возглавляемую безумным Астарком Летумом. Сады устроены таким образом, чтобы обеспечить максимум удовольствий любому представителю девятнадцати цивилизованных видов. В общем, развлечений тьма, а цены весьма умеренные. Любители острых ощущений найдут для себя наслаждения, удовлетворяющие самым порочным и глубоко запрятанным желанием - их вам поможет раскрыть и осуществить многочисленный штат служащих вашей же разновидности, и вы несомненно получите подлинное наслаждение - не то что в лунапарке Гувилля на Дрогхвасте II, где все обслуживание, вплоть до сексуального, осуществляет меняющий формы (и порой очень рассеянный!) Дувериан Хунгорфьердс.

Но как справедливо заметил Амирра Тауба, сидя в раздумьях над картой Галактики, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Слова, в конечном итоге, также бессмысленны, как и дела, но при этом гораздо менее забавны. Итак, добро пожаловать на Эйю! И мы обещаем, что проведенное здесь время станет для вас временем второго рождения!»

Кромптон сунул брошюру в карман. Он сидел в холле отеля «Пингала Армз» в центре Ситесфа. Двенадцать часов назад его корабль «выбрался из трубы», как шутливо выразился капитан Ремонстратор. Кромптон заранее по телегну заказал себе комнату в отеле и теперь ждал человека, который должен был помочь ему.

Эдгар Лумис, которого он разыскивал, был той частью его ограбленной личности, которая ведала удовольствиями. Искатель приключений, чувственный любовник - без него Кромптон был лишен остроты, непосредственности восприятия жизни. Лумис в этом смысле был незаменим. Но оказалось, что найти его будет нелегко.

Почти сразу после прибытия на планету Кромптон отправился в справочное бюро, где были аккуратно подобраны все данные о проживающих на Эйе. Ему сообщили, что Эдгар Лумис пребывает в добром здравии и работает в Садах Рюи. Этим и ограничилась информация, ибо по недавно принятому закону адреса работающих в Садах Рюи были засекречены. Чиновник-андроид, хотя и посочувствовал Кромптону, и согласился, что такой закон не имеет

никакого смысла, ничем не мог ему помочь, разве только посоветовать ему собственноручно заняться розысками Лумиса в Садах.

Кромптон решил иначе. Ясно было, что такие розыски совершенно бесполезны, если принять во внимание необозримую территорию Садов и огромный штат сотрудников, для которых - по крайней мере, для определенной части - по роду их занятий были крайне нежелательны неожиданные встречи с особями мужского пола собственной расы.

Он попросил совета у портье гостиницы «Пингала Армз». Тот намекнул, что при известных обстоятельствах можно было бы кое-что предпринять, однако обстоятельства эти трудно определимы. Кромптон после некоторого замешательства наконец сообразил, чего от него ждут, и, пунцовый от смущения, протянул портье пригоршню проников. Тот, как ни в чем не бывало, телегнировал кому-то и велел Кромптону подождать в холле, пока к нему не подойдут.

***

Центральный вход в отель раздвинулся, и в него проскользнул маленький горбун в длинном драном плаще и разбитых ботинках.

- Вы Кромптон? - спросил он. - Идите за мной. Он вывел Кромптона на улицу к ожидавшему их лимузину. (Позднее Кромптон узнал, что машину снабжает энергией небольшой психофизический конвертер, который выжимает из специально выращенных для этой цели шимпанзе их волю и превращает ее в энергию вращения.) Горбун подождал, пока Кромптон заплатил ему шестьсот проников, а затем дал какие-то указания водителю, и экипаж тронулся в путь.

- Я ничего вам не гарантирую, - сказал горбун, - но я доставлю вас к единственному человеку, который может помочь вам, если пожелает.

- И кто же он? - спросил Кромптон.

- Недавно избранный член Совета Восточного Ситесфа. Именно он провел в жизнь закон, запрещающий разглашать те сведения, которые вам нужны.

- Чем же он может мне помочь?

- Так уж принято на Эйе: человек, ответственный за новый закон, имеет право делать из него исключения - для себя или для кого-нибудь другого.

- Вы хотите сказать, что человеку, который проводит новый закон, дается законное право нарушать его?

- Совершенно верно.

- Но это аморально! Это же явная коррупция!

- Напротив, закон предотвращает коррупцию, узаконивая ее.

- Мне это кажется совершенно бессмысленным, - сказал Кромптон. - Между прочим, с какой стати этот чиновник станет мне помогать?

- Причина та же, что и у меня, - сказал горбун. - Взятка.

- Понятно, - холодно сказал Кромптон.

- В этом веке мы все погрязли во взяточничестве, - объяснил, горбун.

- Это стало просто массовым помешательством.

Кромптон презрительно молчал.

- Насколько я понимаю, вы считали нас более добродетельными?

- Ну...

- Большинство туристов думает так же. Но нам, эйянам, осточертело быть добродетельными много тысячелетий тому назад. Нет в этом ничего забавного, да и Игре мешает.

- Понятно, - сказал Кромптон.

Какое-то время они ехали молча. Потом горбун сказал:

- Вижу, вам кажется странным - почему это я, эйянин, способный принимать любой облик, разгуливаю с горбом и в драной одежде.

- Мне не нравится, что вы читаете мои мысли, - отрезал Кромптон.

- Извините, - сказал эйянин. Помолчав, Кромптон спросил:

- И все же, раз уж вы затронули эту тему, действительно, почему?

- Несколько столетий назад я сделал неудачный ход в Игре и теперь должен оставаться в таком виде еще восемьдесят лет. Горб - это еще куда ни шло, в нем можно воду хранить, но вдобавок я получил такую диспепсию - с ума сойти можно!

- Хм, - сказал Кромптон.

- Да, вас не назовешь слишком интересным собеседником, - проговорил горбун. - Вот мы и приехали. - Машина подкатила на стоянку перед небольшим зеленым зданием. - Идите по главному коридору, первая дверь направо. Желаю удачи.

Машина затарахтела и умчалась прочь. Кромптон вошел в учреждение. Нашел дверь, о которой говорил горбун. Постучался.

- Входите, - ответили ему.

Кромптон открыл дверь и вошел в богато обставленный кабинет. Из-за стола на него смотрел эйянин со знакомым лицом и стрижкой ежиком. Это был Секюйль.

Глава 3

Секюйль смотрел на него так, будто видел его впервые.

- Чем могу быть полезен? - спросил он приятным, чуть хриловатым голосом.

- Я Элистер Кромптон, - сказал Кромптон. - Вы не помните меня?

Секюйль внимательно изучил его лицо и покачал головой.

- Боюсь, что нет. Вы, по-видимому, спутали меня с кем-то.

- Ваше имя Секюйль, - сказал Кромптон. - Мы встретились два дня назад на космическом корабле. Почти час мы беседовали с вами, а потом вы испарились.

- Два дня назад? - удивился Секюйль. - Вы уверены?

- Ну в этом-то я ошибиться никак не могу. Вы говорили мне, что участвуете в Игре или собираетесь начать играть. Вы сказали, что я буду пешкой в вашей Игре.

- Чертовщина какая-то! - Секюйль хлопнул себя по лбу. - Минуточку, я проверю по Гигантскому Компьютеру.

Он нажал кнопку на терминале маленького фиолетового настольного компьютера, расположенного слева от книги записей.

- Участвовал я в Игре в последние несколько дней? И в этот период нарушал ли я временную последовательность? - Он проследил за мельканием огней на считывающей панели, потом сказал:

- Ясно. Спасибо тебе, Гигантский Компьютер. - И обратился к Кромптону:

- Что еще я говорил вам?

- Вы говорили, что было бы забавно рассказать мне о всяких вещах вне временной последовательности. И сказали, что все забудете и что я должен буду напомнить вам...

- Понятно, - сказал Секюйль. - Да, подобные выходки в моем вкусе. На вечеринке на прошлой неделе нас угощали какими-то классными суперхреновинами.

Мы, эйяне, принимаем все, знаете ли, так как отравить нас попросту невозможно. Может, нас и вовсе нельзя убить - во всяком случае, не таким способом. Так что мы кидали что-то в наши старые глотки и занимались этим бог знает сколько тысячелетий - нас насилу отвадили от этого занятия. А потом мы почти все время ощущали горечь во рту. В общем, когда Кхаш со своим двойником притащили полежалую дерий-травку с Ацтека II, я уже ничего не соображал. И следующие два дня прошли как в тумане. Хотелось бы мне еще нюхнуть этой смеси...

- Я ничего не понял, - сказал Кромптон. - Но у меня есть свои проблемы. Не дадите ли вы мне адрес Эдгара Лумиса?

- А кто это - Эдгар Лумис? - спросил Секюйль.

- Что, мне все снова надо повторять? - возмутился Кромптон. - На корабле вы сказали, что наша встреча, которая состоялась тогда вне временной последовательности, позволит нам избежать утомительных объяснений, когда мы встретимся по-настоящему, то есть сейчас, - или, по-вашему, эта встреча тоже не в счет?

- Успокойтесь, - сказал Секюйль. - Я позволил себе заглянуть в ваши мысли и выяснил все об Эдгаре Лумисе и прочих обстоятельствах.

Теперь мне все ясно. Кстати, мне очень жаль, что я провел этот закон о служащих Садов Рюи. Никак не думал, что это коснется вас.

- А для меня абсолютно очевидно, что вы сделали это нарочно, чтобы заставить меня искать вас и просить об одолжении, - сказал Кромптон.

- Все не так просто, - возразил Секюйль. - Я - тот «я», что сейчас говорит с вами, - не имел понятия о вашем существовании и провел этот закон в полном неведении. Тот, что говорил с вами на звездолете, - совсем другой «я» - повлиял на меня и заставил принять такое решение.

- Сколько же у вас этих «я»? - поинтересовался Кромптон.

- Бесконечное множество, - ответил Секюйль.

- Трудно поверить, - сказал Кромптон.

- Это потому, что вы никогда не осознавали, какое влияние на то, кем вы являетесь в данный момент, оказывают ваши собственные личности из прошлого и настоящего. Кромптон, каждое чувствующее существо живет одновременно в различных временных рядах и старается улучшить свою жизнь, влияя на какое-то одно или сразу несколько своих тождеств. Внутренние голоса, подсказывающие вам порой, что делать и чего не делать, - это голоса ваших личностей из других времен и пространств, которые хотят улучшить свои собственные условия существования.

- Может, для вас это и так, - сказал Кромптон, - но не для меня. Я всегда остаюсь самим собой.

- Некоторые из ваших тождеств для вас сейчас недостижимы, - согласился Секюйль. - Но мои слова одинаково верны и для меня, и для вас. Вы в настоящий момент являетесь всего одним тонюсеньким голоском в мозгу некоего непонятливого Кромптона, который до сих пор даже и не думал о том, что это одно из его положений.

- Я ничего не понимаю, - признался Кромптон. - Но факт остается фактом: вы приняли закон, из-за которого я не могу узнать адрес Эдгара Лумиса. И, насколько я могу судить, вы дадите мне его координаты только в обмен на согласие быть пешкой в вашей Игре.

***

Секюйль изумился, потом откинулся на спинку кресла и расхохотался. Как правило, эйяне не позволяют себе смеяться от всей души в присутствии посторонних: будучи народом древним и мудрым, они насыщены взрывоопасной смесью разных психических сил. И неожиданный всплеск эмоций приводит к тому, что эти силы материализуются.

Что и случилось с Секюйлем. Его хохот породил чернокожую девицу с длинными черными волосами и пляшущими темными глазами, двух вавилонских демонов, йети и краснорожего мужчину в костюме в желто-коричневую клеточку.

- Ты видишь, что я вижу? - спросил один демон другого, тыкая пальцем в девицу. - Путана.

- Ее можно съесть? - отозвался его товарищ.

- Йи-и-и, - сказала девица.

- Подумать только, - произнес краснорожий мужчина, - оказаться всего лишь иллюзией в мозгу этого инопланетянина, о существовании которого я даже не подозревал! Но, может, он тоже только плод чьего-то воображения? Тогда получается, что я привидение второго порядка, если вести отсчет слева.

- Давай поженимся, - сказала девица, не обращаясь ни к кому конкретно.

- Ну ладно, хватит, - сказал Секюйль, и видения горестно обратились в дым, вернувшись через среднее ухо в голову эйянина, - все, кроме йети, который убежал через запасной выход и был доставлен на место несколько дней спустя Королевским отрядом северо-западных горных видений.

***

- Вы не уловили главного, Кромптон, - сказал Секюйль после того, как все успокоилось и было водворено под его контроль, а стул, опрокинутый убежавшим йети, поднялся, несколько сконфуженный тем, что не устоял перед каким-то призраком. - Вы что, и в самом деле полагаете, что я собираюсь принудить вас включиться в мою Игру?

- А как еще я мог истолковать ваши слова?

- Вам показалось, - сказал Секюйль. - А мне кажется, что стрелка синхронизатора все ставит на место. Адрес мистера Лумиса: Пандерер Уэй 4567, южный берег Пальметто, Западные Сады, Южный Ситесф. Днем он работает в отделе эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рюи.

Кромптон был ошеломлен. И только спустя какое-то время сумел пролепетать:

- Премного вам благодарен.

- Всегда рад служить, - сказал Секюйль.

- А теперь что?

- Вы о чем?

- Вы мне оказали такую любезность. Чем я обязан?..

- Оставайтесь таким же милым, как сейчас, - сказал Секюйль.

- Но я-то думал, что нужен вам в вашей Игре!

- Это не важно, - сказал Секюйль.

- Я никогда не говорил, что не хочу помочь вам, - пробормотал Кромптон. - Все это произошло так... Секюйль нежно проводил его до дверей.

- До свидания, Кромптон. Очень может быть, что мы встретимся при совсем других обстоятельствах. Но за поддержкой обращайтесь ко мне в любой момент. И, насколько временная комбинация связанных энергий может пожелать удачи другой такой же временной комбинации, - желаю вам всяческой удачи.

Дверь захлопнулась. Кромптон, чувствуя себя совершенно сбитым с толку, устремился в беспросветную ночную мглу.

Глава 4

Кромптон нанял дешевый орнитоптер и отправился в отдел эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рюи. Эта часть Садов была отведена под нужды гуманоидных существ и их ближайших сородичей. В данную группу входили: люди, алиноподы, гнолы, сабистые тэдики, барбизаны с Гростарка II, неугомонные двухсуставчатые трелизонды, коварные, приторноулыбчивые лунтеры и их соседи - сверхизменчивые муны.

Миновав главные ворота, Кромптон заметил стройного, энергичной наружности молодого человека в джинсах и очках в черной оправе; он сидел и печатал на портативной машинке, пристроенной на коленях. Кромптон с удивлением посмотрел на него, тот поднял голову и сказал:

- В чем дело?

- Хотелось бы узнать, чем вы тут занимаетесь.

- Пишу роман, - ответил молодой человек, продолжая печатать. - Наш диалог тоже войдет в него, естественно. Завистники обвиняют меня в том, что я высасываю все из пальца, а я пишу только то, что слышу и вижу.

- Мне кажется... - начал было Кромптон.

- Не беспокойтесь, - сказал писатель. - Ни один диалог, начинающийся словами «мне кажется», не сулит ничего забавного. Давайте-ка я произнесу речь по этому поводу. Существует несколько прелестных эпиграмм, с которыми вам, вероятно, не довелось ознакомиться. Например...

- Терпеть не могу, когда предложение начинается со слова «например», - прервал его Кромптон.

- Я собирался переписать это. «Противоречу ли я себе? Тогда прекрасно, ибо в своих противоречиях я велик, я вмещаю в себя

чудеса». Как хорошо написал это старина Уитмен! До чего уместна здесь эта концепция...

- Мне нужно идти, - сказал Кромптон.

- До свидания, - сказал писатель. - Это будет короткая, но хлесткая сцена.

- Должно быть, хорошо быть писателем, - сказал Кромптон.

- Все равно что слизняком ползти по нескончаемому листу бумаги.

- Это ужасно, - сказал Кромптон. - Может быть... Но писатель не слушал предложений, начинавшихся со слов «может быть». Его внимание привлекло неожиданное появление толстяка, прижимавшего к груди тяжелую скульптуру в виде черной птицы; следом за ним шли Хамфри Богарт, Мэри Астор, Питер Лорр, а также - о, нежданное явление! - сам Альберт Деккер.

- Это уже перебор, - пробормотал писатель, продолжая яростно печатать с двумя сигаретами во рту.

Кромптон побрел дальше. Располагался отдел эпизодов на длинной, какой-то невнятной улице. Гуляя в поисках развлечений, здесь можно было услышать обрывки странных разговоров и увидеть фрагменты самых разных постановок. Вы могли продолжить свою прогулку и набрести на какой-то новый эпизод или остановиться где угодно и принять участие в развертывающихся перед вами событиях.

Хотя на самом деле все шло не так уж гладко: во время постановок то и дело возникали различные затруднения из-за непримиримых противоречий в требованиях многочисленных гуманоидных по форме, но несовместимых рас. Продюсеры эпизодов тем не менее поощряли тесное и весьма двусмысленное сближение гуманоидов, хотя публично порицали его; но диковинные акты близости всегда приманивают любопытных, несмотря на их благочестивые уверения в обратном. А это означает приток денег, то есть такого товара, ценность которого эйяне обсуждали и пытались определить вот уже несколько веков, просто чтобы проверить, так ли это на самом деле.

Кромптон, проходя мимо, услышал, как неугомонный двухсуставчатый трелизонд при полном осеннем плюмаже говорил трем своим братьям:

- Сегодня я уезжаю в Фунтрис, возможно, освободится мое место в гнезде.

А рядом стая гнолов щекотала сабистых тэдиков до пароксизмов, приговаривая при этом: «На дворе трава, на траве дрова», что приводило в ужас забравшегося на дерево молчаливого алинопода. По соседству одна женщина-человек говорила другой: «Уж и не знаю, кто тебе поможет, Джоси». А чуть дальше семь мунов пытались слиться в сексуальном псилликозе путем родительского смыкания, но тщетно:

для этого им не хватало самого главного - бадминтонного инвентаря. Еще более зловещие дела творились на другой стороне улицы, где барбизан в кольчуге из листьев, с заостренным олимфом, отстукивал сообщение о своем разочаровании на грудной клетке и брюшных щупальцах коварных, приторно-улыбчивых лунтеров, застигнутых во время запрещенного и невозможного акта псевдотрансформации.

Ни одна из этих сцен не произвела на Кромптона впечатления. Каждая из них была рассчитана на то, чтобы пощекотать чувства зрителей определенного гуманоидного вида - притом совсем необязательно человеческого. Большую часть того, что делали друг с другом эти существа, Кромптон не понимал, так же как и другие гуманоиды не понимают, что делают друг с другом люди. Это была ситуация абсолютного обоюдного непонимания, на фоне которого наше пресловутое непонимание самих себя и себе подобных выглядит сущим пустяком.

Кромптон в замешательстве глазел по сторонам, словно бесплотный разум, парящий над сценами из какого-то сюрреалистического ада, в котором карнавальные создания демонстрировали свои экзотические эмоции, воспроизводившие недоступные рассудку реалии их жизни.

Кромптон пришел к выводу, что продолжать в таком же духе совершенно бессмысленно. Повернув назад, он прошел мимо двух тэдиков, отбивавших чечетку на широком, похожем на лопату носу линяющего барбизана, миновал несколько еще менее аппетитных сцен и наконец добрался до главных ворот с печатающим на машинке писателем.

- Вы, кажется, много знаете, - обратился к нему Кромптон. - Не подскажете, где я могу найти Эдгара Лумиса?

- Вы правы, я как раз тот человек, который вам нужен, - сказал писатель, передвигая каретку и закручивая третью сигарету. - Знаете ли, я действую как собственный *deus ex machina* <Бог из машины (лат.)>, так что элегантности моего замысла не будет нанесено никакого ущерба, если я скажу вам, что мистер Лумис находится слева от вас на четвертых подмостках и его представление подходит к концу. Боюсь, вам, мой друг, следует поспешить. Но прежде чем вы покинете меня, позвольте мне в двух словах обрисовать вам вашу ситуацию в целом.

За чем последовала десятиминутная лекция на тему о всевозможных тонкостях и нюансах, которые Кромптон наверняка упустил, оценивая смысл происходящих событий. Все это время Кромптон простоял неподвижно, даже не моргая, замороженный лучами ружья-парализатора - обычного средства в руках членов Галактической гильдии писателей, с помощью которого они обеспечивали себе

внимание и уважение неблагодарных слушателей во время скучных, но многозначительных выступлений.

Наконец писатель завершил свою лекцию цитатой из Рильке и выключил ружье-парализатор.

- А теперь, - сказал он, - немного аплодисментов и минимальную утвержденную гильдией плату в сто проников за не столько исключительную, сколько поучительную и высокоморальную импровизацию.

- Еще чего! - взъярился Кромптон.

- Платите, - приказал писатель, - а не то я снова включу парализатор и прочитаю десятиминутную лекцию на тему о благодарности по стандартным расценкам.

Кромптон заплатил, небрежно поаплодировал и поспешил смыться.

***

Он прибежал к указанным подмосткам как раз в тот момент, когда бородатый мужчина в набедренной повязке произносил:

- И тогда на прелестном надгробии Антигоны будут выгравированы слова: «Она так и не дождалась его прихода!»

Публика - тридцать семь человек среднего возраста из города Феникса, штат Аризона, - буквально помирала со смеху.

Бородач, поклонившись, исчез.

Кромптон схватил за рукав одного из сидевших в аудитории - по странному совпадению им оказался Джон Уинслоу Аудитор из Флагстафа - и спросил - Актеры! Куда девались актеры?

Джон Аудитор, осанистый оживленный человек со стальными голубыми глазами и нелепым шрамом от дуэли на левой щеке, бесцеремонно вырвал свою руку у Кромптона.

- Что вы сказали? - резко спросил он, пережевывая вставными зубами фруктовую жвачку, последнее напоминание о днях, надежно похороненных теперь между толстыми и страшными страницами «Книги безвозвратно ушедшего времени».

- Я спросил: куда подевались актеры?

- А! Думаю, они за сценой, готовятся к выходу в главном финале, он должен начаться сию минуту, - охотно объяснил Аудитор.

- Не было ли среди них актера по имени Эдгар Лумис?

- Кажется, я видел это имя в программке, - сказал Аудитор, и жесткие глаза его мгновенно повлажнели. - Да, черт побери, Лумис. , он был среди актеров.

- Как он выглядел?

- На нем была такая серебристая рубашка.

- И это все, что вы запомнили?

- Это больше всего бросалось в глаза. Да вы сами увидите его в финале Смотрите, уже начинается.

***

Возле Кромптона поднялась большая сцена. На ней толпились всевозможные гуманоидные существа, участники сегодняшнего представления. Сзади них расположились два симфонических оркестра. На глазах у Кромптона все эти существа сбрасывали с себя одежды и стали смыкаться все теснее, теснее, корчась, извиваясь, скользя вокруг и вовнутрь друг друга в невообразимой мешанине рук, грудей, щупалец, крыльев, влагалищ, усиков, когтей, фаллосов, плеч, голов, яйцеклеток, гонад, экзоскелетов, пестиков, коленных чашечек, жвал, тычинок, присосок, плавников и тому подобного. И в этом неестественном, вывихнутом положении они еще умудрялись петь, булькать, скрипеть, свистеть и вибрировать такую песенку:

Люди, и гнолы, и хингер, и тэдики,
И барбизан с трелизондом, и мун -
Все мы сольемся в экстазе, как педики
Все побеждает любовь, даже мерзостных грун!

Мерзостные жирные груны вдруг появились на самой верхушке колышущейся горы тел и щупалец Груны улыбались! Такое случилось в Садах Рюи впервые! Полнокровные, волосатые груны действительно улыбались! Зрители, тронутые до слез, бешено захлопали в ладоши. Затрубили трубы, зазвенели рассыпчатой дробью литавры. Затаив дыхание, зрители наблюдали, как великая композиция-гора из тел, щупалец и прочих членов вздымалась и опадала, рычала и стонала, боролась и тужилась...

Кромптон углядел кусочек серебристого локтя в нижнем левом углу кучи. Лумис! Это был Лумис!

Затем вся эта гора переплетенных и взаимопроникающих гуманоидных форм одновременно содрогнулась в бело-зеленом оргазме, с разной силой извергая секрции. Зрители буквально упивались зрелищем, но Кромптон, до глубины души возмущенный, уже направился к выходу и на полных парусах устремился в отель, к своим кроссвордам

Кромптон не был готов к такому порочному, грязному занятию, которым зарабатывал себе на жизнь Лумис. И вот теперь в тихом уюте гостиничного номера, разложив перед собой на столике двойной пасьянс, Кромптон мучился сомнениями. Он раздумывал над тем, действительно ли ему хочется, чтобы такой человек, как Лумис, стал его составной частью.

С Лумисом будут сплошные неприятности. Он не хотел его. Но, к сожалению, без него не обойтись. Реинтеграция невозможна без всех первоначальных компонентов А может, все обернется не так уж плохо. Ведь есть еще третий, Дэн Стэк; разыскав его и включив в свое сознание, Кромптон, несомненно, сумеет найти противовес основным побуждениям Лумиса. Не исключено, что Лумис даже испытает некоторую благодарность, освободившись от своего бессмысленного, стереотипного существования. Если в человеке есть хотя бы зачатки высокой нравственности, можно надеяться, что он сможет контролировать себя, по крайней мере до тех пор, пока все они не ассимилируются в новой многогранной личности, которой Кромптон рассчитывал стать.

Вдохновленный этой мыслью, Кромптон отложил в сторону карты и навел в комнате порядок. Потом решительно сжал зубы, завязал галстук и вышел на улицу.

***

Он сел в рейсовый орнитоптер и дал домашний адрес Лумиса. Его не интересовали чуждые достопримечательности, о которых журнал «Плейбой» последние три года писал как о «самых восхитительных в Галактике». Новый чувствительный удар обрушился на Кромптона, как всегда, не вовремя.

Орнитоптер приземлился на прелестной поляне перед облицованным алюминием домом с гаражом, плавательным бассейном и кустом гибискуса на Пандерер Уэй 4567. Кромптон расплатился с водителем (веснушчатый студентом, подрабатывавшим на каникулах), а затем, стараясь держать себя в руках, поднялся на крыльцо и позвонил в мелодичный звонок.

Дверь отворили. Перед ним стояла девчушка лет пяти в перепачканных шортах.

- Сто вы зелаете?
- А-а.., мистер Лумис дома?
- Затем он вам?
- По личному делу, - сказал Кромптон.
- Ты мне не нрависся, - сказал ребенок.

- Гвендквайфер! - раздался женский голос за спиной у девочки. -
Иди, пожалуйста, сюда.

Девчушка скрылась. Темноволосая, яркая и очень привлекательная молодая женщина выглянула наружу, посмотрела на Кромптона.

- Кто вы такой?

- Меня зовут Кромптон. Мне нужно видеть мистера Лумиса по делу, одинаково важному для нас обоих.

- Если вы кредитор, забудьте о нем: он разорен.

- Нет, ничего общего с его кредиторами я не имею, - сказал Кромптон.

Из глубины дома послышался мужской голос:

- Пропусти его, Джиллиам. Я с ним потолкую. Дверь открылась.

Мистер Лумис посмотрел на мистера Кромптона. Потрясающая сцена!

Две части одной личности узнают друг друга моментально и в любом обличье. Происходит это всегда одинаково, почти с безболезненным напряжением, как при яркой вспышке света Парадоксальный миг одновременного влечения и отталкивания, а сказать что-нибудь - не получается, произнесенные слова замирают на устах. Ведь и в самом деле - что можно сказать, когда пройдет первоначальный шок? Начать панибратски: «Привет, пропавшая частица моей персоны! Рад тебя видеть, входи и снимай ботинки...»? Или более осторожно: «О, вы снова заглянули ко мне! Надеюсь, на этот раз вы будете вести себя прилично...»

Итак, два фрагмента одной личности вперились взглядом друг в друга. Кромптон заметил следы увядания дюрьевого тела. Он смотрел на прекрасное тонкое лицо Лумиса, правда, несколько расплывшееся, склонное к полноте. Не остались незамеченными и поредевшие прямые каштановые волосы, искусно причесанные, и яркие глаза со следами косметики на веках, и сластолюбивый изгиб губ, и расслабленная манера держаться.

Это был законченный стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Здесь властвовал сангвинический Дух Огня, вызванный слишком горячей кровью, которая возбуждает в человеке беспричинную радость и чрезмерное влечение к плотским утехам. Здесь царил принцип всепоглощающей чувственности, свободной от таких жизненно важных составляющих, как разум и энергия. В Лумисе сосредоточились все потенциальные способности Кромптона к наслаждению, преждевременно отнятые у него и воплощенные в этом человеке; в нем была чувственность, первородная, чистейшая чувственность, которой так недоставало Кромптону, его телу/разуму.

Этот принцип голого наслаждения, который Кромптон всегда представлял себе существующим как бы *in vacuo* <В пустоте (лат.)>, оказался наделенным собственными чертами характера, не говоря уже о неожиданном осложнении в лице жены и дочери.

- Так, так, так, - насмешливо сказал Лумис, покачиваясь с пятки на носок. - Я предполагал, что рано или поздно вы обязательно здесь появитесь.

- Что это за слизняк? - спросила Джиллиам. (На самом деле она употребила слово *nmezpelth* из транстаньянского слэнга, почерпнутого ею из лексикона ее отца-чечеточника. *Nmezpelth* означает «пораженный плесневым грибок», а в переносном смысле - «унылое повторение неприятных телодвижений».) - Это мой единственный родственник, - сказал Лумис.

Джиллиам подозрительно осмотрела Кромптона.

- Он что, троюродный брат?

- Боюсь, что нет, - сказал Лумис. - Биологически он скорее представляет собой комбинацию из моего брата и отца. Вряд ли найдется какое-то слово, выражающее наши родственные отношения.

- Но ты же утверждал, что ты сирота! Лумис пожал плечами.

- А ты говорила мне, что ты девственница.

- Ублюдок! Что все это значит?

- Что ж, такие вещи в конечном счете всегда вылезают наружу, - сказал Лумис. - Джиллиам, я должен покаяться перед тобой.

Понимаешь, я не настоящий человек. Я всего лишь часть личности этого человека.

- Вот смех-то! - воскликнула Джиллиам и неприятно расхохоталась.

- Ты же вечно похвалялся, какой ты великий человек, а теперь я узнаю, что ты и не человек вовсе!

Лумис улыбнулся.

- Моя дорогая, ты не могла удовлетворить даже дюрьерово тело; избави Бог, если бы я оказался полноценным человеком!

- Ах так! - взвизгнула Джиллиам. - Ну это уж слишком! Будь ты проклят! Детка, мы уходим, тебя здесь не ценят!

- Давай, иди ночной официанткой в свое кафе «Последний шанс», где я тебя подцепил! Это, без сомнения, тебе больше подходит!

- Уходим! За вещами я пришлю! И адвоката тоже! Она схватила на руки Гвендквайфер, которая вопила:

- Не хотю идти! Хотю посмотреть, что будет с папотью!

- Не по годам развитая малютка, - заметил Лумис. - Прощайте, мои дорогие! - крикнул он вслед уходящим Джиллиам и Гвендквайфер.

- Вот мы и одни, - сказал Лумис, запирая дверь. Он оглядел Кромптона с головы до ног. Похоже, результат осмотра его не очень обрадовал. - Надеюсь, ваше путешествие было приятным, Элистер? Надолго к нам?

- Это зависит... - начал Кромптон.

- Давайте пройдем в гостиную и поболтаем. Гостиная Лумиса потрясла Кромптона до глубины души. Он чуть не упал, когда ступни его утонули в глубоком ворсе восточного ковра. Комната освещалась золотистым неярким светом, по стенам непрерывной чередой бежали извилистые легкие тени, то сближаясь и сливаясь друг с другом, то принимая очертания животных или жутковатых чудовищ из детских кошмаров, а затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

Лумис пояснил:

- Исполняется довольно миленькая пьеска под названием «Спуск в Ксанаду». Нравится? Кромптон пожал плечами.

- Это, должно быть, дорогое удовольствие. Лумис тоже пожал плечами.

- Представления не имею. Это подарок. Присаживайтесь, пожалуйста.

Кромптон опустился в глубокое кресло, которое сразу же обволокло его тело и стало мягко массировать ему спину.

- Хотите выпить? - спросил Лумис.

- Деполимеризованную сарсапарель, если можно, - сказал Кромптон.

Лумис отправился за напитком. Кромптон слышал мелодию, которая будто сама рождалась у него в голове. Мелодия была медленная, и чувственная, и невыносимо горькая, и Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другом месте, в другом времени.

- Она называется «Свобода без конца», - сказал вернувшийся Лумис.

- Прямая аудиопередача. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старался произвести на него впечатление. И надо отдать ему должное - это ему удалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон разглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель, безделушки; его чиновничьи мозги быстро подсчитали стоимость - вещи в этой комнате обошлись в кругленькую сумму.

Он глотнул из бокала. Это был эйянский коктейль; по телу Кромптона разлилось ощущение уюта.

- Очень неплох, - неохотно похвалил он. Он никак не ожидал увидеть Лумиса таким уверенным в себе, таким, как говорится в кроссвордах, sangfroid <Хладнокровным (фр.)>. Это встревожило его.

Достаток Лумиса, его спокойствие и умение владеть собой вызывали беспокойную мысль о том, что Лумис не такая уж ущербная личность, как он считал. А тогда что остается Кромптону? Место маленького или среднего человечка на стволе другой доминирующей личности? Нет, такого просто не может быть. Пройти через все эти сложности и добиться того, что им будет командовать это ничтожество, этот сластолюбец? Нет!

- Я приехал сюда, - сказал Кромптон, - чтобы осуществить реинтеграцию, что, как вам наверняка известно, является нашей законной моральной прерогативой.

- Приехали, чтобы снова заключить меня в ваше тело, да, Элистер? - весело спросил Лумис.

- Наша цель состоит в том, - продолжал Кромптон, - чтобы в результате слияния в единое, новое существо память каждого из нас в равной степени влилась в него, так что равенство в правах будет соблюдено.

- Так вот как это будет, - сказал Лумис. - Но я лично сильно сомневаюсь, что это необходимо. Зачем мне рисковать? Я и так безмерно счастлив.

- Счастье немыслимо для такой неадекватной и усеченной личности, как ваша, - возразил Кромптон - Да, между нами, мальчиками, говоря, я понимаю, что вы имеете в виду. Жизнь, посвященная только удовольствиям, без стремления к высшим ценностям, это жизнь собачья. Желания блекнут, Элистер, а я все продолжаю изо дня в день устало повторять одно и то же Нет, наслаждение - дело нешуточное, наслаждение разрушительно.

- Ну так...

- Но в городе только в наслаждение и играют. Я ведь главным образом массовик-затейник, Эл, и уж никак не мыслитель. Конечно, удовольствия не всегда приятны, но кому мне жаловаться на это? Такова жизнь, не так ли? Человек должен выполнять свою работу, даже если его работа - сплошные развлечения, в которых он давно разочаровался. Вот что значит для меня быть человеком.

- Не думаю, что ваше определение выдержит более или менее глубокое испытание, - возразил Кромптон.

- Именно поэтому я и не собираюсь подвергать его испытанию, - сказал Лумис. - Мой девиз: будь смел, следуй своим побуждениям и игнорируй очевидное!

- И вы всегда живете согласно своему девизу? - спросил Кромптон.

- Пожалуй, да. Я всегда знал, что я не такой, как другие. Но в детстве меня это не волновало. В школе я пользовался большой популярностью. Естественно, не за мои познания, во всяком случае, не

за те знания, которые там преподавали. Я многое познал на собственном опыте. Какие сокровища чувственности я открывал для себя в те дни! Раннее отрочество - прекрасное время. Но вы знаете, как это бывает у детей - одно дурачество, ничего серьезного. Серьезное у меня началось с мисс Тристаной де Куна, учительницей истории. Это была высокая дама лет двадцати с хвостиком. Под ее бесформенным школьным балахоном скрывалось тело нимфы. В сексе она была неутомима. А после нее была Гловис, потом Дженнифер...

- И как же долго продолжалось ваше обучение в школе?

- Я бросил ее в шестнадцать лет. Вернее, мне предложили уйти. Меня обвинили в совращении малолетних (хотя я и сам был малолеткой!). Заявили, что я устраиваю жуткие оргии. Все это преувеличено, уверяю вас. Но так или иначе, школа никогда не была мне по душе. Я был молод, привлекателен, энергичен, полон энтузиазма и уже тогда знал, кем я хочу стать...

- И кем же?

- Я хотел стать спасателем на водах при клубе «Кантри». Я всегда обожал спасателей и завидовал им. Вот это работа так работа! Стоишь над толпой совершенно один, в трусах, сандалиях и белом тропическом шлеме. И, конечно же, с блестящим медным свистком на шее! При этом получаешь совершенно фантастический загар. А сама работа? Спасатель на водах - это полуголая фигура власти, а также символ летней чувственности. В семнадцать лет, после того как я поработал контролером в автобусе и официантом, я стал спасателем. И это было фантастикой!

- И что же случилось?

- Обычная вещь. Однажды несколько лет спустя прозвучала тревога. С кем-то что-то случилось за линией бакенов. Я вскочил в лодку и погреб. Тонула толстуха с Земли. Я попробовал затащить ее в лодку, но она запаниковала и опрокинула лодку. Я барахтался с нею в воде, пытаюсь отбуксировать ее к перевернутой лодке, я умолял ее успокоиться и позволить мне доставить ее на берег. Но она совсем потеряла голову и в истерике сдавила мне шею железной петлей. Мне оставалось только одно: двинуть разок ей в челюсть, а потом уже тащить ее, как спутанного кита. Но не успел я осуществить свое намерение, - как она сама врезала мне, вложив в оплеуху все свои триста фунтов веса и ярость берсерка <Берсерк - в скандинавских сагах - воин, не знающий страха смерти Перед боем берсерки с помощью наркотических средств доводили себя до состояния неистовства и полного отсутствия инстинкта самосохранения, чем наводили ужас на своих врагов.>. Я отключился. К счастью, нас заметили с берега и

прислали другую лодку. В сущности, такое могло случиться с кем угодно.

- Но правление клуба думало иначе?

- Они обвинили меня в том, что я не умею плавать! Представляете? Это меня-то, проработавшего спасателем целых два года!

- Но вам ничего не стоило доказать им свою компетентность!

- По правде говоря, мне не хотелось унижаться перед ними. Раз им взбрело такое в голову, хрен с ними. Я ушел от них.

- И куда же вы ушли?

- Я обдумывал ситуацию.

- И как долго вы думали?

- Около года.

- На что же вы жили все это время?

- К счастью, у меня появился спонсор, мисс Сьюзи Греч. Это была та самая женщина, из-за которой я лишился работы. Она испытывала ко мне чувство благодарности за то, что я спас ей жизнь...

- Но не вы же спасли ей жизнь!

- Она считала, что я. Это была крупная, щедрая женщина с ярко выраженными сексуальными способностями, скрытыми внутри ее неуклюжего тела. Она первая обнаружила у меня артистический талант и решила развивать его.

- Какой еще артистический талант?

- Я всегда прилично разыгрывал всякие сценки-пародии. И она заставила меня поверить, что я обладаю подлинным талантом, который нужно развивать. Благодаря ее поддержке я поступил в школу искусств.

- И все это время вы жили с ней?

- А как же! Бедняжка, она была так одинока! И это было то небольшое, что я мог сделать для нее. Нам было так хорошо! Со мной Сьюзи прожила лучшие годы своей жизни. Мелочь, которую я брал у нее на одежду и карманные расходы, ничего ей не стоила. Мы были бесконечно преданны друг другу. Она даже хотела выйти за меня замуж.

- И что же?

- Бедняжка Сьюзи! Она сделалась патологически, совершенно беспочвенно ревнива!

- Почему?

- У нее были глупые подозрения, что я путаюсь с натурщицами в классе изобразительных искусств.

- А вы путались?

- Конечно! Но я делал это так ловко, что она никак не могла меня уличить. А поскольку никаких доказательств у нее не было, ревность ее была беспочвенна. И все бы шло хорошо, если бы она не наняла

детектива. Он тоже ничего существенного не обнаружил и, чтобы спасти свою репутацию, просто оговорил меня. Он подкупил трех натурщиц, и они поклялись, что вступали со мной в сношения, как по отдельности, так и ensemble <Вместе (фр.)>. Самое интересное, что это была чистая правда, хотя он нас не застукал ни разу. И поэтому я не стал убеждать Сьюзи в том, что меня, мол, оговорили... Как вы сами понимаете, разыгралась довольно мерзкая сцена. Я вернул ей ножной браслет и покинул ее апартаменты.

***

Служба на водах была вершиной в карьере Лумиса. Позже ничего такого ему уже не попадалось. Правда, ему удалось получить место помощника бармена в одном из известных ночных клубов. Таким образом он занял неплохое положение: бармену обеспечен первый взор женщины-клиентки, равно как и внимание своих же клубных официанток. Он и впрямь хотел удержаться на этом месте. И очень старался. Но...

- Меня уволили, - признался он. - Потому что Лиля устроила скандал, а хозяин решил, что это из-за меня. К тому времени я жил с Лилой что-то около месяца. Лиля - это не настоящее ее имя. Она его взяла из какой-то книги. А скандал начался из-за того, что Мира, которую я незадолго до этого встретил, все время слонялась вокруг меня. Как будто я мог не пускать ее в бар!

- А зачем она слонялась вокруг вас? - спросил Кромптон.

- Она доверилась мне. Глупо, конечно, но я согласился помочь ей. Она обучалась экзотическим танцам, и ей нужен был партнер с крепкими руками, чтобы она могла выполнять все эти поддержки и шпагаты. Лиля интерпретировала это в наихудшем виде, естественно.

- И у нее были основания? Лумис раздраженно затряс головой.

- Она ни разу не застукала нас с Мирой! Откуда у нее взялась эта уверенность? Какое право она имела устраивать публичные скандалы, обвиняя меня без всяких доказательств в том, что я сплю с Мирой и с Банни? Любой галактический суд оправдал бы меня.

- Постойте, а что это за Банни?

- Банни - сестра Миры. Ей тогда было около шестнадцати.

Очаровательная малышка с огромными голубыми глазами и тоненькой детской фигуркой.

- И что вы с ней делали?

- Только то, что должен был.

- Что вы имеете в виду?

- Понимаете, из экономии они жили в одной комнате. У Банни появились свои фантазии. А Мире было все до фени... Ах, эта Мира!

- Значит, Лила устроила сцену, и вам пришлось уйти с работы?

- Вот именно. Моя жизнь превратилась в непрерывную цепочку временных работ и временных женщин. Одной из таких женщин оказалась Джиллиам. Ну а дальше вы уже все знаете.

- Как вы решились на женитьбу с Джиллиам?

- Она очень настаивала. В общем-то она единственная всерьез настаивала на этом. Это любовь, правда ведь? И она была хорошенькая и богатая. Я все думал - насколько далеко заведут меня мои ошибки? И вот - результат налицо.

- Джиллиам богата? Вы же говорили, что она работала официанткой.

- Да она просто дурака валяла. Сначала я думал, что мы можем быть счастливы вместе - то есть я, она и ее деньги. Но ничего не вышло. Возникли кое-какие проблемы.

- Опять женщины?

- А то кто же! Это проклятие всей моей жизни - столь сильное влечение к женщине.

- Чисто сексуальное влечение, - уточнил Кромптон.

- Ну конечно! Ведь женщины именно такого влечения и жаждут от мужчин, Элистер. Женщины - это секс в голом виде. Очень немногие мужчины догадываются об этом.

- Думаю, вы ошибаетесь, - сказал Кромптон. - Насколько я могу судить, как раз мужчинам больше нужен секс.

- Это совсем не одно и то же, - возразил Лумис. - Интерес мужчины к сексу - это интерес к собственным ощущениям. И мало кто из мужчин интересуется сексуальной природой женщины. Она их пугает. Вы девственник, Эл, не так ли?

- Мы говорим о вас, а не обо мне. Если я правильно понял, вы живете на содержании у женщин.

- И все мы знаем, как это называется, - сказал Лумис. - Не задирайте нос, Элистер! Мужчины и женщины всегда живут на содержании друг у друга, за исключением разве что таких уродов, как вы.

- Да вы просто паразит и вымогатель! - сказал Кромптон.

- А это уж совсем несправедливо, - возмутился Лумис. - Ведь и богатые тоже чего-то хотят. Их нужды отличаются от нужд бедняков, но они не менее настоятельны. Бедных правительство обеспечивает едой, кровом, медицинским обслуживанием. А что оно делает для богатых?

У Кромптона вырвался короткий, резкий смешок.

- Если кому-то так тяжело бремя богатства, почему бы ему не сбросить его со своих плеч?

- Но кто же способен на такое? Бедным некуда деться от своей нищеты, богатые обременены богатством. Такова жизнь, ее не переделаешь. Богатые нуждаются в сочувствии, и я им сочувствую от всей души. Они хотят, чтобы возле них были люди, умеющие наслаждаться и ценить роскошь и при этом учить их наслаждению. Я выполняю эту функцию, Элистер, совершенствуя их способность к наслаждению тем, чем одарила их судьба. А богатые женщины, Элистер! У них тоже есть свои потребности. Они породисты, нервозны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны изысканность и утонченность, внимание мужчины с высоким полетом фантазии и исключительной чувственностью. В нашем никчемном мире редко встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось - у меня на это талант.

Кромптон с ужасом смотрел на него. Ему трудно было поверить, что этот самодовольный растленный альфонс - часть его самого, а в будущем - и часть его души. Он был бы рад отделаться от Лумиса со всем его отвратительным сексуальным бизнесом. Но это было невозможно: непостижимая судьба обрекла всех мужчин, даже лучших из них, обладающих чистыми помыслами и ясным умом, на борьбу со своими низкими инстинктами, заставив их постоянно подавлять в себе (лучше всего - методом сублимации!) позорную мужскую потребность иметь много женщин, много развлечений и много денег за просто так.

Как это ни досадно, а Лумис ему необходим. Может, все еще обойдется. Кромптон не сомневался в своей способности обуздать это импульсивное, непредсказуемое, изменчивое существо, он даже надеялся превратить его вредные охотничьи инстинкты в страстную любовь к архитектуре, садоводству или чему-нибудь в том же духе.

***

- В общем-то, мне нет до этого никакого дела, - сказал Кромптон. - Как вам известно, я представляю собой подлинную личность Кромптона в его подлинном теле. И я прибыл на Эйю для реинтеграции.

- Я так и понял, - согласился Лумис.

- Полагаю, вам понадобится какое-то время, чтобы уладить дела?

- Мои дела всегда в полном порядке. - ответил Лумис. - Я ведь близок только с теми, с кем мне хорошо.

- Я имею в виду деловые отношения, такие, например, как неотложные долги, урегулирование вопросов собственности и тому подобное.

- Я, как правило, этими вопросами не занимаюсь, - сказал Лумис. - Я считаю так: всю кучу неприятностей, которая останется после меня, пусть разгребают те, кому есть до этого дело. Надеюсь, вы меня понимаете?

- Как вам будет угодно. Тогда приступим?

- Прошу прощения?

- К слиянию!

- Ах да, - сказал Лумис. - Но вот как раз в этом я сомневаюсь. - Он помолчал минуту, раздумывая. - Я размышлял над этим, Эл, и, знаете ли, мне совсем не хочется сливаться с вами. Тут нет никакой личной неприязни - просто я так чувствую.

- Вы отказываетесь от слияния со мной? - недоверчиво переспросил Кромптон.

- Совершенно верно, - ответил Лумис. - Мне чертовски жаль, я знаю, какой гигантский путь вы проделали, и все зря; но вы могли сначала написать, спросить меня... Во всяком случае, прошу прощения, но так уж все складывается.

- Вы, видимо, не понимаете, что вы недоукомплектованный, недоделанный экземпляр, карикатура на полноценного человека? - разозлился Кромптон. - Разве вы не видите, что выбраться из той помойки, в которую вы превратили свою жизнь, и обрести ясную, божественную атмосферу высшего существования вы можете только путем слияния со мной?

- Вижу, - со вздохом сказал Лумис. - И у меня иногда возникает желание найти что-нибудь чистое, святое, не тронутое рукой человека.

- Но тогда...

- Честно говоря, я недолго предаюсь подобным мечтаниям. Мне и так неплохо. Особенно сейчас, когда Джиллиам порвала со мной и я могу все начать по новой. В моей жизни осталось еще достаточно много удовольствий, чтобы пожертвовать ими ради переселения в вашу голову, Эл, - только не поймите меня превратно.

- Но ваше теперешнее счастье временно, вы же понимаете. Оно скоро пройдет, как проходят все эфемерные состояния, и вы снова погрузитесь в страдания, которые преследуют вас всю жизнь.

- Да нет, не так уж все страшно, - сказал Лумис. - Меня не пугает даже такая жизнь, какая была у меня раньше.

- Тогда учтите вот что, - сказал Кромптон, - ваша личность находится в дюръеровом теле, а срок его существования - сорок лет. Вам сейчас тридцать, и остается вам не более десяти лет.

- Хм, - сказал Лумис.

- И через десять лет вы умрете.

- Понятно, - сказал Лумис и задумчиво закурил самокрутку с красным пятнышком возле фильтра.

- Ничего плохого в реинтеграции нет, - убеждал его Кромптон, стараясь говорить как можно более дружелюбно. - Мы все - и я, и вы, и третий, до которого нам еще предстоит добраться, - мы постараемся. Мы разрешим все наши конфликты путем разумного, дружеского согласия, и все будет хорошо. Что вы на это скажете?

Лумис рассеянно мял сигарету в руке. Наконец он вздохнул и сказал:

- Нет.

- Но ваша жизнь...

- Я просто не способен на то, что вы мне предлагаете, - сказал Лумис. - Меня вполне устраивает ловить рыбку в мутной воде и плыть по течению. А десять лет - не такой уж маленький срок, за это время все может измениться.

- Ничего не изменится, - возразил Кромптон. - Через десять лет вы умрете. Просто умрете.

- Ну, кто знает...

- Умрете!

- И долго еще вы будете повторять это? - спросил Лумис.

- Но это правда. Вы непременно умрете.

- Да, непременно... - сказал Лумис. Он курил и думал. Потом вдруг лицо его просветлело. - Кажется, нам действительно необходимо слияние!

- Ну наконец-то!

- Через каких-нибудь девять лет.

- Да вы что! - возмутился Кромптон. - Значит, по-вашему, я девять лет буду околачиваться на этой потешной планете в ожидании вашего решения?

- А что вам еще остается? - резонно заметил Лумис. - Ну же, старина, не будем ссориться. Я не раз на собственном опыте убеждался, что в конце концов все устраивается само собой, если не обращать ни на что внимания и продолжать заниматься своим делом. Пойдемте со мной, Элистер, я хочу узнать ваше мнение кое о чем.

***

Он повел Кромптона вниз по лестнице в подвал, в свою мастерскую. В углу находилось сооружение, слегка напоминавшее электронный орган. Он был оснащен множеством рычажков, кнопок и ножных педалей и слегка походил на кабину старинного «Боинга-747». Возле него стояла маленькая скамеечка. Лумис сел и включил ток.

- Это машина самовыражения Вурлитцера-Венко, - объяснил он Кромптону и передвинул несколько рычажков. - Я включил ее и настроил на определенную тональность. Оранжевый и желтый цвета на стене означают, что основная тема композиции - это глубокая жалость к себе. Машина сейчас разработает музыкальное и поэтическое оформление этого настроения и воспроизведет свои стихи в левом нижнем углу большого экрана. Слушайте же и смотрите, Элистер.

Лумис зарядил машину эмоциями, и та перевела их в цвета, формы, ритмы, напевные стихи, в танцевальные па, исполняемые изящными марионетками, в веселые ритмичные песенки и страстную декламацию, в просторы серого океана и черной ночи, в кроваво-красные закаты, сливающиеся с брызгами смеха и сотрясаемые приступами бессильного гнева. Туманные многокрасочные сцены проходили одна за другой, наполненные призрачными людьми, которые разыгрывали какие-то странные драмы; в этой разношерстной репрезентальгии - так называлось это действо - ощущались наивные детские мечты, первые смущенные сексуальные желания, занудные школьные годы, первая любовь во время каникул и многое, многое другое. Все это было сплетено и закручено с помощью самых разнообразных художественных средств (кроме скульптур из мыльных пузырей - новшества, доступного только последней, пятой модели машины Вурлитцера-Венко) и завершалось блистательным парадоксальным финалом, в котором все разрозненные элементы выстраивались в стройный ансамбль различных человеческих качеств и создавали выпуклый образ личности, но не сливались в нем полностью, а подчеркивали и оттеняли друг друга, ярко высвечивая тем самым собственную неповторимость. На этом все кончилось, но два человека оставались молча сидеть на своих местах. Наконец Лумис не выдержал.

- Как вам это понравилось? Будьте предельно искренни - тут вежливость ни к чему.

- Ну что ж, - ответил Кромптон, - должен сказать, что точно в такие же игры играют на всех машинах самовыражения.

- Понятно, - холодно отозвался Лумис, и его душевная боль отразилась лишь в том, что он принялся терзать свой нос.

Он еще помолчал в мрачном раздумье. Но затем, оживившись, сказал:

- А, к черту! Это же всего лишь хобби! Я просто развлекаюсь тут. Но как любитель я все-таки кое-чего достиг, вы не находите? Давайте иногда встречаться, выпивать вместе, а? Сколько вы еще здесь пробудете?

- Ровно столько, сколько понадобится для реинтеграции, - ответил Кромптон.

- Тогда это надолго, - заметил Лумис. - Потому что я остаюсь тем, что я есть.

Он опять повернулся к машине и сыграл веселую пьеску из звуков, запахов и образов похоти, алчности и опьянения. Кромптон ушел, не дожидаясь репризы.

Глава 7

Он бесцельно брел по улицам, пытаясь сообразить, что же теперь предпринять. Его блестящий план рухнул бесповоротно. Ему и в голову не могло прийти, что Лумис, несчастная и далеко не лучшая часть его самого, предпочтет идти своим путем.

Он заставил себя сосредоточиться и окликнул такси. Это оказался шестиногий полуробот «Форд Супергризер», модель ХФК с желудком емкостью 240 кубических дюймов и полусферическими почками. Кромптон сунул ноги в стремя, запихнул в псевдководителя адрес отеля и безутешно привалился к поношенной луке седла. Неожиданно, какими-то запутанными путями, пришло горькое озарение: лучше уж бездумный разврат, чем собственные вечные, изматывающие душу страдания. К глазам подступили слезы.

Такси скакало по забитым толпами народа улицам Ситесфа. Кромптон, погруженный в свое горе, даже не заметил Тестерианскую похоронную процессию, возглавляемую самим трупом, облаченным в веселый разноцветный костюм арлекина; плавники покойника то и дело оживали, когда шедшие за ним священники-техники пропускали через него электрический ток.

Такси подъехало к отелю «Грандспрюиндж», но Кромптон распорядился следовать дальше. Им овладело какое-то беспокойство, охота к перемене мест - по-видимому, от сознания собственной беспомощности и незащитности. Хотя обычно он полностью контролировал себя - таков был его характер, обязательный и строгий, - сейчас он решил, что может позволить себе какое-нибудь безумство.

- Вы случайно не знаете, - обратился он к такси, - где находится «Притон духонастроев»?

Такси, хотя и было полуроботом и не обладало разумом в обычном смысле слова, тотчас развернулось на 180 градусов и по узкой аллее довезло Кромптона до лавки, над которой мигала неоновая вывеска «ДУХОНА-СТРОИ ДЖО».

Кромптон слез с такси и расплатился. Он вошел в лавку в легкой лихорадке предвкушения. Ему пришлось напомнить себе, что он не совершает ничего предосудительного. Но в то же время он прекрасно осознавал, что обманывает сам себя.

Хозяин, потный лысый толстяк в нижней рубахе, оторвался от комикса ровно настолько, чтобы указать ему свободную кабинку. Кромптон зашел в нее и сбросил с себя одежду, оставшись в одном белье. Потом, тяжело дыша, прикрепил электроды к положенным точкам на лбу, руках, ногах и груди.

- Все в порядке, - сказал он. - Я готов.

- О'кэй, - сказал толстяк. - Вы знаете правила. Вы заказываете по одному номеру из колонки А и из колонки Б. Сегодняшнее меню висит на стене.

Элистер просмотрел меню.

- Колонка А - состояние духа. Я, пожалуй, возьму номер пятый - «Мужественное самообладание». Или лучше шестнадцатый - «Отважная беспечность», как вы думаете?

- Шестнадцатый сегодня немного жидковат, - сказал хозяин. - Я бы на вашем месте остановился на пятом. Или попробуйте семнадцатый - «Сатанинское коварство», очень пикантно, со специально подобранными восточными ингредиентами. Могу порекомендовать еще двадцать третий - «Всепрощающее сострадание».

- Пусть будет пятый, - решил Кромптон. - Теперь колонка Б. Содержимое духа. Мне нравится номер двенадцать: «Компактные логичные мыслеформы, украшенные мистической интуицией и сдобренные искрящимся пикантным юмором».

- Да, это хорошая штука, - согласился толстяк. - Но позвольте предложить вам подготовленный специально для этого вечера сто тридцать первый номер:

«Вдохновляющая ассоциация с бледно-розовыми кисельными видениями, приправленными юмором и пафосом». Или наш знаменитый семьдесят восьмой: «Постельные откровения ветреницы - в шутку и всерьез».

- А можно заказать два номера из колонки Б? Я хорошо заплачу.

- Нет, приятель, это исключено, - сказал толстяк. - Слишком рискованно. Заболеете хронической лихорадкой, а меня лишат лицензии.

- Тогда я возьму двенадцатый, только уберите юмор. (Похоже, все это заведение буквально напичкано юмором.) - Хорошо, - согласился хозяин. - Приготовились! - Он взялся за свои инструменты. - Поехали!

***

Хлынувший поток вызвал у Кромптона прилив удивления и благодарности. Он вдруг почувствовал себя спокойным, безмятежным и полным радостной уверенности. Приток энергии принес с собой

интуитивные прозрения, утонченные и глубокие. Кромптон увидел огромную сложную паутину, соединившую воедино все части Вселенной, в центре которой стоял он сам, занимая законное место в системе вещей. Потом он неожиданно понял, что он не один человек, он - все люди, воплощение всего человечества. Непреодолимая радость наполнила все его существо; он обладал силой Александра, мудростью Сократа, кругозором Аристотеля. Он познал сущность вещей...

- Конец, приятель, - услышал он голос толстяка, и машина отключилась.

Кромптон пытался удержать подаренное ему духона-строем состояние, но оно ускользало, и он снова стал самим собой - существом, зажатым в тиски своих неразрешимых проблем. От сеанса осталось лишь смутное воспоминание. Но и это было лучше, чем ничего.

Так что в отель он вернулся несколько приободренным.

***

Но вскоре уныние с новой силой навалилось на Кромптона. Он лежал на кровати, и ему было очень жалко себя. Где справедливость, в самом-то деле! Он прилетел на Эйю с совершенно резонной надеждой найти в Лумисе существо еще более несчастное, чем он сам, страдающее от собственной неполноценности и бессмысленности своего существования, которое до слез обрадуется возможности обрести целостность.

А вместо этого он встретил человека, довольного собой и склонного продолжать свое грязное барахтанье в скотских сексуальных наслаждениях, которые, согласно мнению всех авторитетов, не приносят счастья.

Лумис не хотел его! Этот поразительный, необъяснимый факт подрывал самую основу планов Кромптона и лишал его последней надежды. Потому что он не мог принудить к воссоединению с собой свои отторгнутые части. Таков закон природы, возникший одновременно с расщеплением.

Но он должен заполучить Лумиса.

Кромптон взвесил свои возможности. Можно покинуть Эйю и отправиться на Йиггу, разыскать там другую свою часть, Дэна Стэка, соединиться с ним, а потом вернуться за Лумисом. Но между планетами пролегло чуть не полгалактики. Здесь неизбежно возникали технические трудности, да и денег пришлось бы ухлопать целую кучу, так что эта идея никуда не годилась. С Лумисом нужно было разбираться немедленно, не откладывая в долгий ящик.

А может, вообще отказаться от всей этой безумной затеи? Поселиться на какой-нибудь симпатичной планете земного типа и зажить там в свое удовольствие. А что, совсем неплохо! В конце концов, только труд, любимый и упорный, приносит радость, а в отказе от наслаждений тоже есть свое наслаждение, и есть свое горькое счастье в спокойном, осмотрительном, надежном существовании...

Ну уж нет, к чертям собачьим!

Он сел в кровати, на его узком лице была написана решимость. Лумис отказался от слияния с ним? Это только Лумису так кажется! Мало же он знает о железной воле Кромптона, его упорстве и непоколебимом мужестве. Лумис ребячливо упрям только в хорошем настроении, ему хватает настойчивости лишь тогда, когда все складывается в его пользу. Однако он подвержен быстрой смене настроений - а это верный признак психически неустойчивой, депрессивно-маниакальной, сладострастной натуры.

- Я не успею даже пальцем пошевелить, как он сам приползет ко мне на четвереньках и будет умолять о воссоединении, - решил Кромптон.

Придется немного потерпеть - но как раз терпения Кромптону не занимать. Выдержка, хладнокровие, решительность, немного жестокости - и легкомысленный компонент будет у него в руках.

Обретя утраченное было самообладание, Кромптон перешел к текущим проблемам. Во-первых, в отеле «Гранд спрюиндж» оставаться было нельзя: слишком дорого. А деньги следовало поберечь - мало ли какие осложнения еще возникнут.

Он упаковал вещи, заплатил по счету и окликнул такси.

- Мне нужна недорогая комната, - сказал он шоферу.

- Si, hombre, por que no? <Да, господин, почему бы нет? (исп.)> - ответил водитель, направляясь к мосту Вздохов, который соединял роскошные кварталы центра Ситесфа с трущобами Восточного Ситесфа.

Глава 8

Такси доставило Кромптона в самые дебри Пигфэта - района, пользующегося дурной славой в Ситесфе. Улицы здесь были узкие, мощенные булыжником, и бежали они..., скорее, спотыкались о множество крутых поворотов и тупичков. Постоянный серо-желтый туман нависал над районом, и все сточные каналы были заполнены жидкими вонючими помоями. Кромптон уезжал из «Грандспрюинджа» в полдень, но здесь всегда царили сумерки, постепенно переходящие в ночь.

Такси подкатило к покосившемуся домику. Над его дверями можно было прочесть: «Комнаты, Chambre, Zimmer, Ulmuch'thun». По всей видимости, это был пансионат самого низкого пошиба для инопланетян. Внутри, за треногим карточным столиком, служившим регистрационной стойкой, сидела горбатая старая карга с вороном на плече.

- Комната нужна? - спросила она. - Вам повезло, милорд, только что освободилось помещение, сегодня утром из двенадцатого вынесли бедняжку мистера Крэнка - может, и зарыли уже, - он ведь начал разлагаться, бедный ягненочек.

- От чего он умер? - спросил Кромптон.

- Третичная зависть, так сказал студент-медик. Держите ключ. Ваша комната на верхнем этаже, под самой крышей, с прекрасным видом на рыбоконсервный завод.

Кромптон разобрал свои вещички и отправился осмотреть свой новый район.

На фоне чудесного центра Ситесфа Пигфэт выглядел какой-то странной непристойностью. Темный, опасный, пронизанный сыростью и зловонием - но именно таким и задумали его эйяне несколько лет назад, когда решили импортировать трусобные преступления, чтобы проверить, нет ли в них чего-нибудь веселенького или значительного. Запрограммированность этого убожества не делала его в глазах Кромптона менее мерзким.

Он шагал по бесчисленным гнусным улочкам, мимо переполненных гниющими отбросами помоек и тлеющих тюфяков. Желтоглазые коты наблюдали за ним в дикой задумчивости. Мокрый желто-зеленый туман липнул к ногам, пронзительный ветер дергал за фалды пальто. Из забитых досками окон доносились детский плач, стоны совокупающихся пар и собачий лай.

В ближайшем кабаке пьяный разгул был в самом разгаре. Кромптон поспешил прочь, но дверь «Летучей мыши» внезапно распахнулась, и какой-то человек фамильярно схватил его за рукав.

- Куда ты так торопишься, Профессор? - дружелюбно спросил незнакомец.

Кромптон одарил его взглядом, способным разбить на мелкие кусочки вонючий кочан капусты.

- Сэр, не припомню, чтобы мы были знакомы.

- Не знакомы! - воскликнул человек. - Ты хочешь сказать, что не помнишь старину Гарри Клейменого, с которым вместе отсидел шесть месяцев в тюрьме на Луне за жульничество при отягчающих обстоятельствах?

Кромптон посмотрел на кругленького, лысеющего человечка с влажными глазами спаниеля и толстым приплюснутым носом.

- Я никакой не профессор, - сказал он. - Я никогда не был на Луне. И я никогда прежде не видел вас.

- Во дает! - восхитился Клейменный, едва поспевая за Кромптоном. - Ну и артист же ты. Профессор! Не знал бы - ей-богу, поверил бы, что мы не знакомы!

- Но я вас не знаю!

- Не беспокойся, пусть будет по-твоему, - сказал Клейменный. - Сделаем вид, что мы встретились впервые.

Кромптон продолжал свой путь. Клейменный не отставал.

- Спорим - ты только что приехал, а, Профессор? Здесь уже полно наших ребят. Вот здорово, правда?

- О чем вы? - спросил Кромптон.

- Это эйяне так придумали... В общем, весь следующий месяц мы можем грабить дома в лучших кварталах города, набрасываться на женщин, избивать туристов - короче, резвиться от души, и они к нам лезть не будут. Они заявляют, что хотят испытать на себе моральное поругание. Но ты ведь и сам в курсе.

- Эйяне пригласили всех вас сюда на грабеж? - поразился Кромптон.

- Они даже ввели специальные чартерные рейсы для доставки квалифицированных преступников. Да, надо отдать им должное - глубоко копают.

- Ничего не понимаю, - сказал Кромптон.

- А какой навар. Профессор!

- Да перестаньте вы называть меня профессором! Клейменный от восторга замер с открытым ртом.

- Таких, как ты, Профессор, - один на миллион! Тебя не расколоть. Шесть месяцев мы провели в одной камере на Луне, и за все это время ты даже не спросил, как меня зовут. И ты не изменился. Вот это, я понимаю, выдержка!

- Оставьте меня! - взвизгнул Кромптон и бросился назад. За его спиной Клейменный объяснял какому-то зеваке:

- Это Профессор. Мы с ним отбывали срок на Луне. От этого человека фиг чего добьешься.

Глава 9

По-видимому, Клейменный широко распространил свою легенду, во всяком случае, Кромптон стал в Пигфэте предметом почтительного интереса. Впервые в его жизни к нему подходили совершенно незнакомые люди и предлагали выпить за их счет. Женщины не

скрывали своего интереса, медленно прохаживаясь в баре мимо него. Все это забавляло Кромптона, но в то же время не нравилось ему: ведь интересовал их не он сам, а выдуманный тупыми и несомненно большими мозгами тип.

Как-то утром, когда Кромптон поглощал свою обычную овсяную кашу и тосты, Природа, которая не терпит статичности, подбросила-таки катализатор, чтобы сдвинуть с места установившиеся было обстоятельства его жизни. Катализатором явился огромный, крепко скроенный, по-звериному красивый молодой блондин с голубыми глазами, занявший место за столиком напротив Кромптона.

- Надеюсь, ты не против моего вторжения, Профессор, - добродушно сказал великан. - Я прослышал, что ты в городе. Я давно восхищаюсь твоими успехами в рэжете. Это правда, что тебе принадлежит выдумка внедрить в ФБР этих бешеных албанских коммунистов-прокаженных?

- Вранье все это. Прошу вас, уходите, оставьте меня в покое наконец, - сказал Кромптон.

- А так со своими поклонниками не говорят, - заявил великан. - Счастье твое, что ты мой герой, а не то я башку-то тебе размозжил бы. Меня зовут Билли Берсеркер. Моя профессия - уродовать людей. Но я хочу сменить ее на более высокооплачиваемую. Вот зачем ты мне понадобился.

Кромптон открыл было рот, чтобы возразить, но, заметив красные прыгающие искры в голубых глазах Берсеркера, призадумался.

- Чего вы хотите от меня? - спросил он.

- Пошли со мной в одно местечко, - сказал Берсеркер. - Там я тебе все объясню.

***

Позднее, в отдельном кабинете таверны «Памяти Эль Капоне», Билли Берсеркер поведал все о себе. Берсеркер - это был его псевдоним, «nom de crime» <Воровская кличка (фр.)>. По-настоящему его звали Эдвин Гастенхаймер, вырос он в Патерсоне, штат Нью-Джерси, в семье Чарльза Дж. Гастенхаймера, грабителя банков с мировой известностью, и Эльвиры Гастенхаймер, управляющей совсем незнаменитого клуба «Хи-хи» в Гобоконе. Юный Эдвин старался превзойти своих преуспевающих предприимчивых предков. Школьные годы он провел в борделях Джерси-сити, а потом отправился в Колумбийский университет, где его трижды провозглашали Психопатом Года. По натуре он был хапугой и насильником, но высшие сферы преступности оставались для него недостижимыми. Так

он и жил, калеча от скуки людей, без всякой перспективы на будущее. И вдруг услышал об открывающихся возможностях на Эйе.

- И здесь я встретил тебя. Профессор, - сказал Берсеркер. - Сама судьба свела нас. Мне нужна твоя помощь - хочу изменить свою жизнь. И сейчас я выложусь перед тобой весь как есть, до самого доньшка. Но, пожалуйста, не смейся надо мной, не то я как всегда войду в раж и прибью тебя - недаром же меня называют Берсеркером.

- Так что же вам нужно от меня? - спросил Кромптон.

Берсеркер смутился и заговорил совсем другим тоном:

- Профессор, я ничего так не хочу, как стать уверенным в себе человеком и жить своим умом. Кромптон задумался.

- И вы полагаете, что я могу помочь вам?

- Можешь! Ты станешь моим гуру, и я буду слушаться тебя и во всем следовать твоему примеру. Дано же человеку подняться до вершин по ступенькам его веры.

Разгоряченный своим выступлением, Берсеркер для вящей убедительности треснул по столу и при этом вогнал свою ложку в столешницу на двухдюймовую глубину. Этот жест произвел впечатление на Кромптона, который, поглядев на сидящего перед ним полного надежд и явно ненормального громилу, пришел к выводу, что придется смириться с обстоятельствами и надеяться на лучшее.

Он глубоко вздохнул и услышал свой голос:

- Мальчик мой, я не вижу, что могло бы помешать вам стать самым что ни на есть самоуверенным человеком. У вас хорошие задатки, а это самое главное, как вы сами понимаете. Вы все говорите прямо в лицо, и никто не посмеет заподозрить вас в вероломстве. Короче, под маской неотесанной свирепости в вас скрыта острая как рапира пронизательность, которая глубоко зарыта в тайниках вашей души. Да, мальчик мой, я не предвижу никаких осложнений.

- Вот здорово, Профессор, просто гениально! - воскликнул гигант. - Ты все сечешь как надо!

- Вы меня радуете, - сказал Кромптон.

- Но что я теперь должен делать?

- Ах да, - произнес Кромптон, в отчаянии ломая голову над проблемой. - Мы вплотную подошли к практическим занятиям. Мы должны определить, что же вам делать... Что делать... Ха! Вы должны учиться! Вы должны изучить все эти штучки-дрючки - как одеваться, как вести себя: собственно, они-то и отличают по-настоящему самоуверенного человека.

- Точно, этого-то мне и не хватает! - вскричал Берсеркер. - Понимаешь, я просто не знаю, как ведут себя самоуверенные люди, и

мне совсем не по душе выглядеть смешным. Это меня смущает, а когда я смущаюсь, меня охватывает ярость.

- Вы, без сомнения, должны приступить к занятиям, - сказал Кромптон. - Но как? Путем изучения приемов и манер самого уверенного в себе человека на планете Эйя.

- То есть вас!

- Ничего подобного. Мой конек - незаметность. Это вам никак не подойдет. Вам нужен человек обаятельный, с яркой наружностью - то есть с теми качествами, которыми вы уже обладаете, но в рудиментарной форме.

- Черт побери, Профессор! Да есть ли такой человек на планете?

- Есть, и вы должны будете наблюдать за ним. Это значит, что вы все время должны находиться рядом и не спускать с него глаз. И свои наблюдения вы не должны прерывать до тех пор, пока в совершенстве не изучите его манеры. Таким образом вы станете поистине самонадеянным человеком.

- Кто этот парень? - загорелся Берсеркер.

- Его имя Эдгар Лумис, - сказал Кромптон. - Я сейчас напишу вам его адрес.

Глава 10

Из дневника Лумиса:

«Вчера я побывал на балу Кридру, самом важном событии года. Там собрались все хоть сколько-нибудь заметные фигуры Ситесфа, включая самого Элигу Рутински и нескольких кинозвезд, чьи имена я не запомнил. Я хотел, разумеется, показать себя - это вещь необходимая, чем бы ты ни занимался. Но была и другая причина: на балу должна была присутствовать мисс Сисси Пертурбски.

Бал состоялся в Аксиоматическом зале отеля «Геометрия», нового отеля, открывшегося на углу бульвара Буллкример и Хеппенстенс-стрит. Я подъехал в светло-вишневом «Гондолини», который позаимствовал специально для этого случая. На мне был облегающий тело костюм, весь из серебряных оборочек, - новейшее изобретение, сильно поразившее представительниц *demi-monde* <Полусвета (фр.)> и их друзей.

Должен ли я описывать оживленное подтрунивание, блеск в глазах, смех толпы? Там был даже знаменитый оркестр «Карпетбитеров» с саксофонистом Раггом в главной роли.

Но перейду-ка я лучше сразу к рассказу о Сисси и обо мне, как мы остались наедине в маленькой спальне, примыкающей к бальному залу. Мы по взаимному побуждению проскользнули туда, и в слабом

свете ночника Сисси с улыбкой обратила ко мне свое прелестное, похотливое кошачье личико. В прошлом году мы с ней однажды встретились на вечеринке. Уже тогда между нами пробежала искра, но нас как-то развели в разные стороны, и невысказанное взаимопонимание осталось всего лишь обещанием.

И вот она наконец передо мной, стройная, с торчащими грудями, именно такая, какой я запомнил ее, с экзотическими раскосыми глазами, от которых в голове моей рождались фантазии, сцены игры в раба и господина. Она приоткрыла рот, облизала губы и сказала:

- Так вы не забыли меня? Ее нежный венгерский акцент чуть не выбил у меня почву из-под ног. Но я овладел собой и холодно сказал:

- Конечно, детка, как тебе жилось?

(Некоторая бессердечность, грубоватое равнодушие - верный и единственный ключ к успеху в этой игре.) Она широко раскрыла глаза. Как сомнамбула, подошла ко мне и обвила руками мою шею. Ее груди прижались к серебряным оборкам моего костюма, немного примяв их; она привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до моих склоненных к ней, усмехающихся губ. Волшебное мгновение! И вдруг в нашей крохотной спальне кто-то громко чихнул.

Мы отпрянули друг от друга. Я включил свет и увидел громадного блондина, рассеявшегося в двухместном кресле в углу комнаты. Он держал в руке блокнот и что-то царапал в нем огрызком карандаша.

- Объясните, что вам здесь нужно, - прорычал я угрожающе.

Блондин поднялся - и я увидел, что он действительно очень большой.

- Продолжай заниматься тем, чем занимался, пупсик, - сказал он. - Я тебя изучаю.

- В самом деле? - спросил я. - А зачем собственно?

- Затем, что я хочу стать похожим на тебя. Тут Сисси ушла. Даст Бог, повезет в следующий раз! Я побеседовал с Билли Берсеркером, как он мне представился, и узнал, что некто по прозвищу Профессор послал его изучать меня. Несколько слов из описания наружности Профессора было достаточно для меня. Черт бы побрал этого Кромптона!

***

- Да, пожалуйста, изучайте меня, - согласился я, когда стало ясно, что выбора у меня нет. - По совести говоря, я сам подыскивал себе ученика, которому мог бы передать весь багаж своих великолепных познаний.

- Какое счастье, что мы встретились!

- Не правда ли? Я скоро встречу с вами вновь и расскажу, как мы построим курс обучения. Пожалуйста, запишите свой адрес и телефон. А теперь идите домой и хорошенько подготовьтесь к этой сложной работе.

Берсеркер, однако, на это не купился и покачал головой:

- Я сам буду выбирать время и начинаю прямо сейчас.

- Но я ваш учитель, - заметил я ему. - И мне виднее, как лучше.

- Это верно, только я еще не верю тебе.

- И что же вы предлагаете?

- Я буду при тебе постоянно, буду за тобой наблюдать, как велел Профессор.

- Мой дорогой друг! Да это просто невыносимо! Хотя бы потому, что я не смогу вести себя естественно - я имею в виду эффект Гейзенберга, если вам это о чем-то говорит. А в таком случае вам нечего будет изучать.

Берсеркер выпятил челюсть - очень неприятная манера! - и сказал:

- Или ты будешь вести себя естественно, или я вытрясу из тебя всю душу!

- И что вам это даст? Ни один самоуверенный человек не сможет вести себя естественно после побоев.

Он тяжело задумался. Я почти физически ощущал, как ленивые извилины в его мозгу ворочаются с боку на бок в попытках упростить полученную информацию до состояния, доступного его пониманию. Наконец он заявил:

- Если ты не будешь вести себя самоуверенно, я убью тебя и найду кого-нибудь другого, чтобы брать с него пример.

Я выдавил из себя веселый смешок.

- Но ведь я-то самый лучший, - напомнил я ему. - В сущности, я единственный по-настоящему уверенный в себе человек на этой планете. Вам придется перенимать второсортные манеры, и в результате сами вы станете в лучшем случае третьесортным.

- Но я и вправду хочу учиться у тебя, - сказал он. - Я же вижу - ты как раз то, что мне нужно.

- Вот тут вы правы, - сказал я, игриво похлопав его по плечу. - Вы моментально обретете уверенность в себе, если будете во всем меня слушаться.

- Спасибо, - сказал он. - Пусть это будет мой первый самоуверенный поступок: я буду следовать за тобой по пятам и не спущу с тебя глаз ни на минуту, как мне велел Профессор.

И это было его последнее заявление. Бандитское заявление, честное слово! Но мы еще посмотрим, кто кого!»

Глава 11

Из тайного дневника Джиллиам:

«Я наконец решилась - ушла от Эда, хотя он явно этого не хотел. Сначала я почувствовала такое облегчение! Но потом Гвендквайфер разнюнилась, и все сделалось беспросветно унылым, и я вспомнила, как нам хорошо порой бывало с Эдом, и в конце концов я сказала ему, что передумала и возвращаюсь, а этот негодяй послал меня подальше!

Я знаю, это все его дружок с птичьим личиком, его влияние. После его появления Эд словно взбесился. (Эд, конечно, и раньше был несколько сумасбродным. Он говорит, что это у него от предков по материнской линии, сицилийцев, и от предков со стороны отца - афганцев. Я, правда, не разбираюсь в этих типах из стран третьего мира.) Гвендквайфер буквально сводит меня с ума. Она без конца твердит, что скучает по своему папочке; ну ладно, Бог с ней, но она говорит, что скучает по папочкиным подружкам, а это уже чересчур - выслушивать такое от собственной дочери! Впрочем, чего я заиклилась на этой ерунде?

Несмотря ни на что, я все-таки решила вернуть Эда, хотя он заслуживает только того, чтобы всадить ему в сердце кол, оборотню поганому! Но он отец Гвен, и в общем-то он не хуже других мужчин. Вся проблема в том, что Эд сам не понимает, что хочет, чтобы я вернулась к нему, и виноват во всем этот недоносок, выдающий себя за родственника Эда. Я не больно разобралась в их родственных отношениях, но тут, верно, не обошлось без сицилийского и афганского кланов. Может, он напустил на Эда какую-то порчу, а может, Эд изо всех сил старается доказать свои дурацкие мужские достоинства? Он всегда был немного легкомысленным, но теперь зашел слишком уж далеко».

Другой отрывок:

«Я много раз звонила ему, я следила за ним и заметила, что возле Эда все время крутится огромный блондин, которого я никогда раньше не видела. Откуда он взялся? Их теперь водой не разольешь, и все это весьма похоже на какое-то извращение. Неужели Эд - гомик? Зарежьте меня, никогда бы не подумала. По-видимому, здесь что-то другое».

И еще отрывок:

«Этот блондин-гигант знает и Кромптона! Похоже, вся эта троица что-то замышляет. Но что? Придется выяснить, в чем тут дело».

Глава 12

Кромптон спокойно разгадывал кроссворд, когда в дверь неожиданно громко постучали. Он открыл ее, и Джиллиам ворвалась в комнату, требуя ответить ей, что он собирается делать с ее мужем.

- Я хочу, чтобы он соединился со мной, - ответил Кромптон.

- Что значит - соединился? Это что еще за фокусы?

- Разве вы ничего не знаете? - сказал Кромптон. - О вирусной шизофрении, дюрьеровых телах, реинтеграции?

- Что-то такое однажды показывали по телевизору. Так вы хотите сказать, что Эд и вы...

- Мы - это результат заболевания вирусной шизофренией, - объяснил Кромптон. - Мы с ним две части одного целого. Есть еще третья часть, Дэн Стэк, который живет на планете Йигга. Все трое мы являемся компонентами одной личности. И ни один из нас не может быть полноценным человеком без двух других частей.

- Продолжайте, - потребовала Джиллиам.

- Вы что-нибудь понимаете в реинтеграции? Лумис и Стэк - два моих компонента - имеют возможность покинуть свои тела (всего лишь дюрьеровы заменители) и соединиться в моем собственном, подлинно человеческом теле. В случае удачи произойдет слияние и трансформация, в результате которой мы станем полноценной личностью.

- Не так быстро, - попросила Джиллиам. - Я хочу разобраться с этими телами. Все присоединятся к вам, так, что ли? Хорошенькое дело! И, как я понимаю, вы будете главным?

- Да, - сказал Кромптон. - Ведь я и есть самая полноценная личность из нас троих, и это мое тело.

- А что станет с их телами?

- Они рухнут и умрут. Но это будет ненастоящая смерть, потому что индивидуальность, разум, «я», которое осознает себя Эдгаром Лумисом, уцелеет.

- Так, я разобралась, - сказала Джиллиам. - И я отвечу - нет!

- Простите, я не понял.

- Он так легко от меня не отделается!

- О чем вы говорите?

- Этот фокус у вас не пройдет! - усмехнулась она презрительно. - Он что, в самом деле собирается удрать от меня, умертвив свое тело и отправив свою так называемую личность таскаться по дальним планетам? Фигушки, братишка, наось выкуси! Наверняка найдется такой закон, который не позволит превращать моего законного супруга черт знает в кого! А иначе чего стоит супружеский обет? Любой суд в Галактике подтвердит мои права.

И прежде, чем Кромптон успел ответить - если у него было что ответить, - она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Глава 13

Спустя несколько дней Кромптон встретился с Лумисом за ленчем в «Каза Ортодонтия», единственном на Эйе мексиканском ресторане. Кромптон немного припозднился, и к столику его проводил хозяин, величавый и дородный Эл Данте, бывший стоматолог из Эльмиры, штат Нью-Йорк.

- Заставляете ждать себя, - упрекнул его Лумис. Как всегда, он был прекрасно одет. На нем был ворсистый джемпер в стиле Тони из Пимлико, ботинки от «Харбингера и Омена» позвякивали колокольчиками, встроенными в каблуки, а разноцветный пояс, сплетенный из крыльев японских жучков, великолепно подходил к синим клетчатым подтяжкам. Но несмотря на всю свою элегантность, Лумис выглядел неважно: нижняя губа его дрожала, выдавая внутреннее смятение.

Изучив меню, Кромптон заказал довольно старомодную комбинацию под номером два. Лумис предпочел экзотический тридцать седьмой номер. Они обменялись несколькими светскими фразами, но в конце концов Лумис не выдержал:

- Послушайте, Кромптон, прекратите наконец все это.

Кромптон вопросительно поднял брови.

- Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Об этом белобрысом придурке, которого вы натравили на меня.

- Вы имеете в виду Билли Берсеркера?

- Теперь он зовет себя Сэмми Слик, - сказал Лумис. - Думаю, вам интересно будет узнать, что он живет с моей женой. И это единственное, что меня утешает во всем этом безобразии. Я принадлежу себе только в те, к сожалению, редкие мгновения, когда он с ней. А так он прилип ко мне ближе, чем моя собственная тень - даже ночью он рядом!

- У этого юноши серьезные намерения, - сказал Кромптон.

- Но из него никогда ничего приличного не получится. Трущобные ворюги - вот его компания, пусть с ними и якшается.

- Что ж вы сами-то не посоветовали ему это?

- Он просто записал мой совет в блокнот и продолжает преследовать меня. Кромптон, вы должны избавить меня от него! Я ничего не могу делать, когда он рядом. Как я могу выполнять мою работу - обольщать богатых женщин, - когда он толчется у меня под ногами! Элистер, как

бы сильно вы ни обижались на меня, все равно это несправедливо - лишать человека средств к существованию.

Кромптон тщательно прожевал энчиладу, приготовленную из моркови и грецких орехов, потом аккуратно вытер губы.

- Лумис, - сказал он, - ваши доводы совершенно неуместны в данной ситуации. Наши разногласия - это не разногласия между двумя людьми. Это ссора между двумя частями одного человека. Согласен, обстоятельства весьма необычные, но в этом-то и есть суть проблемы. Для разрешения внутриличностных конфликтов не существует никаких правил.

- А я думаю иначе, - сказал Лумис. - Вы многое упускаете из виду. Да, мы части одной личности, но в то же время я живу отдельно и самостоятельно, и закон признает как мое право на такое существование, так и мое неотъемлемое право отказаться от реинтеграции, если я ее не желаю.

- Я много думал об этом, - сказал Кромптон. - Да, вы имеете законное право поступать, как вам нравится - но не моральное право. Иначе говоря, я морально обязан свести всех нас воедино.

- Не вижу оснований, - возразил Лумис.

- Я считаю, - сказал Кромптон, - что жить надо по законам эволюции: организм должен постоянно обновляться, иначе наступает вырождение и смерть. Закон жизни - простите мою выпренность - побуждает меня восстановить утраченное. И ни о каком желании или нежелании не может идти речи. Если бы это зависело только от моего вкуса, я, скорее всего, постарался бы забыть обо всем и жить в согласии с самим собой. Но жизнь предоставила мне возможность излечиться, и я должен воспользоваться ею, хотим мы этого или не хотим.

***

Некоторое время они молча поглощали пищу. Кромптону не понравились жирные манча-мантеки, а вот поджаренной фасолью в тыквенном соусе он остался доволен. Лумис же с алчностью аллигатора заглатывал груши, фаршированные горячими маринованными перепелиными язычками, и запивал их из большого графина фруктовым «Антраша'44». Эл Данте с чопорным лицом и бегающими выпученными глазами бизнесмена подошел поинтересоваться, удовлетворены ли дорогие клиенты, а потом отправился обслуживать Билли Берсеркера, который уселся за соседний столик с блокнотом и огрызком карандаша в руках. Лумис сосредоточенно потыкал вилкой кусочек цапли. Потом холодно посмотрел на Кромптона, подчеркнуто медленно выговаривая слова:

- Теперь послушайте меня внимательно, Элистер. По характеру я легкомысленный, беззаботный, незлопамятный человек. И не в моих правилах иметь на кого-то зуб или - упаси Бог! - применить против кого-то насилие. Но в данном случае я готов изменить своим правилам. Вы слишком сильно прижали меня, будь я проклят.

- Можете сыграть это на своей машине самовыражения, - с некоторой долей ставшей уже привычной жестокости произнес Кромптон.

У Лумиса задрожали и побелели ноздри. Он встал, стараясь сохранить достоинство.

- Ладно, Элистер. Вы думаете, только вы обладаете силой воли и решительностью? Посмотрим. Помните, я предупредил вас.

Он вышел из ресторана в сопровождении Берсеркера, который оглянулся в дверях и подмигнул Кромптону.

Глава 14

В тот же вечер, когда Кромптон собирался выйти прогуляться, дверь его комнаты неожиданно распахнулась. Вошел Лумис, оглядел все вокруг, захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

- Ладно, ваша взяла, - сказал он. - Я решил согласиться на реинтеграцию.

Внезапное подозрение заглушило первый порыв радости Кромптона.

- Почему вы передумали?

- Это имеет какое-то значение? Разве мы не договорились обо всем?

- Прежде всего я хочу знать, почему вы решились.

- Это трудновато объяснить. Может, поговорим об этом после...

Раздался громкий стук в дверь.

- Я знаю, что ты тут, Лумис! - пробасил за дверью Берсеркер. - Выходи, или я сейчас войду! У Лумиса затряслись руки.

- Мне угрожают физическим насилием. В конце-то концов, он куда здоровее меня, Элистер! Пожалуйста!

- Рассказывайте, - неумолимо потребовал Кромптон.

На лбу у Лумиса выступили капли пота.

- Сегодня зашла ко мне Джиллиам, ну и... В общем, сами знаете, как это бывает...

- Я знаю, как это бывает с вами, - сказал Кромптон. - И что же случилось потом?

- Этот ненормальный Берсеркер застал нас в постели и совсем спятил от ревности. Представляете? Меня чуть не убили за то, что я сплю с собственной женой! Все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. Знали бы вы, что этот псих хотел сделать со мной! Дверь

начала поддаваться под тяжелыми ударами. Кромптон повернулся лицом к своему компоненту.

- Давайте, - сказал он, - будем реинтегрироваться. Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу: две части, взыскующие целостности, два края пропасти, соединенные мостками; новая gestalten <Gestal - форма, личность, структура (нем.)>, трепещущая на пороге бытия. Лумис вздохнул, и его дюръерово тело, словно тряпичная кукла, рухнуло на пол. В тот же миг колени у Кромптона подогнулись, как будто ему на плечи ввалили тяжелый груз.

Не выдержали и петли у двери, и Билли Берсеркер ввалился в комнату.

- Где он? - заорал Билли.

Кромптон указал на распростертое на полу тело.

- О! - в замешательстве произнес Берсеркер. - А впрочем, так ему и надо, этому паршивому ублюдку.

Но к кому теперь мне идти учиться, Профессор? Что мне делать?

- Возвращайтесь к своему прежнему занятию - калечить людей, - посоветовал Кромптон. - Это вам лучше всего удастся.

ЧАСТЬ III

Глава 1

Путь от Эйи до Йигги далек, как его ни измеряй: субъективным ли временем или в световых годах. На этой трассе еще не использовались новые навигационные устройства, так что кораблю - западногалактическому клиперу - пришлось медленно, по старинке преодолевать расстояние с помощью побочных спиралей в псевдопространственных структурах.

Кромптон не имел ничего против такого неспешного способа передвижения. Оно обеспечивало ему так необходимый после неурядиц на Эйе отдых и предоставляло возможность поближе познакомиться с персоной, с которой он теперь делил свою голову.

Реинтеграции в полном смысле слова, то есть слияния разрозненных частей в единое целое, конечно, не произошло, поскольку такое возможно лишь при наличии всех составляющих данной личности, да и то результаты бывают разные.

В первый день Лумис был молчалив и подавлен. Кромптон его почти не чувствовал. Но после хорошего сна Лумис явно оправился. Он принял предложение Кромптона, чтобы каждый из них по очереди брал на себя контроль над телом. Они были очень вежливы и

предупредительны друг с другом, словно двое незнакомцев, вынужденных временно делить ночлег.

«Медовый месяц» кончился на третьи сутки в полдень. Кромптон съел легкий завтрак, подремал, принял холодный душ и уселся за кроссворд.

Немного спустя Лумис заявил:

- Мне скучно.

- Почему бы тебе не помочь мне с кроссвордом? - предложил Кромптон. - Это колоссальное удовольствие.

- Ну уж нет! - сказал Лумис с таким отвращением, что Кромптон содрогнулся.

- Тогда чем бы ты хотел заняться? Лумис сразу повеселел:

- А что, если пойти в бар и подобрать там себе какое-нибудь дельце?

- Дельце?

- Ну женщин. Или женщину. Я забыл, что нам с тобой и одной хватит.

Кромптон подскочил как ошпаренный и сказал сдавленным голосом:

- Ни в каких женщинах мы не нуждаемся.

- Ни в каких?

- Абсолютно ни в каких.

- Да в чем дело, ты что - гомик? Тогда, конечно, придется что-нибудь придумать.

- У меня нормальные сексуальные наклонности, - отрезал Кромптон.

- Но в настоящее время я не собираюсь этим заниматься.

- Почему? - кротко поинтересовался Лумис.

- У меня на это есть свои причины.

- Понятно, - спокойно согласился Лумис. - Ну что ж, дело твое, конечно.

- Меня радует твое благоразумие.

- Каждому свое, как говорил один философ. Мне спешить некуда. Почему бы тебе не вздремнуть часок-другой, а я пока займусь нашим телом и своими делами?

- Ну нет, - сказал Кромптон. - Ни в коем случае.

- Минуточку, - сказал Лумис. - А что, у меня нет права решать, что хочет наше тело?

- Конечно есть, - сказал Кромптон. - Во всех других вопросах я буду куда сговорчивее, вот увидишь. А пока займись чем-нибудь другим - каким-нибудь хобби, например.

- Единственное мое хобби - это секс, - заявил Лумис. - Кроме того, это единственное мое занятие. Да пойми же, Эл, секс - это нормальная физиологическая потребность, такая же, как потребность в еде, и никто не заставит меня думать иначе!

- Я все прекрасно понимаю, - сказал Кромптон. - Но я считаю, что отношения с любимым человеком не сводятся к половому акту; это дело святое, кульминация любви, и поэтому совершаться это должно в атмосфере красоты и спокойствия.

- Элистер, ты что, взаправду девственник? - спросил Лумис.

- Какое это имеет значение? - возмутился Кромптон.

- Я так и думал, - с грустью сказал Лумис. - Пожалуй, придется просветить тебя насчет секса. Это действительно, как ты только что сказал, вещь великолепная, высокодуховная. Но кое-что ты упустил из виду, - Что?

- А то, что секс - это еще и развлечение. Ты хоть раз в жизни развлекался по-настоящему?

- Я только мечтал об этом, - с тоской в голосе признался Кромптон.

- Так к черту мечтания! Дай мне на время контроль над телом.

Развлечения - это моя стихия! Ты заметил, какая блондиночка сидела напротив, когда мы завтракали? Или сначала поищем кого-нибудь еще?

- То, на что ты намекаешь, просто исключено! - заорал Кромптон.

- Но Эл, ради моего здоровья и спокойствия духа...

- Хватит об этом, - сказал Кромптон. - Это мое тело, не правда ли? Я постараюсь утешить тебя как-нибудь иначе, но о сексе забудь. ;

Лумис больше не выступал, и Кромптон решил, что с этой деликатной темой покончено. Но очень скоро, когда они обедали в главном ресторане корабля, его заблуждение развеялось.

- Не ешь креветок, - сказал Лумис, когда подали закуску.

- Почему? Ты же любишь креветки. Мы оба их любим.

- Не важно. Мы не будем их есть.

- Но почему?

- Потому что они трейф.

- Не понял?

- Трейф - это еврейское слово, означающее нечистую пищу, евреям ее есть не полагается.

- Но Эдгар, ты же не еврей.

- Я только что обратился.

- Что? Что ты сказал?

- Я только что стал иудеем. К тому же ортодоксальным - не каким-нибудь современным неряшливым обрезком, благодарю покорно!

- Эдгар, это просто смешно! Невероятно! Не можешь же ты вот так, с бухты-барухты стать евреем?

- Почему нет? Или ты думаешь, что я не способен на религиозное откровение?

- Ничего более безумного в жизни не слышал! Черт возьми, зачем тебе все это? - спросил Кромптон.

- Чтобы сделать тебе подлянку, или цорес, как говаривали мои предки по новообретенной религии. Боюсь, что вся эта еда нам не подходит.

- Почему?

- Это же не кошерная пища <Разрешенная по законам иудаизма еда (идиш).>. Давай позовем стюарда и поговорим с ним. У них должны быть блюда, пригодные для верующих иудеев.

- Не стану я никого звать из-за твоего дурацкого богохульного заскока! Абсурд какой-то!

- Конечно, для такого гоя <Гой - не еврей, иноверец (идиш)>, как ты, это всего лишь абсурд. Слушай, как ты думаешь, на этой посудине есть шул <Школа (идиш).>? Если я буду соблюдать диету согласно нашим законам, помолиться ведь тоже не помешает, а? И я хочу узнать у капитана, есть ли на корабле мои земляки-единоверцы: может, наберется миньян <Число, количество (идиш). Кворум, необходимый для отправления публичного богослужения (не менее 10 мужчин в возрасте старше 13 лет).>, а нет - так хотя бы сыграем в бридж.

- Мы ни с кем не будем говорить! Я в этом не участвую!

- Ты запрещаешь мне исповедовать мою веру?

- Я не позволю тебе делать из меня дурака и издеваться над религией!

- Значит, ты вдруг стал высшим судьей в вопросах религии? - сказал Лумис. - Теперь, Кромптон, я знаю, кто ты такой, ты - неотесанный казак! Ой, за что мне этот мазел <Счастье (идиш)> - надо же было попасть в башку такого фанатика! Кстати, ты не будешь оскорблен в лучших чувствах, если я возьму Библию в судовой библиотеке и почитаю ее про себя? Я займусь этим в каюте, чтобы не поставить тебя в неловкое положение.

- Лумис, хватит играть у меня на нервах! На меня уже и так люди смотрят. - Диалог Лумиса и Кромптона проходил неслышно, само собой разумеется, но на лице Кромптона, особенно в глазах, отражались возникавшие во время разговора эмоции, и в самый разгар беседы лицо его дергалось, словно счетчик спидометра. - Давай спокойно закончим обед, а потом обсудим, хм.., все сразу.

- Что значит все сразу?

- Только то, что я сказал.

- Кромптон, уж не хочешь ли ты отлучить меня от вновь обретенной религии?

- Ни в коем случае. Я просто считаю, что мы можем прийти к согласию.., хм.., по всем вопросам. Давай есть суп.

- А что за суп?

- Куриный бульон с ячменным отваром. Ну попробуй хотя бы.

- Ладно, только бисел <Немного (идиш)>. Но если ты думаешь, что это значит, что...

- Потом, потом потолкуем, - сказал Кромптон. - А теперь, пожалуйста, ешь суп.

Дальше обед проходил спокойно, только при переменах блюд Лумис неустанно поминал свою еврейскую маму. Покончив с обедом, Кромптон расслабился, задремал и в рассеянности упустил контроль над телом.

Лумис ловко воспользовался случаем и тотчас вступил в разговор со смешливой рыжеволосой дамой за соседним столиком. Она оказалась женой дизайнера по шлюзам с планеты Дрюиль V, а на Йиггу летела к родителям отдохнуть. Звали ее Алиса-Джун Нети. Небольшого роста, очень живая, с сияющими глазами и стройной, но округлой фигуркой, она тоже скучала в этом долгом космическом путешествии.

Отстраненный, витающий в облаках Кромптон затуманенным взором наблюдал за развитием интимных отношений, за их подмигиваниями и кивками, жестами и легкими, не всегда пристойными намеками. Вскоре они уже танцевали, а потом Лумис великодушно отступил и предоставил Кромптону контроль над телом. Кромптон нервничал, краснел, ноги порой не слушались его, но он был безмерно доволен собой. И обратно к столику провожал ее уже Кромптон, и поговорил с нею немного тоже Кромптон, и Кромптон касался ее руки, в то время как вероломный Макиавелли-Лумис посматривал на них со стороны.

В три часа ночи по корабельному времени бар закрыли. После прощального обмена любезностями с дамой Кромптон, пошатываясь, добрался до своей каюты на палубе Б и, счастливый, свалился в койку. Это был самый веселый день в его жизни. И теперь ему хотелось поваляться в постели и посмаковать свои впечатления.

Но это не входило в намерения Лумиса.

- Ну? - спросил Лумис.

- Что?

- Быстренько посикаем и - вперед! Нас же пригласили!

- Я не слышал никакого приглашения, - сказал озадаченный Кромптон.

- Она же недвусмысленно назвала номер своей каюты, - сказал Лумис. - А если учесть события этого вечера, то это было даже не приглашение, это было требование.

- Неужели все так и делается? - спросил Кромптон.

- Да, обычно именно так.

- Не могу поверить!

- Честное слово, Элистер, уж у меня-то есть опыт в этих делах. Так пошли?

Кромптон заставил себя подняться, но тут же снова свалился поперек постели.

- Нет, не хочу..., не могу... То есть я хочу сказать, у меня нет...

- Да в таких делах отсутствие опыта - вовсе не проблема, - сказал Лумис, усаживая Кромптона на кровати. - Природа щедро помогает всякому раскрыть тайны важного с ее точки зрения акта, который совершают все живые существа, оказавшись вместе. Должен обратить твое внимание на то, что бобры, еноты, гремучие змеи, скарабеи и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, легко справляются с тем, что тебе представляется непреодолимым затруднением. Ты не должен унижать род человеческий, Эл!

Кромптон встал, вытер пот со лба и сделал два нерешительных шага по направлению к двери. Потом вернулся и снова сел на кровать.

- Нет, это невозможно.

- Но почему?

- Это неэтично. Молодая леди замужем.

- Женидьба, - стал спокойно объяснять ему Лумис, - как свидетельствует вся история гомо сапиенс, изобретена совсем недавно. Задолго до этого существовали мужчины и женщины, и, соответственно, были между ними и определенные сексуальные отношения. Законы природы всегда выше и сильнее законов человеческих.

- И все же я считаю это аморальным, - вяло сопротивлялся Кромптон.

- Но с чего ты так решил? - удивился Лумис. - Ты-то неженат, а значит, твои действия ни у кого не могут вызвать нареканий.

- Однако молодая леди замужем.

- Да, замужем. Но это ее проблемы. В первую очередь она человек, а вовсе не собственность своего мужа. Богом ей дано право распоряжаться собой, и мы должны уважать это право.

- Мне такое и в голову не приходило, - сознался Кромптон.

- Итак, это по поводу жены. А что касается мужа - раз он ничего не узнает, он и не будет страдать. Более того, он даже выиграет. Алиса-Джун, чтобы загладить свою вину, будет с ним нежнее, чем прежде. Он все это отнесет на счет своей сильной личности, и его «я» воспрянет. Вот видишь, в результате всем будет только лучше и никто не пострадает. Разве это не замечательно?

- Все это пустая софистика, - проворчал Кромптон, снова вставая и направляясь к выходу.

- Давай, детка, - сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. И тут же, будто что-то ударило ему в голову, захлопнул дверь и опять улегся в постель.

- Ну что еще? - спросил Лумис.

- Твои доводы, - сказал Кромптон, - могут быть справедливы или несправедливы - не мне о том судить, у меня нет опыта в этих делах. Но одно я знаю точно; ничего такого я делать не буду, пока ты наблюдаешь за мной.

Лумис был ошарашен.

- Будь ты проклят, Эл! Здесь нет ни тебя, ни меня. Я - это ты, и ты - это я. Мы две части одного целого!

- Еще нет, - сказал Кромптон. - Сейчас мы всего-навсего шизоидные компоненты, два разных человека в одном теле. Потом, когда мы воссоединимся с Дэном Стэком и все трое сольемся в настоящей реинтеграции... Тогда другое дело. Но при нынешних обстоятельствах элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это просто невысказано, и оставим эту тему.

Лумис погрузился в гневное молчание. Кромптон разделся, натянул на себя пижаму и лег спать.

Глава 2

На следующее утро за кофе Кромптон заявил:

- Мне кажется, нам надо серьезно поговорить.

- Что у тебя на уме, дружище? - насмешливо спросил Лумис.

- Хочу напомнить, что нам предстоит важное и опасное дело. Мы должны разыскать и присоединить к себе Дэна Стэка, и как можно быстрее, поскольку наше положение сейчас в высшей степени ненадежно. И с этой минуты - никаких выпивок и развлечений, отложим все это до лучших времен. Сейчас у нас есть чем заняться. А повторения вчерашнего я не допущу. Тебе ясно?

- Элистер, с тобой нелегко ладить, - устало сказал Лумис с ноткой печали и разочарования в голосе. - Я согласен, все это ужасно серьезно, но сейчас-то мы сидим в звездолете, и делать нам совершенно нечего.

- Я все обдумал, - сказал Кромптон. - Мы с пользой проведем время, занявшись изучением хот-йиггского языка, самого распространенного диалекта на планете Йигга.

- Учить язык, только и всего? У меня нет склонности к таким вещам.

- Тогда ты будешь сидеть тихо, а я позанимаюсь языком.

***

В корабельной библиотеке Кромптон нашел книгу Бендера «Диалектные варианты общеупотребительных выражений в хот-йиггском языке» и приступил к занятиям. Лумис развлекался, вспоминая подробности прошлого вечера, пока Кромптон не попросил его прекратить, так как это мешало ему сосредоточиться.

После ленча Кромптон вздремнул, потом еще час упражнялся в языке, потом поразгадывал кроссворд. Лумис не возражал. Но вечером ему захотелось стаканчик пива. Кромптон с радостью откликнулся на его просьбу - он вовсе не был законченным пуританином.

У пива был немного странный привкус. Кромптон сказал об этом Лумису. Лумис что-то ответил, но его слова растворились в необъятной, оглушающей пустоте, в которую вдруг целиком погрузился Кромптон. Столы, стулья, ярко-желтые салфетки закружились вокруг него хороводом, и он отключился.

Кромптон пришел в себя только на следующее утро.

С опухшими глазами, резью в животе и невыносимой головной болью он сел в постели. Каюта выглядела так, как будто Тамерлан и воины Золотой Орды этой ночью отпраздновали в ней свою победу. На полу валялись бутылки, в пепельницах было полно окурков. Кругом были разбросаны различные принадлежности туалета, некоторые из них - явно женские. Ноздри Кромптона заполнил запах дешевых духов, смешанный с острым ароматом запрещенных наркотиков.

Кромптон, покачиваясь, встал на ноги. Левое бедро болело. Наклонившись, он увидел на нем следы укусов. Разглядел он и пятна губной помады у себя на груди. Было немало других признаков половой невоздержанности, о которых Кромптон даже думать стеснялся.

- Лумис, - сказал он, - ты опоил меня наркотиками, использовал мое тело и устроил тут безобразный дебош. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

- Только одно: плевал я на твои приказы, - нагло заявил Лумис. - По какому праву ты командуешь мной? Я тебе не раб! По всем законам я тебе ровня! А потому пусть днем тело принадлежит тебе, а по ночам - мне!

Кромптон с трудом сдерживал себя.

- Тело будет твоим только тогда, когда я тебе позволю!

- Но это несправедливо!

- Я бы с удовольствием, уравнил тебя в правах на тело, если бы ты взял на себя также хотя бы минимальные обязанности. Но раз тебе на все наплевать, мне придется самому действовать в наших общих интересах.

- С какой это стати ты берешься судить о наших общих интересах? Типичный образчик свинско-фашистского мышления.

- Выбери выражения! - предупредил Кромптон.

- Да пошел ты, свинья фашистская!

И тут терпение Кромптона лопнуло. Ярость овладела всем его существом. Его охватило властное желание покончить со своим отвратительным alter ego <Другое «я» (лат.)>. Лумис, захваченный врасплох этим потоком разрушительных эмоций, пытался сопротивляться, стараясь восстановить нарушенное психическое равновесие.

Но все было тщетно. Ярость Кромптона неожиданно выработала в мозгу мощный поток антител - элементов психической энергии, подавляющих боль. Лумис боролся отчаянно: он знал, что, если частицы достигнут своей цели, он будет окончательно затерян, замурован где-нибудь в глухом забытом уголке сознания Кромптона.

- Элистер! - завопил он. - Не делай этого! Я тебе нужен для реинтеграции!

Кромптон услышал его и понял, что это правда. Собрав остатки разума, он подавил неожиданный всплеск, все еще бушевавший в его венах, и с громадным трудом восстановил контроль над своими чувствами.

Поток антител быстро иссяк, и Лумис, потрясенный, но целехонький, занял свое место.

***

Сначала они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день, клялся и божился, что не простит Кромптону его жестокости никогда. Но он не умел ненавидеть. Все-таки в первую очередь он был сенсуалистом, жил сиюминутными ощущениями, не помнил прошлых обид и не задумывался о будущем. Его негодование улеглось, к нему вернулось прежнее безмятежное настроение.

Кромптон как доминирующая часть личности признал свою ответственность за случившееся. Он упрекал себя за этот неистовый взрыв и очень старался поладить с Лумисом. Остальное время полета они поддерживали хорошие, хотя и немного натянутые отношения.

Наконец звездолет прибыл на Йиггу. Пассажиров отправили на спутник Индукцию, где они прошли таможенный досмотр и прочие иммиграционные службы. Им ввели сыворотки от ползучей лихорадки, чумы Зеленой реки, локотной гнили, рыцарской болезни, синдрома Чопстера, чесотки Галлорани и в конце концов позволили на челночной ракете спуститься в Йиггавилль.

Глава 3

Йигга была единственной планетой в системе карликовой звезды Иоаннис (БГТ-3444590). Грушевидная планета вращалась вокруг своего светила, отклоняясь в афелии на семь градусов семь минут, и по земным стандартам тянула на оценку 0,65892, а по минералам была типичным представителем класса Си, если не принимать во внимание необъяснимое отсутствие молибдена.

На планете было четыре континента; три из них, сплошь покрытые лавой, были практически необитаемы, если не считать микроскопических поедателей лавы и их паразитов. Четвертый континент, Клорапсемия, не уступал размерами Азии и Африке, вместе взятым. Клорапсемия бесконечной неровной лентой извивалась вдоль экватора Йигги, климатом, флорой и фауной напоминая Землю в лучшие годы каменноугольного периода.

Коренные жители планеты, йиггане, вели свое происхождение от рептилий. Ростом около восьми футов, невероятно сильные, агрессивные и кровожадные, к тому же с недоразвитым чувством юмора, они представляли серьезную угрозу для немногочисленных землян, которые правили их планетой. Между двумя расами то и дело разгорались необъявленные войны, осложненные законом, запрещавшим убивать иигган, поскольку они находились под охраной межзвездных соглашений. Землян же эти соглашения не защищали, так как йиггане не признавали никаких законов, кроме собственных, которые, в свою очередь, не признавал никто, кроме них. Однако на их прегрешения смотрели сквозь пальцы, поскольку убивали они, как правило, самых никудышных, безработных землян, экономя тем самым для общества расходы на социальные нужды. К тому же земляне старательно замалчивали тот факт, что йиггане находятся в стадии вымирания и что уровень рождаемости у них упал до нуля после того, как земляне опрыскали планету суперциклоном "Б" - газом, стерилизующим рептилий и некоторые виды моли.

Йиггавилль, столица северо-западной Клорапсемии, был типичным тропическим городом с широкими пыльными бульварами, обрамленными палатками и ларьками, в которых улыбающиеся жители продавали блестящие кустарные безделушки, ходовой товар на процветающем рынке прикладного искусства на соседней планете Несбитт IV.

В ратуше Кромптон заставил упирающегося чиновника отыскать последний адрес Дэна Стэка. Это был город Иниойо, центр добычи речного жемчуга на левом берегу Зеленой реки. Но добраться до него

было непросто. Иниойо лежал за Великим болотом Килби, занимающим площадь, равную всей Западной Европе, исключая Албанию. Одолеть это болото можно было только в составе какой-нибудь экспедиции, и Кромптону удалось отыскать небольшую группу, которая отправлялась в путь на следующее утро.

После бессонной ночи в отеле "Йигга", где смуглые плантаторы развлекались с визгливыми белокуроыми гарпиями до самого утра, Кромптон направился на Коллекшн-сгрит, откуда стартовала экспедиция.

Путешествие внутрь материка готовилось с большой тщательностью. Главным предметом забот были фелюги. Делали их из дерева типа земных бальзамовых; суда получались овальной формы и могли выдержать двенадцать человек или двух зирни. (Зирни, безрогие мулы с расклеванными копытами, прекрасно приспособлены для передвижения по бологам. Они похожи на восточноиндийских буйволов-амфибий, за одним только отличием: мускулы сфинктера расположены у них вокруг коленных суставов задних ног - а почему, этого никто не знает. Эти огромные, неутомимые животные способны с большой скоростью топтать по болотной жиже, состоящей из песка, воды, глины, солода и кристаллов буры. Если их подстегнуть, зирни способны развить скорость до пяти миль в час или, еще лучше, расплескать своими ступнями-раструбами всю воду и таким образом создать временный проход, по которому можно легко отбуксировать фелюги. К недостаткам зирни относится их стремление к метаморфозам: в одно мгновение они могут превратиться в нечто плоское, длинное, похожее на бревно, и стать совершенно бесполезными для землян. Так что в некотором смысле они куда хуже своих земных сородичей, но зато отличаются беззлобным нравом и при этом вкусно пахнут.)

За довольно значительную плату Кромптон нанял себе зирни и погонщика. Пришлось также приобрести рюкзак, палатку, пластиковый розовый умывальник, походную кухню в оранжевом чехле, два компаса, запас питательных пилюль компактоплекса, швейцарский армейский нож и небольшой запас продуктов со сроком хранения двенадцать месяцев.

И вот наконец все готово. Начальник экспедиции дважды протрубил в носорожий охотничий рожок, и экспедиция отчалила, сопровождаемая хриплым пением гребцов-йигган. Вот как звучит весьма приблизительный перевод их песни:

Запутанными и странными путями дух тины
Переносит печаль в небеса и быстрые крылья в лицо

Тому, кто обитает в водных пустынях и темных болотах Матери,
Чья тропа - ее ритуал и чьи смуглые нежные ноздри

Точный перевод этого заунывного заклинания еще ждет своей публикации в специальной книге по психологии йигган. А пока можно лишь констатировать, что смысл большинства родовых песен Галактики остается для нас тайной за семью печатями.

Глава 4

Лумис сначала заявил, что он тоже будет участвовать в управлении телом. Но он слегка лукавил. На самом деле ему хотелось принимать участие в интересных событиях. Он жаждал ощутить запахи и вкус незнакомой пищи, испытать чувство утоления жажды, поглазеть на невиданные чудеса, послушать всякие забавные звуки. Но он не хотел осознавать и полностью ощущать все невзгоды этого путешествия.

А нескончаемый путь через болота, казалось, состоял из одних невзгод.

- Смотри в оба, - говорил Кромптон, и Лумис внезапно выпадал из мира грез, где он теперь почти все время пребывал, плавая в бесплотных просторах на волнах воображения, которые окутывали окружающий мир туманной полупрозрачной вуалью, и вдруг - трах! - и Лумис видит усталыми, слезящимися от боли глазами монотонную серо-зеленую растительность и грязные, искусанные насекомыми спины носильщиков.

Но что там визуальные впечатления - это еще куда ни шло! А вот вообразите, как вы, извлеченный из своего кокона, где не было никаких запахов, окунаетесь в атмосферу едкой вони, исходящей от носильщиков, смешанной с испарениями гниющих растений, напоминающими запах подгоревшего мяса, невыносимым хлорно-фиалковым зловонием от испражнений зирни и резким аммиачным запахом пота самого Кромптона.

То, что Кромптон, обладатель самого тонкого в мире обоняния, без жалоб и стонов терпел эту смердящую какофонию запахов, можно объяснить только поразительным стоицизмом этого человека. Лумис же находил ситуацию абсолютно невыносимой. (Запахи чуждых нам мест трудно описывать, но они куда более живо передают суть впечатлений, нежели зрительные образы. Кто не помнит утверждения Кларендона, что Алкмен V пахнет «точно как бизоний пердеж, пропущенный сквозь бочку протухшего козьего сыра»? Или слова Гриньека о Гнуше II: «запах смеси черной патоки и кольдкрема в животе разлагающегося муравьеда»?) Но самым страшным в этом путешествии был даже не

запах. Что было совсем невыносимо для добродушного, сонливого и ленивого Лумиса, так это необходимость время от времени брать на себя контроль над телом и страдать от экземы, которая разъедала кожу и непрерывно чесалась, гневно орать, напрягая охрипшее больное горло, на зазевавшихся носильщиков, тревожно ожидать нападения туземцев, а самое главное постоянно принуждать усталое тело двигаться вперед, подавлять желание наплевать на все и отказаться от этой дурацкой затеи. Лумис никогда не хотел пускаться в это безумное путешествие к цели, которая представлялась ему более чем сомнительной. К тому же, принимая на себя контроль над телом, он почему-то должен был во всем следовать приказаниям Кромптона, а это уж ни в какие ворота не лезло! Кромптон - идиот, он поставил их жизнь на карту, несмотря на энергичные протесты Лумиса, и теперь Лумис должен помогать и содействовать ему в этом? Дудки! Сопротивление Лумиса было вызвано одним из самых глубоких человеческих инстинктов: нежеланием оказаться в дураках. Таков был характер Лумиса, и нельзя судить его за нежелание, а потом и прямой отказ помогать Кромптону во время путешествия через болота. Тут он не мог быть союзником. Он был пленником, и ему перепало немного света и свободы, только если он соглашался сотрудничать со своим тюремщиком. И честь ему и хвала, что он еще как-то боролся за свою собственную индивидуальность, да и самую жизнь теми ничтожными средствами, которые оставались в его распоряжении.

При всей необычности ситуации Лумис оставался личностью со всеми присущими ей правами. И что бы там ни говорили о неполноценности изолированного сегмента, принадлежавшего изначально другой личности, он прекрасно освоился с внешним миром. Многие люди с так называемой нормальной индивидуальностью считали бы, что им чертовски повезло, обладай они хотя бы десятой долей жизнерадостности Лумиса.

Лумис понимал, что для Кромптона он всего лишь средство добиться успеха, вещь, необходимая для превращения Кромптона в Суперкромптона путем ассимиляции и поглощения братьев по разуму. Сознать это было далеко не приятно. Лумис вынужден был смириться с этой мыслью, но надеялся, что не превратится в тень Кромптона.

Глава 5

- Хочешь сыграть на десятку? - предложил Лумису погонщик зирни.
- Почему бы и нет? - откликнулся Лумис.

Кромптон велел ему взять управление над телом, а сам решил перехватить часок-другой вполне заслуженного отдыха и немного соснуть. Лумис вел себя довольно сносно, если не считать его постоянных жалоб на боли в животе и тщетных попыток отравить существование Кромптона нехитрыми рассуждениями на тему:

«Оба мы погибнем, потерпев фиаско в этой безумной экспедиции». Он не принадлежал к числу молчаливых страдальцев.

А сейчас Лумис погрузился в игру ууув с погонщиком зирни. Погонщик принадлежал к народности груков - так называли себя креолы, родившиеся на Йигге. Он поставил на следующий ход большую сумму, и теперь его обычно гладкое лицо пошло рябью от возбуждения, с которым он наблюдал за Лумисом. Лумис прошептал молитву над парой кристаллов с расписными гранями и бросил их в воронку из тикового дерева с зарубками внутри.

Кристаллы покатались и были пойманы фортуной на голубом витке спирали, подарив таким образом Лумису победу и выигранную двадцатку.

На лице погонщика сквозь редкий желтенький пушок проступила бледность. Он рассчитывал на всем известную удачливость груков, и, как бывает в таких случаях, это сыграло с ним дурную шутку. На самом-то деле груки вовсе не так уж удачливы, потому что они слишком глупы, чтобы осознать собственную невезучесть. А погонщику еще и нечем было платить, за что его ждало крайне суровое наказание от Старого Рукса, самого сильного и самого глупого из всех груков в экспедиции, в чьи обязанности входило укреплять в груках священную веру в неполноценность их расы.

- Послушайте, мистер, - захныкал грук, - у меня есть для вас кое-что получше, чем деньги. Это секретная информация, которая для такого умного джентльмена, как вы, может представлять интерес и даже практическую ценность.

- Ха! Не можешь заплатить? - сказал Лумис. Он пронзил взглядом погонщика. В уголках его губ заиграла улыбочка, он согнал ее, и она переместилась в уголки губ его собеседника. - Черт побери, да деньги не имеют никакого значения. Что за информация?

Грук близко наклонился к Лумису и прошептал что-то ему на ухо. Глаза Лумиса вылезли из орбит. Он было нахмурился, но тут же позволил улыбочке вновь приподнять уголки своих губ.

- Это в самом деле интересно, - сказал он, - если не врешь.

- Я не вру, эфенди! - взвизгнул грук, в панике употребив словечко из языка народа, к которому он никак не мог принадлежать по своему происхождению.

Неожиданно проснулся Кромптон.

- Что тут творится? - спросил он. Лумис непринужденно передал ему контроль над телом.

- Ничего особенного. Мы просто поболтали с парнишкой.

Погонщик съежился, шаркнул ножкой и испарился.

- Ты потрудишься протереть тело досуха после похода? - спросил Кромптон.

- Естественно! За кого ты меня принимаешь?

- Не время ссориться, - сказал Кромптон. - Скоро экспедиция тронется в путь?

- Скоро, - сказал Лумис. - А знаешь, Эл, ты не так уж хорошо выглядишь.

Лумис имел в виду не тело, в котором они оба обитали; он намекал на самосознание Кромптона, которое каждый из них сохранял в неприкосновенности и посредством которого они общались.

Самосознание Кромптона было истощено, перетружено и напряжено до предела. Чтобы экспедиция не замедляла свое продвижение, он взвалил на себя кучу забот. Он организовал охрану лагеря по всему периметру от дьявольской ползучей травы, на что порой требовалась десятая часть всей экспедиции, и распределил между носильщиками ночные дежурства, которые до этого проходили без всякой очередности и вызывали массу скандалов и ругани.

Лумис оставался верен себе и ни в чем не помогал ему. Он признавал лишь один простейший способ обнаружения Стэка; обосноваться где-нибудь в комфортабельном отеле и написать ему письмо, а если из этого ничего не получится, нанять детектива.

Даже Кромптон потерял счет дням, проведенным в болотах с нескончаемым мышинным писком птиц бу-бу, мокрым шлепаньем и похрюкиванием пятнистых бурых аллигантилоп и постоянным стаккато, выбиваемым экстрактором сжатого воздуха. Дважды их отряд отбил незначительные набег кочевых племен йигганских ренегатов и дегенератов, замаскированных под патриотов. В экспедиции за это время родились трое детей, а среди неженатых мужчин постарше разыгралась цинга. У интенданта совсем перевелся пудинг из тапиоки, и даже овсяные лепешки приходилось выдавать по нормам.

Но дух был тверд, и экспедиция продвигалась вперед - сложный микрокосм, пересекающий мокрое пространство.

Наконец в низких тучах появился просвет, на западе из болота выдвинулся мыс суши. Вскоре стали видны глинобитные крыши и белый забор сторожевой заставы Иниойо.

Экспедиция успешно подошла к концу. Оставалось только решить, кто первый насладится душем.

Глава 6

Иниойо оказался совсем маленьким городишкой. Кромптон зашел за постоянный двор на почту, откуда его сразу направили к потрепанному непогодой, крытому щепой домику на окраине. Там, на покосившейся веранде, он обнаружил двух старичков, признавшихся, что они приемные родители Дэна Стэка.

- Точно, - сказал прокопченный солнцем крепкий старик с сильно выдающимся кадыком и пронзительными выцветшими глазами на костлявом лице с высокими скулами. - Я был папа, - продолжил он просто, - она была мама.

- А малютка Дэн был хороший мальчик, - сказала старуха.

- Ну... - сказал старик.

- Да-да, это правда!

- А как насчет случая с лошадью мистера Уинтер-мьюта? - напомнил ей старик.

- Они никогда не докажут этого! У тебя уверенности-то поубавилось бы, если бы ты выслушал и другую сторону.

- Но знаешь. Марта, лошадь теперь уже ничего не скажет, - сказал старик.

- А я не про лошадь говорю, старый ты дурачина! Я говорю - никто даже не выслушал Дэна.

- А не потому ли, старая, что он удрал из города, как тать в нощи, - сказал старик с той удивительной точностью в выражениях, которой необразованные люди порой достигают под влиянием больших количеств черного кофе.

- А как же, конечно, сбежал! - с негодованием сказала старушка. - Ему пришлось сбежать, не то его обвинили бы в ограблении банка.

- Может быть, вы знаете, где я могу найти его? - спросил Кромптон.

- Точно не скажу, - ответил старик. - Он нам никогда не писал. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

- А когда это было?

- Лет пять, а то и шесть тому назад, - сказала старушка. - Ну а сейчас поди найди его. Клорапсемия - большой континент, хотя берега его очень изрезаны. У вас хорошее лицо, мистер! Поезжайте, найдите его, наставьте на путь истинный!

Она расплакалась, спрятав лицо в фартуке. Старик провел Кромптона мимо старого дуба на дощатую дорогу.

- Вы уж простите мою старуху, - сказал он. - С тех пор как Дэн ушел, прихватив с собой все, что попало под руку, в том числе и наши жалкие сбережения, мать совсем переменялась.

- Понимаю, - сказал Кромптон. - Хочу, чтоб вы знали; я собираюсь отыскать Дэна и сделать из него цельного человека.

- Плюньте вы на него.

Старик сплюнул на свой шишковатый левый кулак, следуя какому-то туземному обычаю неизвестного происхождения, и побрел назад к покосившейся веранде.

- Забавный парень этот Стэк, - заметил Лумис. - Эл, в какую яму ты нас толкаешь?

- Да, он, пожалуй, человек не из приятных, - откликнулся Кромптон.

- Но у нас просто нет выбора. Без него не будет реинтеграции.

Лумис тяжело вздохнул.

- Где, по крайней мере, находится этот У-Баркар?

- На юге, - сказал Кромптон. - В самой что ни на есть неизведанной глубинке этой допотопной планеты.

- О, Бог мой! Опять?

- Я доставлю нас туда. Я уверен, что справлюсь с задачей, чего бы мне это ни стоило.

- Знаю, знаю, - проворчал Лумис. - Разбуди меня, когда все закончится. - И он заснул.

Глава 7

У-Баркар представлял собой скопление плантаций, на которых пятьдесят землян работали надсмотрщиками, а две тысячи аборигенов сажали, растили и собирали урожай с дерева ли, произраставшего только на этой части планеты. Плоды ли созревали два раза в год и были незаменимой приправой к блюдам китайской кухни.

Кромптон встретился с десятником, краснолицым верзилой по имени Гаарис. На бедре у него болтался пистолет, а вокруг пояса был аккуратно намотан бич из удава.

- Дэн Стэк? - переспросил десятник. - Ну как же, работал здесь почти год. Потом как-то внезапно исчез.

- Если вам не трудно, расскажите почему, - попросил Кромптон.

- Отчего же, пожалуй, - сказал десятник. - Только лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун. И там, потягивая пшеничное виски, поведал Кромптону историю Дэна Стэка.

- Он явился сюда с Восточного болота. Что-то у него там было с девчонкой - то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Все мы здесь - или почти все - далеко не сахар, и думается мне, что там, в городах, были рады-радешеньки избавиться от нас. Да-а-а... Так вот, я поставил Дэна надсмотрщиком над пятьюдесятью

йигганами на поле в сотню акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с ними. - Десятник опрокинул стаканчик. Кромптон заказал еще и заплатил. - Я ему советовал погонять их, чтобы от них был толк: здесь в основном работают аборигены из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный и крепкий. Мы заключили с их вождем контракт на двадцать лет, в обмен на ружья. Этими же ружьями они пытаются расправиться с нами - ну да это уже другой разговор. У нас не принято делать два дела сразу.

- Контракт на двадцать лет? - уточнил Кромптон. - Выходит, йиггане фактически ваши рабы?

- Так оно и есть, - согласился десятник. - Кое-кто из хозяев старается приукрасить это дело, называют его временной кабалой или феодальной экономикой. Но на самом-то деле рабство - оно и есть рабство, и нечего тут финтить. Да, и другого способа цивилизовать этот народец просто не существует. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый, и с бичом управлялся - дай Бог каждому! Я думал, дело у него пойдет.

- Ну и... - подбодрил Кромптон десятника, заказывая очередную порцию виски.

- Сначала он был просто молодцом, - сказал Гаарис. - Лупил их своей удавкой, исправно получал свою долю и все такое прочее. Но не было у него чувства меры. Стал до смерти избивать своих ребят, а ведь замена тоже недешево стоит. Я уговаривал его не перебарщивать, но он не слушал. Однажды его чипетцы взбунтовались, и ему пришлось пристрелить восьмерых, чтобы усмирить их. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил, что наша задача - заставить йигган работать, а не убивать их. Мы, конечно, списываем какой-то процент на потери, но Стэк зашел слишком далеко, и это стало сказываться на наших доходах. Десятник вздохнул и закурил сигарету.

- Стэк слишком любил пускать в ход свой бич. Да и многим из наших парней это нравится, но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова подняли бунт, и ему пришлось прикончить целую дюжину. В драке он потерял руку. Руку с бичом. Думаю, чипетцы просто сжевали ее. Я поставил его на работу в сушильне, но и здесь он затеял драку и убил четырех чипетцев. Тогда терпение мое лопнуло. В конце-то концов, эти рабочие денег стоят, и мы не можем держать у себя бешеного идиота, который вышибает из них душу, как только ему что-то не понравится. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

- Он сказал, куда собирается идти? - спросил Кромптон.

- Он сказал, что йигган надо стереть с лица земли, чтобы расчистить пространство для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал,

что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил десятника и спросил, где ему найти штаб-квартиру Бдительных.

- Они расположились лагерем на левом берегу реки Дождей, - сказал Гаарис, - и пытаются навязать свои условия серидам. Вам, видно, позарез нужен этот Стэк, а?

- Он мой брат, - сказал Кромптон, ощущая внезапно подступившую к горлу тошноту.

Десятник внимательно посмотрел на него.

- Да-а-а, брат есть брат, тут уж ничего не поделаешь. Но хуже вашего братца я никого не встречал, а повидал я всякого на своем веку. Лучше не связывайтесь с ним.

- Я должен его найти, - сказал Кромптон. Гаарис безнадежно махнул рукой.

- До реки Дождей дорога неблизкая. Могу продать вам вьючных мулов и провизию и прислать местного парнишку-проводника. Вы пойдете по замиренным районам, так что сможете спокойно добраться до Бдительных. Надеюсь, там все еще мирно.

Глава 8

Весь вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от продолжения поисков. Ясно ведь, что Стэк - вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким подонком?

Кромптон считал, что все не так просто. В конце концов, все эти рассказы о Стэке могли быть несколько преувеличены.

Но даже если все в них было правдой, это означало, что Стэк - всего лишь еще один стереотип, неадекватная моноличность, так же выпадающая за рамки нормальных человеческих отношений, как и Кромптон с Лумисом. Внутри целого, после слияния, Стэк станет другим. Он лишь восполнит то, чего недостает Кромптону и Лумису - внесет некую толику агрессивности, твердости, жизненных сил.

Лумис так не думал, но решил промолчать хотя бы до встречи с недостающим собратом.

Утром Кромптон за непообразимую цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении молодого чипетца по имени Рекки.

Девственными лесами вслед за проводником Кромптон вышел к острым горным хребтам Томпсона; потом долго карабкался на заоблачные вершины, пробирался узкими гранитными ущельями, где ветер завывал, как мученик в аду, и наконец спустился в густые,

насыщенные испарениями джунгли по другую сторону хребта. Лумис, напуганный тяжестью долгого пути, забился в самый отдаленный уголок сознания и возникал только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и висел гамак. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами брел, спотыкаясь, сквозь пышущие жаром джунгли, волоча на себе весь груз лишений и задаваясь вопросом, насколько еще хватит его сил.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть река Дождей. Двумя милями дальше они нашли лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, высокий, худощавый человек с серыми глазами, истощенный недавней лихорадкой, хорошо помнил Стэка.

- Да, какое-то время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. С одной стороны, его репутация... К тому же однорук. Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем другие - правой, да и культа у него заканчивалась бронзовым зажимом. Он сам его смастерил и сделал паз для мачете. Соображал парень, ничего не скажешь! Он был с нами почти два года. Потом я его отчислил.

- Почему? - спросил Кромптон. Командир с грустью вздохнул.

- Вопреки общему мнению, мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы преследовать и казнить туземцев. Мы здесь для того, чтобы следить за соблюдением добровольного соглашения между йигганами и поселенцами, не допускать набегов как с одной, так и с другой стороны, а главное - чтобы поддерживать мир. Но втемязить это в тупую башку Стэка было трудно.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, и командир сочувственно кивнул ему.

- Вы ведь знаете, каков он, да? Так что легко представите себе, что случилось дальше. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, легко освоил лесную и горную науку и в джунглях чувствовал себя как дома. Пограничные патрули разбросаны далеко один от другого, и у нас каждый человек на счету. Мы Стэка ценили. Я приказывал сержантам следить за ним и не допускать жестокости по отношению к туземцам. Сначала это действовало. Стэк очень старался. Поведение его было безупречным. И вдруг этот случай у пика Тени, о котором вы, полагаю, слышали.

- Нет, не слышал, - сказал Кромптон.

- Да ну? А я думал, на Йигге все знают о нем. Так вот как было дело. Патруль Стэка окружил сотню йигган из дикого племени, доставлявшего нам немало хлопот. Их препровождали в особую

резервацию, расположенную на пике Тени. На марше они учинили небольшую драчку. У одного из йигган был нож, он полоснул Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять вторую. - Рана была пустяковая, но Стэк будто обезумел. Он пристрелил аборигена, а потом перестрелял и всех остальных. Остановить его не было никакой возможности, и лейтенанту пришлось вырубить его ударом по башке. В результате был нанесен страшный урон отношениям землян с йигганами. И я не мог оставить такого человека в своем полку. Ему необходим психиатр. Я его отчислил.

- Где он теперь? - спросил Кромптон.

- На что вам этот человек? - в свою очередь раздраженно спросил командир.

- Мы родственники.

- Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в порт Нью-Хэзлен и работал там в доках. Сошелся с неким Бартоном Финчем, оба попали в тюрьму за пьянство и дебош. Потом их выпустили, они вернулись на границу Белого Облака и теперь совместно владеют лавочкой где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и спросил:

- Как туда добраться?

- На каноэ, - ответил командир. - Нужно спуститься по реке Дождей до развилки. Ее левый рукав и есть Кровавая река. До самой Кровавой Дельты река судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это слишком рискованно. Во-вторых, бесполезно. Стэку помочь невозможно, он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, там он, по крайней мере, не сможет принести большого вреда.

- Я должен добраться до него, - выговорил Кромптон пересохшим ртом.

- Законом это не возбраняется, - сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Глава 9

Кровавая Дельта, как узнал Кромптон, находилась на самой границе освоенной человеком территории Йигги. Ее окружали враждебные племена грелов и тенгтцев; в отношениях с ними был достигнут непрочный мир, и приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В этом краю легко было Стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями и случайные

находки, вроде резьбы по дереву из заброшенного города Альтерейна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое потом с энтузиазмом использовали против тех же торговцев и друг против друга. Так что в Дельте можно было обрести и состояние, и смерть - внезапную или же медленную и мучительную. В глубинах Кровавой реки, которая тихим потоком вливалась в самое сердце Дельты, таились свои, особые опасности, уносившие в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плавание.

Кромптон решительно отверг все разумные доводы. Теперь до Дэна Стэка, их недостающей части, было рукой подать. Конец их странствий был не за горами, и Кромптон намеревался достичь его. Он купил каноэ, нанял шестерых гребцов-туземцев, приобрел ружья, снаряжение, продовольствие и объявил о выходе из лагеря на следующее утро, на заре.

Ночь они провели в маленькой палатке на краю лагеря. При свете копящей керосиновой лампы Кромптон набивал патронами нагрудный патронташ и настолько погрузился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего вокруг.

- Выслушай меня наконец, - не выдержал Лумис. - Я признал тебя главным в нашем союзе. Я не предпринимаю попыток завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять бодрость духа, пока мы тащились по этой проклятущей Йигге. Верно?

- Да, - согласился Кромптон, неохотно откладывая в сторону патронташ.

- Я сделал все, что было в моих силах, но теперь с меня хватит. Я тоже хочу реинтеграции, но не с маньяком-убийцей! И не толкуй мне о моноличности. Стэк - убийца, и я не желаю иметь с ним ничего общего!

- Он - часть нас, - возразил Кромптон.

- Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон. Ты ведь самая трезвомыслящая часть из нас троих. А теперь тебя словно бес обуял - ты готов отправить нас на верную смерть в этой паршивой реке!

- Мы ее одолеем, - не очень уверенно сказал Кромптон.

- - Одолеем ли? - усомнился Лумис. - Ты слышал, что рассказывают о Кровавой реке? Но предположим, мы благополучно пройдем эту речку - и что нас ждет в самой Дельте? Маньяк-убийца! Он нас прикончит, Эл!

Кромптон не нашел подходящего ответа. Чем больше в процессе поисков он узнавал о Стэке, тем больше ужасался и одновременно все сильнее хотел найти его. Лумис никогда не стремился к реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. Но

Кромптона всю жизнь обурежала жажда выйти за искусственные рамки своей личности, стать полноценным человеком. Без Стэка это было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть даже призрачная.

- Мы продолжаем поиски, - сказал Кромптон.

- Ну пожалуйста, Элистер! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Эйю или на Землю.

Кромптон покачал головой.

- Ты не согласен? - спросил Лумис.

- Нет.

- Тогда держись, Эл!

Личность Лумиса неожиданно пошла в атаку и частично захватила контроль над двигательными функциями организма. Кромптон на мгновение остолбенел. Затем, почувствовав, что власть уплывает из его рук, схватился с Лумисом не на жизнь, а на смерть. Это была безмолвная война при свете коптящей керосиновой лампы, который с наступлением утра все больше бледнел. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу должно было стать тело Кромптона, которое тряслось мелкой дрожью в парусиновом гамаке и обливалось потом, вперив невидящий взор в керосиновую лампу и подрагивая жилкой у виска.

Личность Кромптона была доминирующей, но конфликт с Лумисом и чувство вины ослабили ее, к тому же она была подавлена грузом собственных сомнений. Лумис, хотя и был по натуре слабее, на этот раз собрался, чувствуя уверенность в собственной правоте, и целиком отдался сражению; ему удалось завладеть двигательными центрами и заблокировать поток опасных антител.

На долгие часы две личности схватились в поединке, и тело Кромптона, подвешенное в гамаке, стонало и корчилось, словно в лихорадке. Наконец, когда забрезжили серые предрассветные сумерки, Лумис стал одолевать. Кромптон попытался собрать последние силы для решающего удара, но ничего не вышло. Тело угрожающе перегрелось в этой битве: еще немного, и ни для одной личности не осталось бы оболочки.

Лумис продолжал наступление, захватывая все новые жизненно важные синапсы и подчиняя себе моторные функции.

К рассвету победа целиком и полностью была за Лумисом.

Глава 10

Лумис встал на дрожащие ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы и огляделся. Теперь это было его тело.

Впервые после того как он покинул Эйю, он видел и чувствовал непосредственно, сам; восприятие внешнего мира не фильтровалось и не ретранслировалось больше через личность Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать прикосновение одежды к телу, ощущать голод, просто жить! Он вернулся из мира теней в мир сверкающих красок. Чудесно! Он хотел, чтобы так было всегда. Бедняжка Кромптон...

- Не волнуйся, старина, пойми, я и для тебя стараюсь.

Никакой реакции не последовало.

- Мы вернемся на Эйю, - продолжал Лумис, - и все образуется.

Кромптон то ли не хотел, то ли не мог ответить. Это слегка встревожило Лумиса.

- Где ты там, Эл? У тебя все в порядке?

Кромптон молчал.

Лумис нахмурился и поспешил в палатку командира.

***

- Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, - сказал Лумис полковнику. - Он и в самом деле слишком далеко зашел.

- По-моему, вы приняли мудрое решение, - сказал командир.

- Так что я немедленно возвращаюсь на Эйю.

- Все космические корабли отправляются из Йиггавилля, куда вы в свое время прибыли.

- Как мне добраться до него?

- Это не так-то просто. Думаю, смогу дать вам проводника из местных. Вам снова придется пересечь хребет Томпсона, чтобы добраться до У-Баркара. Советую вам на сей раз идти долиной Дессета, так как по лесам бродят орды Кмикты, а от этих дьяволов всякого можно ожидать. В У-Баркар вы попадете в период ливневых дождей, так что на зирни в Иниойо проехать не удастся. Можете присоединиться к каравану, переправляющему соль по кратчайшему пути через ущелье Ножа, если успеете. Если же опоздаете, направление легко определить по компасу, правда, при этом надо учитывать отклонения, характерные для данных областей. В Иниойо вы будете как раз в разгар муссонов. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сен-Дени, а потом - до Йиггавилля, но сомневаюсь, чтобы они летали - из-за зикра. Этот ветер очень опасен для авиации. Так что, может, лучше вам добраться до Восточного болота на колесном пароходе, а затем на грузовом судне спуститься до Инланд Зее. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно переждать ураган. Сам я

предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Так что решайте, как вам удобнее.

- Спасибо, - сказал Лумис.

- Сообщите мне о вашем выборе, - попросил командир.

Лумис снова поблагодарил его и в сильном волнении вернулся в свою палатку. Он раздумывал о предстоящем путешествии через горы и болота, мимо первобытных поселений и диких бродячих орд. Он ясно представил себе, какие осложнения несут с собой ливневые дожди и зикр. Никогда еще его богатое воображение не проявляло себя с такой силой, как сейчас, рисуя жуткие картины обратного пути.

Трудно было добраться сюда; куда труднее будет возвращение. Ведь на этот раз его утонченная душа эстета будет лишена защиты спокойного, выносливого Кромптона. Ему, Лумису, придется ощутить на себе удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость, страх. Ему, Лумису, придется питаться грубой пищей и пить вонючую воду. И ему, Лумису, достанутся все утомительные будничные заботы, связанные с путешествием, которые раньше нес на своих плечах Кромптон.

Теперь на нем вся ответственность. Ему предстояло выбрать дорогу и принимать решения в критические моменты ради сохранения своей жизни и жизни Кромптона.

Справится ли он? Он ведь дитя города, чистый продукт цивилизации. Его проблемы всегда были сопряжены с капризами и странностями людей, а никак не с причудами стихии. Обитая в тщательно отделанных человеческих норках внутри городов-муравейников, он никогда раньше не сталкивался с грубой, первозданной мощью солнца и небес. Отделенный от земли тротуарами, окнами, дверями и потолками, он никогда всерьез не принимал рассказы о несокрушимой силе того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую с таким увлечением описывали в своих произведениях писатели древности и которая являлась великолепным исходным материалом для стихов и песен поэтов. Лумису, привыкшему нежиться под ласковыми лучами солнца в спокойный летний день или сонно прислушиваться к завыванию ветра за окном в штормовую ночь, эти рассказы всегда казались сильно преувеличенными.

И вот теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжелую ношу бытия, и штурвал управления.

Лумис задумался об этом и внезапно увидел картину собственной смерти. В какой-то миг, когда силы покинут его, он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или, понутив голову, сидеть под проливным дождем в болоте. Он попытается продолжить путь, обрести

так называемое второе дыхание. Но второе дыхание не придет, и он, одинокий, обессиленный, почувствует себя потерянным в этом огромном мире и решит, что жизнь требует от него слишком больших усилий и напряжения. И, как уже многие до него, он расслабится, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

И Лумис прошептал:

- Кромптон?

Ответа не последовало.

- Кромптон! Ты слышишь меня? Я отдаю тебе управление телом. Только вытаци нас из этой непомерно разросшейся оранжереи. Верни нас на Эйю или на Землю! Кромптон, я не хочу умирать!

Ответа не было.

- Ну хорошо, Кромптон, - сипло прошептал Лумис. - Твоя взяла. Ты победил. Делай что хочешь, я сдаюсь. Только, пожалуйста, возьми все на себя!

- Спасибо, - ледяным тоном сказал Кромптон и вернул себе контроль над телом.

Через десять минут он снова был в палатке командира и сообщал ему, что опять переменял решение. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что люди всегда останутся для него загадкой.

Вскоре Кромптон сидел в середине большого, выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного самыми разными товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря, пока они не исчезли за поворотом.

Глава 11

Путь по Кровавой реке показался Кромптону путешествием в первобытные времена. Шесть аборигенов бесшумно и дружно погружали весла в воду, и каноэ, словно водяной паук, скользило по раздольному, спокойному потоку. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники; они начинали мелко дрожать, когда каноэ приближалось к ним, и в жадном порыве тянулись к нему своими длинными ветвями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик и спешно выталкивали лодку на середину реки, и папоротники снова поникали над рекой, разомлев от полуденной жары. В некоторых местах ветви смыкались над их головами, образуя сплошной зеленый туннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку по течению, и слышали мягкие всплески падающих ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на свет, под ослепительное сияние белого неба, и аборигены брались за весла.

- Жуть! - сказал Лумис.

- Да, жутковато, - искренне согласился Кромптон. Кровавая река несла их в самые глубины континента. По ночам, причалив к какому-нибудь валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных йигган. Однажды днем четыре лодки аборигенов погнались за ними. Гребцы Кромптона налегли на весла, и каноэ помчалось вперед. Враги следовали за ними по пятам;

Кромптон вынул ружье и приготовился к бою. Но его гребцы, подгоняемые страхом, работали так усердно, что вскоре нападавшие отстали и исчезли за очередным изгибом реки.

Однако не успели они перевести дух, как в узкой протоке на них с обеих сторон дождем посыпались стрелы. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, упал замертво. Остальные снова нажали на весла и вывели лодку из протоки.

Убитого гребца сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. А огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, поплыло за лодкой в ожидании новой жертвы, то и дело высывая из воды круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать это кошмарное создание.

Чудовище получило еще один обед, когда серая плесень, прокравшаяся в лодку по веслам, прикончила двух гребцов. Крабоподобное существо слопало их, но преследования не прекратило. Оно безумно раздражало Кромптона, но одновременно служило ему и его гребцам защитой: пустившаяся было в погоню банда аборигенов, заметив чудовище, подняла страшный крик и бросилась наутек в джунгли.

Чудовище сопровождало их все последние сто миль пути. А когда они наконец добрались до замшелой пристани, оно остановилось, понаблюдало некоторое время за людьми и тронулось обратно, вверх по реке.

Лодка причалила к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, заляпанный красной краской. Он перевернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта, поселение 92».

Кругом не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Глава 12

Узкая, заросшая травой тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там среди деревьев виднелось нечто похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто

не выглядывал из окон низких некрашенных домов. Городок в полном молчании пекся под полуденным солнцем, и, кроме шарканья своих собственных утопавших в грязи ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

- Не нравится мне здесь, - сказал Лумис. Кромптон медленно брел по улице. Он прошел мимо складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена владельцев. Миновал пустой салун с болтавшейся на одной петле дверью и разбитыми окнами, завешенными противомоскитной сеткой. Оставил позади три заброшенных магазина и наконец увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч. Провиант».

Кромптон вошел. На полу лежали аккуратные связки товаров, свешивались они и со стропил. В лавке никого не было.

- Есть тут кто-нибудь? - позвал Кромптон и, не получив ответа, снова вышел на улицу.

В конце поселка он набрел на крепкое строение, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый усатый мужчина лет пятидесяти с револьвером за поясом и, казалось, дремал, опершись спиной о стену амбара.

- Дэн Стэк? - спросил Кромптон.

- Там, - махнул незнакомец.

Кромптон направился к двери. Усач шевельнулся, и револьвер внезапно оказался у него в руке.

- Прочь от двери! - заорал он.

- Почему? В чем дело?

- А то вы не знаете?

- Ничего я не знаю. Кто вы такой?

- Я Эд Тайлер, шериф. Назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот амбар пока что и есть тюрьма.

- Ну и сколько ему еще сидеть? - спросил Кромптон.

- Всего пару часов.

- Можно мне с ним поговорить?

- Не-а.

- А когда он выйдет, можно будет?

- Ясное дело, - сказал Тайлер. - Только, боюсь, он вам не ответит.

- Почему?

Шериф криво усмехнулся.

- Стэк пробудет в тюрьме только два часа по той причине, что в полдень мы повесим его на первом же суку, чтоб он сдох. Когда мы покончим с этим дельцем, пожалуйста, разговаривайте с ним сколько душе угодно. Но, как я уже сказал, сомневаюсь, чтобы он ответил вам.

Кромптон настолько устал, что даже не ощутил всей тяжести удара.

- За что?

- За убийство.

- Аборигена?

- Черта с два, - с отвращением ответил Тайлер, - кому какое дело до этих вонючих аборигенов! Стэк убил человека! Он убил Бартона Финча, своего собственного компаньона, Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый док сказал, что он не протянет и дня. Суд присяжных признал Стэка виновным в убийстве Бартона Финча, в том, что он сломал ногу Билли Редберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и вообще постоянно возмущает спокойствие поселка. Судья, то есть я, приговорил его повесить, и как можно скорее. Выходит, сегодня к полудню, когда ребята вернутся с дамбы, где они сейчас вкалывают, его и повесят.

- Когда был суд?

- Сегодня утром.

- А убийство?

- Часа за три до суда.

- Быстрая работа, - заметил Кромптон.

- Мы здесь, в Кровавой Дельте, зря времени не теряем, - с гордостью констатировал Тайлер.

- Я так и понял, - сказал Кромптон. - Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

- Я же сказал, что Финч вот-вот отдаст концы, - повторил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. - А вы тут потише, не вмешивайтесь в дела правосудия Кровавой Дельты, иначе вам самому не поздоровится.

Нам ни к чему все эти адвокатские штучки-дрючки, мы и сами разберемся, кто прав, а кто виноват.

- Оставь его, пойдем отсюда, - испуганно пролепетал Лумис.

Кромптон не обратил на него внимания.

- Мистер Тайлер, Дэн Стэк - мой сводный брат, - сказал он шерифу.

- Тем хуже для вас, - сказал Тайлер.

- Мне в самом деле необходимо увидеться с ним. Всего на пять минут. Чтобы передать ему последние слова его матери.

- Ничего не выйдет, - сказал шериф. Кромптон порылся в кармане и вытащил замусоленную пачку банкнот.

- Всего две минуты.

- Ну, может, я и смогу... А, черт! Проследив за взглядом Тайлера, Кромптон увидел толпу людей, шагавших к ним по пыльной улице.

- Вот и парни идут, - сказал Тайлер. - Теперь уж точно ничего не получится, даже если бы я захотел. Но вы, пожалуй, можете посмотреть, как его будут вешать.

Кромптон отошел в сторонку. Их было человек пятьдесят, и к ним подтягивались все новые и новые люди. Все как на подбор жилистые, сухощавые, битые жизнью - таким палец в рот не клади, - и почти у каждого на лице усы и пистолет за поясом. Они перебросились несколькими словами с шерифом.

- Не делай глупостей, - предупредил Кромптона Лумис.

- А что я могу сделать?

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его - толпа сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, тащившей осужденного в другой конец поселка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

- Кончай с ним! - орала толпа.

- Ребята! - прозвучал сдавленный голос Стэка. - Дайте мне слово.

- К чертям собачьим! - крикнул кто-то. - Надо с ним кончать!

- Мое последнее слово! - возопил Стэк. Неожиданно за него вступился шериф.

- Пусть говорит, ребята. Это его право, право приговоренного к смерти. Давай, Стэк, только не тяни особенно.

Стэка поставили на фургон, накинули ему на шею петлю, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он с любопытством уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент его самого.

Дэн Стэк был крупный, крепко скроенный человек. Его грубое, изрезанное морщинами лицо несло на себе следы страсти и ненависти, страха и внезапных вспышек ярости, тайных пороков и затаенных горестей. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крепкими зубами и узкие вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на пылающий лоб, горящие щеки заросли черной щетиной. В его облике явственно проступал холерический Дух Воздуха, вызванный разлитием горячей желтой желчи, которая возбуждает в человеке беспричинный гнев и лишает его разума.

Стэк смотрел вверх голов в раскаленное добела небо. Потом медленно опустил голову, и бронзовая культия правой руки полыхнула красной вспышкой в ровном сиянии дня.

- Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, - начал Стэк.

- И это ты нам рассказываешь? - выкрикнули из толпы.

- Я был мошенником и вором, - закричал Стэк. - Я ударил девушку, которую любил, сильно ударил, чтобы изувечить. Я обокрал своих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов и даже людей. Я жил неправильно!

Толпа смеялась над его покаянной речью.

- Но я хочу, чтобы вы знали, - орал Стэк, - я хочу, чтобы вы знали, что я сопротивлялся своей греховной натуре, я пытался победить ее. Я постоянно сражался со старым дьяволом, поселившимся в моей душе, знали бы вы, как я сражался с ним! Я вступил в отряд Бдительных и два года был человеком. А потом словно спятил - взял и убил...

- Ну, кончил? - спросил шериф.

- Но я хочу, чтобы вы знали вот что! - завопил Стэк, и глаза его чуть не выскочили из орбит на раскрасневшемся от волнения лице. - Я признаю, я сделал много плохого, я признаю это искренне и от всей души. Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!

- Хорошо, - сказал шериф. - Если у тебя все, то пора приступать к делу.

- Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я пытался спасти его, я слегка встряхнул его, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверное, потерял голову, и тогда я расколошматил салун Мориарти и покалечил ребят. Но, клянусь Богом, я не причинял вреда Финчу!

- Ну, закончил ты наконец? - спросил шериф. Стэк открыл рот, снова закрыл его и кивнул.

- Порядок, ребята! Приступай! - сказал шериф.

Люди взялись за фургон, на котором стоял Стэк. Стэк обвел толпу последним отчаянным взглядом и заметил Кромптона.

И сразу понял, кто это.

Лумис торопливо нашептывал Кромптому:

- Осторожно, не верь ему, ничего не делай, вспомни его прошлое, вспомни его историю, он погубит нас, разобьет нас на кусочки. Он подавит нас, он сильный и злобный, он убийца!

В памяти Кромптона неожиданно всплыли слова доктора Власека: «Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти».

- Совершенно погибший тип, - продолжал бубнить Лумис, - злой, никчемный, полная безнадега...

Но Стэк был частью его! Стэк страстно хотел измениться, победить свою натуру, терпел поражения и снова отдавался борьбе. Стэк был не более безнадежен, чем Лумис или он сам.

Однако правда ли все то, что говорил Стэк? Или этой вдохновенной речью он надеялся тронуть аудиторию и изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть ему руку помощи.

Как только фургон тронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон быстро принял решение и впустил Стэка.

Толпа взревела, когда тело Стэка свалилось с повозки и после страшной короткой судороги безжизненно повисло на натянувшемся

канате. А Кромптон пошатнулся от удара, когда сознание Стэка вошло в его мозг.

И упал в обморок.

Глава 13

Кромптон очнулся в небольшой полутемной комнатке на кровати.

- Как вы, в порядке? - услышал он чей-то голос. В наклонившемся над ним человеке он узнал шерифа Тайлера.

- Да, в порядке, - автоматически ответил Кромптон.

- Оно и понятно, для такого цивилизованного человека повешение - вещь тяжелая. Теперь сможете обойтись без меня?

- Конечно, - вяло сказал Кромптон.

- Вот и хорошо. А то у меня там дел... Загляну к вам через часок-другой.

Тайлер ушел. Кромптон принялся тщательно обследовать самого себя.

Интеграция... Слияние... Завершение. Достигли он всего этого во время своего целительного обморока? Со всей осторожностью он занялся своими мозгами.

Он обнаружил там Лумиса, безутешно причитающего, безумно напуганного, лепечущего что-то об Оранжевой пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых горах, о женщинах, о роскоши, о чувствах и красоте. Был там я Стэк, тяжелый и неподвижный. Кромптон тут же понял, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, приобрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали, контрастируя с визгливыми причитаниями Лумиса. Это были великие планы отмщения, дикие мечты разорвать проклятого шерифа Тайлера на мелкие кусочки, расстрелять из пулемета весь поселок, собрать вокруг себя преданных людей, армию почитателей СТЭКА, вооружить ее железной дисциплиной, перерезать глотки всем Бдительным и открыть полный простор убийствам, мести, ярости, террору во всем мире!

Раздираемый на части противоречивыми желаниями своих компонентов, Кромптон постарался восстановить равновесие, распространив свою власть на них обоих. Он начал борьбу за слияние их в единое, устойчивое целое. Но его составные части, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии расщепления углублялись, раскол становился непреодолимым, и Кромптон почувствовал, что зашаталась его собственная стабильность, что над его рассудком нависла угроза.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорным, но тщетным стремлением к самосовершенствованию наступил момент просветления.

- Извини, - обратился он к Кромптону, - недостает еще одного, другого...

- Какого еще другого?

- Я ведь старался, - сказал Стэк. - Я старался измениться. Но слишком было во мне разного... Так что я пошел на расщепление.

- На что?

- Ты что, не слышишь? - сказал Стэк. - Я.., я тоже был шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Йигге. Я поехал в Йиггавилль, обзавелся там еще одним телом Дюрьера и расщепился.

- Значит, есть еще один? - воскликнул Кромптон. - Вот почему мы не реинтегрируем! Кто он, где находится?

- Я старался, - стонал Стэк. - Ох, я же старался. Мы с ним были как братья, он и я. Я надеялся научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. И я учился. Потом он стал сдавать...

- Кто он? - спросил Кромптон.

- Как я старался ему помочь, выбить из него эту блажь! Но ему совсем не хотелось жить, он быстро терял силы, и я будто спятил, и встряхнул его, и пошел громить салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча.

- Так Финч - наш последний компонент?

- Да! Вам нужно спешить, пока он не разрешил себе умереть, и надо принять его в свой мозг. Он лежит в задней комнатке, в лавке...
Торопитесь...

И Стэк снова погряз в своих мечтах о кровавых побоищах, а Лумис забормотал о голубых пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял свое тело с постели и дотащил его до двери. В конце улицы он разглядел лавку Стэка. «Доберись до лавки!» - приказал он себе и, спотыкаясь на каждом шагу, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он по горам, перебирался через реки, болота, спускался в пещеры, ведущие к центру Земли, и подымался наверх, и переплывал нескончаемые океаны до самых дальних берегов. А завершилось это путешествие в лавке Стэка.

В задней комнате, на кушетке, укрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч - последняя надежда на реинтеграцию. Взглянув на него, Кромптон понял всю тщетность своих усилий.

Финч лежал совсем тихо, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было белое, широкое, абсолютно ничего не выражающее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах застыло нечеловеческое спокойствие - он ничего не хотел, ничего не ждал. Тонкая струйка слюны стекала изо рта, дыхание было почти незаметно.

Самый неполноценный из четверых, он был олицетворением флегматичного Духа Земли, который делает человека пассивным и безразличным ко всему.

Кромптон подавил в себе подступающее безумие и подполз к кровати. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать и соединиться с ним.

Финч ничего не видел.

Кромптон уронил свое измученное, усталое тело на постель рядом с идиотом и стал безучастно наблюдать, как его сознание погружается в мир иррационального.

В это мгновение Стэк пробудился от мечтаний о мщении и одновременно преисполнился реформаторским рвением. Вместе с Кромптоном он принялся побуждать Финча посмотреть и увидеть их. Даже Лумис собрался с силами и присоединился к ним, преодолев свое изнеможение и страх.

Усилия всех троих были направлены в одну точку. И Финч, пробужденный тремя четвертями своего «я», отчаянно взывающими к воссоединению, наконец ожил. В его глазах мелькнуло осмысленное выражение. Он узнал. И присоединился к своим измученным братьям.

ЧАСТЬ IV

Глава 1

Город Бренх'а расположен на восточном рукаве Инланд Зее, недалеко от устья Злобной реки, в широкий и неспешный поток которой стекаются воды всех болот Дикой Данаиды. Прозванный Жемчужиной Захолустья, он по сути представляет собой современный и быстро растущий международный пакгауз на краю ойкумены, обеспечивающий всем необходимым разношерстное население Йигги и прибывающих на планету путешественников. Фактически это первый - или последний, в зависимости от точки зрения, - аванпост цивилизации, улицы которого, особенно субботними вечерами, обычно забиты пестрыми толпами народа.

Самой известной достопримечательностью Бренх'а безусловно является ресторан «Караван-сарай Макса» на улице Литл Дог, сразу за памятником Джону Чивви, нежному певцу Бэдленда. «Макс» - это целый музей с анфиладой залов, в которых представлено кулинарное искусство двадцати четырех миров. Это единственное место на Йигги, где привередливый некчериз с планеты Рамбл может получить чашечку своей любимой скобянки из мозгов и клубней, прибывший издалека

моряк с Драмфитти насладится заливным из кошатники, а Нью-Йоркцы с Сола III найдут свои родные пастроми, сувлаки и пикули с укропом.

И в это вот знаменитое заведение как-то вечером зашел сухопарый невысокий землянин. Судя по многочисленным красным пятнам на куртке, он явился сюда прямо с Кровавой реки. У него было суровое, не улыбочливое лицо клерка с крепко сжатыми губами. Ничего особо примечательного в нем не было, но какая-то атмосфера неуравновешенности, близкой к безумию, окружала его, и это не предвещало ничего хорошего.

Старший официант безошибочно учуял что-то неладное и сразу же отправил к посетителю Герту Симз.

Герта - крупная, полногрудая женщина с большим приятным лицом, обрамленным веселыми рыжими кудряшками, умела управляться с такими странными типами. Она и сама была немного странной.

- С чего начнем? - приветливо спросила она, протягивая Кромптону огромное сувенирное меню с тремя тысячами тремя названиями блюд. - Выпьете глоточек для аппетита? Напитки у нас - на любой вкус.

- Ни с чего не начнем, - жестко заявил Кромптон. Он внимательно изучал меню, пока не дошел до раздела «Земные лакомства». - Мне, пожалуйста, дуврский палтус без масла, зеленый салат без приправ и большой стакан молока. Еще кусочек прожаренного тоста и...

Он замолк на полуслове. Герта ждала с карандашом наготове. Она заметила, как исказилось лицо клиента. Похоже, в нем шла какая-то внутренняя борьба: лицо его менялось беспрестанно, будто он надевал на себя то одну, то другую маску.

- Я знаю, как это бывает, когда не знаешь, что выбрать, - посочувствовала Герта.

Клиент с большим усилием взял себя в руки.

- Вы должны извинить меня, - сказал Кромптон, - у нас тут возникли трудности..., то есть, у меня возникли кое-какие трудности.

- Не надо спешить, - сказала Герта. - Вы прямо из пустыни? Там не больно повыбираешь, что поесть.

- Совершенно верно, - согласился Кромптон. - В первый раз возникла такая проблема.

Лицо его снова задергалось, различные гримасы сменяли друг друга с неуловимой скоростью. Похоже, будто два парня спорят друг с другом, подумала Герта.

- Ну ладно, - сказал клиент, - принесите нам фунт нью-йоркского бифштекса с кровью, без овощей.

- Очень хорошо, - сказала Герта.

- А также сычуаньские <Сычуань - провинция в Центральном Китае.> лакомства. И палтус, пожалуйста. Боюсь, вам такой набор кажется не совсем обычным.

- Ах, если бы вы знали историю моей жизни, - вздохнула Герта, - вы поняли бы, что никакими странностями меня не удивишь. Что будете пить?

Клиент снова изменился в лице, но быстро успокоился.

- Мы.., я хотел бы кружечку «Лаки Лейджера», стакан молока и хорошего французского вина.

Когда стол был накрыт, Герта заметила, что клиент чередует разные блюда в строгой последовательности. Примечательно, как при этом менялось выражение его лица: вот оно расплылось от удовольствия - и тут же скривилось в гримасе отвращения. Еда, похоже, его не успокоила, поскольку он беспрерывно что-то бормотал себе под нос.

Герта прислушалась.

- Я просто не выношу запах этого мяса... - ворчал клиент. - Шел бы ты куда подальше со своими китайскими помоями... Что это за гадость? Разве сейчас твоя очередь? Лумис, ты сожрал вдвое больше, чем мы оба, вместе взятые...

К концу обеда клиент весь покрылся потом, руки его тряслись, казалось, его вот-вот хватит кондрашка.

И Герта приняла решение - решение, которое она принимала всегда при виде одинокого, больного странника, которого никто не пожалеет, разве что родная мать.

- Послушайте, - сказала она, - похоже, вы порядком взвинчены. У вас есть где остановиться?

Клиент прекратил свое ворчанье и взглянул на нее страдальческими глазами.

- Пока нет. Вы знаете какой-нибудь тихий отель?

- Вы шутите? Да ни в каком отеле вам не только комнаты не дадут, вас в таком виде даже на порог не пустят. Вот, держите, - и она положила перед ним ключ.

- Что это?

- Это ключ от моей комнаты. Подниметесь по служебной лестнице, в конце коридора - моя комната. Согласны?

- Очень мило с вашей стороны... - замялся Кромптон. - Право же, я не знаю... - По лицу его прошла болезненная судорога, и он продолжил совсем другим тоном, обволакивающим и нежным:

- Моя дорогая, как вы добры! Как только я немножко оправлюсь, я вам возьму... - Тут голос снова изменился, на сей раз он был грубым и хриплым:

- Большое спасибо, леди. Я вам не помещаю...

Клиент расплатился и неуверенной походкой направился к лестнице, позвякивая ключом, словно это был ключ к вратам рая. Герта провожала его взглядом. К ней подошел старший официант и тоже посмотрел ему вслед.

- Герта, - сказал он, - куда ты вляпалась на сей раз?

Она пожала плечами и нервно рассмеялась.

- Что это за парень? - спросил официант.

- Не знаю, Гарри. Может, безработный чревовещатель, к тому же чокнутый. Послушал бы ты, как он тут разговаривал на разные голоса!

Глава 2

Вернувшись к себе, Герта обнаружила, что мужчина, которого она приютила, распростерся на полу в жестокой горячке. Она с трудом уложила его на кровать, а сама пристроилась рядом на стуле, вслушиваясь в его бессвязные речи.

Вскоре она уже различала три голоса, препиравшиеся между собой, причем у каждого было свое имя. Кромптон был тот, с кем она разговаривала в ресторане вначале. Казалось, он был главным, но двое остальных яростно оспаривали его лидерство. Он был педантичен, рационален, сдержан, говорил негромко и взвешенно. Лумис показался ей легкомысленным малым, рафинированным и опытным сердцеедом. Третий, Стэк, производил впечатление человека крутого и буйного, но было в нем и что-то мальчишеское, легко ранимое. В его голосе звучали сила, страсть и упрямство. Иногда они обращались к четвертому, Финчу. Он, по-видимому, был одним из них, но ни разу не произнес ни слова.

Герта решила, что она любит их всех, только каждого по-своему. Но фаворитом был Кромптон, его она жалела.

Казалось, их спор никогда не кончится. К рассвету, когда речной туман прокрался в комнату, Герта озябла. Три голоса все не умолкали. Она попыталась вмешаться в разговор, но они ее не заметили. Тогда, поразмыслив немного, она забралась к ним в кровать.

Это сразу прекратило ссору. Они переключили все свое внимание на нее, и весьма безуспешно.

Позднее Герта никак не могла решить, было ли то, что произошло между ними, оргией. Но, как ни называй, это было хорошо: все эти мужчины давно не имели женщин. И все они были разными: Стэк был мужественным и любвеобильным, Лумис - искусным и забавным, а Кромптон, хотя и сопротивлялся поначалу, оказался неискушенным, ребячливым и бесконечно милым.

На следующий день Кромптон проснулся раньше других и поведал Герте обо всех своих мытарствах. Рыжеволосая женщина спокойно выслушала его рассказ.

- Что ж, - проговорила она, - пришлось вам хлебнуть, ничего не скажешь. Ну а теперь, когда все вы оказались в одной голове, что теперь будет?

- Мы должны слиться, - шепотом, чтобы не разбудить других, сказал Кромптон.

- Что это значит?

- Это значит, что мы должны стать одной цельной личностью. Но вот этого как раз и не получилось и, боюсь, не получится.

- А вы можете что-то сделать для этого? Кромптон пожал плечами.

- Я сделал все, что только мог. Мой врач на Земле предупреждал, что шансы на успех реинтеграции невелики. Но я должен был попытаться.

- И что же теперь будет?

- Боюсь, я..., мы сходим с ума. Ни один из нас не может взять верх. По идее я самый устойчивый в этой команде, но я чувствую, что силы мои на исходе.

- А не могли бы вы, мальчики, как-нибудь договориться между собой? - спросила Герта.

- Мы пытались, - сказал Кромптон. - Но этого хватало ненадолго, даже в тех случаях, когда мы по очереди контролировали тело. Наши противоречия фактически неразрешимы. Герта, вы были добры к нам. А теперь я прошу вас - уйдите, пока остальные не проснулись. Они могут распалиться...

- Послушайте, у меня идея, - сказала Герта. - Почему бы вам не сходить к моему психиатру? Со мной он буквально сотворил чудеса.

- Это бесполезно, - сказал Кромптон. - Самые лучшие доктора на Земле занимались моим случаем и ничем не смогли мне помочь.

- Все равно, сходите к доктору Бейтсу! - сказала Герта. - А вдруг за это время что-то изменилось?

- Слишком поздно, - прошептал Кромптон. - Мои компоненты скоро проснутся, и это будет наше последнее представление. По совести говоря, я даже рад. Я так устал, что мне на все наплевать.

Кромптон уронил голову, глаза его закрылись, лицо погасло. Затем он внезапно сел и выпрямился. Широко открытые глаза смотрели в пространство со странным выражением, какого Герта у него еще не видела.

- Не пугайтесь, Герта, - произнес незнакомый голос, мягкий и глубокий.

- Кто вы?

- Герта, у вас должно быть такое лекарство - «Голубые сумерки».

- Это опасное средство. Откуда вы узнали, что оно у меня есть?
- Дайте им четыре капсулы.
- Черт возьми! Да это же огромная доза!
- Порошок не повредит им. Он подействует на них как снотворное.
- Я должна усыпить их? И что это даст?
- У Кромптона иммунитет к этой группе транквилизаторов. С

помощью «Голубых сумерек» он продержится еще несколько дней и будет полностью контролировать тело, - Я знаю, кто вы! - воскликнула Герта. - Вы Финч!

- Дайте им порошок, - настаивал глубокий, проникновенный голос. - Скажите Кромптону, что я советую ему навестить вашего доктора и последовать его рекомендациям.

Герта взяла снадобье и вложила Кромптону в рот четыре капсулы. Финч смотрел куда-то сквозь нее остановившимся бездумным взором.

- Почему вы раньше не помогали им? - спросила Герта. - Вы можете сделать для них еще что-нибудь? И что вы сами за личность?

- Я не личность, - сказал Финч. - Я даже не никто. Я ничего не сделал, а это уже кое-что. И вообще - может, все это просто приснилось вам.

И Финч исчез.

Когда Кромптон пришел в себя, Герта рассказала ему о Финче и «сумерках».

- Не нравится мне все это, - покачал головой Кромптон. - Финч вроде бы с нами, но он не вмешивается в наши разговоры. Я не знаю, чего он хочет.

- Думаю, он просто хочет жить, - сказала Герта.

- Сомневаюсь, что это его волнует... Но зато я действительно хочу жить!

Доктор Герты сразу согласился встретиться с Кромптоном.

***

- Четыре самостоятельные личности в одном теле! - воскликнул доктор Бейтс, откладывая в сторону когноскоп. - Явление редкое, но небеспрецедентное.

- Мы никак не можем соединиться, - объяснил ему Кромптон. - Мы даже не можем жить в согласии.

Мы без конца деремся, и, кажется, конец наш близок. Вы можете помочь нам?

- Я бы с радостью, - ответил Бейте. - У нас на Йигге такие случаи - большая редкость. Но, честно говоря, у меня нет ни нужного оборудования, ни средств, чтобы помочь вам.

- Тогда что вы предлагаете? Вернуться на Землю и там заняться лечением?

Бейтс в задумчивости покачал головой.

- Здесь необходимо самое лучшее и передовое техническое оснащение. Оно есть только в одном месте. Это абсолютно новое и, по правде говоря, пока экспериментальное предприятие. Вы слышали что-нибудь об Эйоне?

Глава 3

Добраться до Эйона оказалось легче, чем предполагал Кромптон: на местном корабле он перелетел из Бренх'а в Йиггавилль, в ближайшем трансгентстве взял билет на космолет, в тот же день доставивший его на Танг-Бредер, как раз вовремя, чтобы пересесть на «Стар Вэлли Коннекшн», следующий до Эйона.

Путешествие было для Кромптона приятным отдыхом. Он подружился с корабельным доктором-андроидом, шотландцем и выпивохой, таким же фанатиком кроссвордов, как и сам Кромптон. Доктор снабдил его пачкой «Блотта-44», одного из новейших психостероидов. Благодаря его уникальному эффекту периферийного насыщения (ЭПН) Лумис и Стэк по-прежнему пребывали в глубокой спячке. На Финча это средство не действовало. Но Финча можно было не брать в расчет, хотя Кромптон постоянно ощущал его зловещее присутствие-отсутствие.

Впервые за много дней Кромптон был единоличным и полновластным хозяином своего ума и тела. Это доставляло ему истинное удовольствие, несмотря на побочные явления, такие, как сыпь на левой ноздре, зеленая слюна и зуд в указательных пальцах.

О, благословенные космические дни! Как бы хотелось Кромптону, чтобы этот полет длился вечно, и он оставался бы хозяином самому себе, отложив на время все свои заботы. Однако Кромптона предупредили, что через несколько дней Лумис и Стэк снова оживут и громогласно заявят о себе.

Он внимательно изучал брошюру об Эйоне, которую ему дали в трансгентстве. Она называлась «Предварительные заметки к статье о некоторых проблемах Эйона».

«Эйон, расположенный под куполом на непригодной для обитания планете Деметра V, раскинулся на десяти тысячах квадратных миль, пейзаж которых создавался по образу и подобию Калифорнии. В результате получилась зеленая благодатная местность с горами, долинами, чарующими пляжами, прекрасными ресторанами, самыми

разнообразными развлечениями и - конечно же! - со всеми видами психотерапии.

В Эйон за помощью прибывают существа самого разного происхождения, наклонностей, и прочая, и прочая. И мы со всеми стараемся обращаться как можно более деликатно. По нашему мнению, все виды лечения - только разные аспекты одного Универсального Лечения, так же как все виды разумных существ - это лишь различные аспекты Универсального Разума.

Соответствует эта концепция истине или нет, она настолько красива, что над нею стоит призадуматься.

Мы здесь, в Эйоне, не формалисты и не слепые почитатели академических знаний. Мы не пишем учебников, не проводим конференций по психологии и стараемся не злоупотреблять словечком «символ». Мы не претендуем на фундаментальные знания, на какое-то особое мастерство и категорически отвергаем роль гуру, которую нам иногда навязывают пациенты в своем бесплодном стремлении найти легкую дорожку к самосовершенствованию. И все-таки, пусть даже это прозвучит несколько парадоксально, все, что ведено сделать для вас, мы сделаем, а невозможное вы с нашей помощью сделаете для себя сами. И все это, заметьте, по вполне доступным ценам!

Мы надеемся, таким образом, что нам удалось развеять одно из наиболее распространенных заблуждений, касающихся Эйона. А потому разрешите нам закончить словами: «Добро пожаловать!» Вы не ошиблись, выбрав такое благословенное место, как Эйон. Постарайтесь воспользоваться этой счастливой возможностью в полной мере, работайте прилежно, чтобы обрести спасение!»

Кромптон подумал, что все это звучит довольно туманно, но многообещающе. В любом случае, деваться ему было некуда. Корабль приземлился, и Лумис что-то забормотал во сне.

Глава 4

Кромптон прошел иммиграционные службы, таможеню и карантин, а затем отправился в приемную, где хорошенькая блондинка в клетчатом трико помогла ему заполнить необходимые бумаги, получила с него плату (200 тысяч СВУ без сдачи) и вручила ему ключи от номера и карту с подробным описанием достопримечательностей Эйона, включая рестораны, модные лавки, кинотеатры, секс-шопы, кегельбаны, а также сотни разнообразных частных клиник, которые наперебой приглашали к себе на прием.

- Вы можете идти, куда захотите, - сказала блондинка, - все оплачено вашим взносом. Центр свяжется с вами, как только вы устроитесь. Счастливо.

- А вы сами проходили лечение? - спросил Кромптон.

Она покачала головой.

- Они не приняли меня. Велели прийти тогда, когда возникнут настоящие проблемы. Негодяи! И смеют еще толковать о сострадании! Меня это просто взбесило: я-то знаю, какая глубокая драма скрывается за моим внешним спокойствием! Вы этого не заметили, совсем не заметили?

- Да нет, - признался Кромптон. Она вздохнула.

- А, ладно. Вы, наверное, очень больны, да?

- Ну, - сказал Кромптон, - у меня параноидальная шизофрения, во мне обосновались три личности, не считая моей собственной. Думаю, мне придется несладко, когда они вырвутся на свободу.

- Четыре личности, и все разные! - воскликнула она, посмотрев на Кромптона с нескрываемым интересом.

- Должен сказать, что один из них не говорит ни слова, и с ним никаких проблем нет. А вот двое других - это сплошное наказание.

Глядя на него заблестевшими глазами, блондинка проворковала влажными губками:

- Вы и в самом деле тяжелый случай, не правда ли? Я это сразу поняла. Как только увидела вас. Вокруг тяжелых всегда особая аура... Между прочим, меня зовут Сью. Если хотите, приходите сегодня вечером ко мне. Я приготовлю ужин, мы повеселимся, и, может быть, вы поможете мне разобраться в моих болезнях. Я знаю, что в глубине души я сумасшедшая, но прямые симптомы у меня не проявляются.

При виде ее пылающего от страсти лица с приоткрытым ртом Кромптон подумал, что безумие тоже имеет свою иерархию, своих героев и поклонников. Неудивительно, что в Эйоне, где процветает единственный вид индустрии - индустрия болезней, звездами считаются настоящие сомнамбулы, а обыкновенный невротик чувствует себя аутсайдером. Короче говоря, Эйон - не место для страдающих возрастными или сексуальными расстройствами домохозяек. Нет, Эйон - для сильно сдвинутых, таких, как Кромптон с его тремя «сожителями», ведущими борьбу за власть над телом, со всеми вытекающими из этого последствиями. Вот настоящее дело для Эйона!

Ответ Кромптона был продиктован этой новой внутренней самооценкой.

- Спасибо, Сью, - сказал он, - но я воспользуюсь вашим предложением как-нибудь в другой раз. Сначала я должен разобраться, что к чему.

- Все тяжелые так говорят, - печально заметила Сью. - Ах да, вот идет ваш друг-на-два-часа.

К ним приближался высокий негр с веселой физиономией и густой вьющейся шевелюрой.

- Мой что? - переспросил Кромптон.

- Человеку с тяжелым психическим расстройством, - сказала Сью, - в первую очередь необходим друг, особенно когда он потрясен прибытием в незнакомое место.

- Не понимаю.

- «Эйон Фаундейшн» каждого вновь прибывшего гостя обеспечивает другом. На эту работу нанимают добровольцев, и только на два часа, потому что быть другом абсолютно чужого и неинтересного тебе человека - это тяжелый и изматывающий труд.

- Эй, - сказал негр, - я Кави с Фиджи.

- Не нужен мне никакой назначенный друг, - возмутился Кромптон. - Я отказываюсь...

- Не говорите это мне, - сказала Сью. - Скажите все это вашему другу. Затем он к вам и приставлен.

- Скажи мне, детка, все, что думаешь, - предложил Кави, и Кромптон послушно поплелся за фиджийцем к ожидавшему их на улице такси.

Глава 5

Кави помог Кромптону устроиться в современном однокомнатном номере на бульваре Поляни. В комнате была установлена автоматическая видеосистема, записывающая каждое произнесенное слово и каждое движение. Предназначалась она для того, чтобы пациент мог проследить за своим поведением и таким образом наблюдать за процессом выздоровления. Кромптон, как и многие до него, отключил систему. Он хотел знать, когда начнется настоящее лечение, в чем оно будет заключаться и сколько часов в день займет. Кави объяснил ему, что никаких строго определенных процедур не будет.

- Вы должны запомнить, - сказал добродушный фиджиец, достав из своей роскошной шевелюры сигарету, зажигалку и пепельницу, - что Эйон - самый передовой центр терапии во всей Галактике. Здесь не существует какого-то одного вида лечения или процедуры, здесь преобладает эклектизм. Как у нас принято говорить, «все зависит»...

- Но от чего зависит? - спросил Кромптон.

- Этого мне никогда не объясняли, - признался Кави.

- А как лечат вас?

- Ко мне каждую ночь прилетает черный ворон и просвещает меня.

Вас будут лечить иначе, если вы не страдаете, как я, психосимволической ритуальной поллюцией.

- У меня параноидальная шизофрения, - сказал Кромптон.

- О, таких, как вы, здесь немного, - сказал Кави. Два часа, отведенные им для дружбы, почти истекли. Новоиспеченные друзья договорились созвониться в ближайшие дни, вместе выпить и обсудить свои проблемы. Но это была чистая условность: друзья-на-два-часа редко поддерживали знакомство - может быть, отчасти по этой причине они и оказались в Эйоне.

***

Остаток дня Кромптон провел, осматривая центр города. Он ему очень понравился, особенно невысокие, окрашенные в пастельные тона дома, утопающие в зелени. Вокруг было много людей, и все они казались веселыми и дружелюбными. Большинство из них подвергалось групповым сеансам терапии прямо в пиццериях, кинотеатрах, парикмахерских и прочих заведениях. Это окутывало Эйон специфической атмосферой взаимопонимания и сочувствия, которая ощущалась даже в космосе, за сотни миль от планеты.

Тотальная приверженность Эйона к лечению и предельно искреннему общению приводила порой к мелким недоразумениям, как это случилось, например, с Кромптоном, когда он обратился в аптеку за лезвиями и кремом для бритья.

Продавец, бородатый коротышка в клетчатом костюме, отложил номер «Инслайта», журнала лилипутов-психологов, и спросил:

- Для чего вам эти предметы?

- Побриться, - ответил Кромптон.

- Но бриться вовсе не обязательно.

- Я знаю, - сказал Кромптон. - Но я люблю бриться.

- В самом деле? - понимающе улыбнулся продавец. - Не хочу заострять ваше внимание, но намного рациональнее обходиться без бритья.

- Не знаю, что вы считаете рациональным, - сказал Кромптон, - но я не понял, вы дадите мне крем и лезвия или нет?

- Не сердитесь, - сказал продавец. - Я просто пытался поставить себя на ваше место, используя те немногие данные, которыми располагаю. - Он выложил на прилавок набор лезвий и кремов. - Выбирайте, что вам

нравится, и не обращайтесь на меня внимания, я всего лишь безликое ничтожество с единственным назначением в жизни - обслуживать вас.

- Я не хотел обидеть вас, - сказал Кромптон. - Мне только хотелось получить немного крема для бритья.

- Мне совершенно ясно, - сказал бородач, - что у вас куча важных дел, таких, например, как бритье вашего глупого лица, и что вам недосуг пообщаться с ближним, которому в этот быстролетный момент вдруг захотелось поделиться с вами соображением о том, что мы - это нечто большее, чем навязанная нам кем-то роль, чем наша телесная оболочка..., что мы - это наше самосознание, встретившееся с самим собой в необычных условиях.

- Да что вы говорите? - удивился Кромптон и покинул аптеку.

Выходя, он услышал за спиной дружные аплодисменты, которыми наградила бородача его психотерапевтическая группа.

...Кромптон уже успел заметить, что люди в Эйоне общаются друг с другом по малейшему поводу, словно они всегда слегка под мухой и просто жаждут стычек. Немного позднее в этот же день ему повезло наблюдать этот эйонский стиль во всей красе.

Две машины слегка столкнулись на одном из перекрестков. Водители, абсолютно целехонькие, повыскакивали из своих машин. И хотя один из них был маленький и толстенький, а второй - выше среднего роста и худой, оба они походили на банковских служащих, переживающих острый средневозрастной кризис. И оба вежливо улыбались.

Высокий осмотрел повреждения и сказал томным и довольным тоном:

- Кажется, нас настигла длинная рука судьбы и привела к столкновению, так сказать. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что вы, как говорится, заварили эту кашу и потому вся ответственность за последствия ложится на вас. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя виноватым, вы же понимаете; я просто пытаюсь все расставить по своим местам, разумно, беспристрастно и объективно - насколько это возможно.

Из быстро собравшейся толпы послышались возгласы одобрения. Теперь все взоры обратились к коротышке, который, заложив руки за спину, покачивался на пятках, как, говорят, любил делать Фрейд, размышляя над вопросом, существует ли инстинкт смерти. Потом он сказал:

- Не кажется ли вам, что аргументы, основанные на предположении о собственной объективности, мягко говоря, несколько некорректны?

В толпе согласно закивали. Высокий непринужденно продолжил:

- Допустим, что все частные суждения по своей природе не могут не быть предубеждением. Но суждение - это единственный инструмент познания действительности, которым мы располагаем, и мы, как существа живые и развивающиеся, естественно, сначала распознаем явление, а затем неизбежно даем ему оценку в виде суждения. И так и должно быть, несмотря на парадокс субъективности, который подразумевается в любом «объективном» утверждении. Вот почему я недвусмысленно заявляю: вы были не правы, и никакие ссылки на дихотомию наблюдателя-наблюдаемого ничего не изменят.

Толпа одобрительно загудела. Многие что-то записывали, а на обочине сформировался небольшой дискуссионный клуб.

Коротышка понял, что допустил тактическую ошибку, которая дала оппоненту возможность произнести длинную речь. Он сделал отчаянную попытку перехватить инициативу и перевел дискуссию в другую плоскость:

- А вам самому никогда не приходилось подвергать сомнению свои слова? - спросил он с ядовитой улыбкой Яго на устах. - Вы всегда прибегаете к таким вот сокрушающим атакам, чтобы доказать свою правоту? Как долго трудились вы над изобретением ситуаций, в которых всегда виноват кто-то другой, чтобы таким образом отдалить момент, когда вам придется волей-неволей признать свою изначальную и непоправимую вину?

Высокий, уже предвкушая победу, ответил:

- Друг мой, все это пустое психологизирование. Вы, очевидно, расстроены «демоническим» аспектом своего собственного поведения и намерены оправдать себя любой ценой.

- Ага, теперь вы уже читаете мои мысли? - парировал коротышка.

Зрители зашумели. Высокий нейтрализовал удар следующим заявлением:

- Нет, мой друг, я не читаю чужих мыслей, я просто использую широкие возможности своего подсознания для объяснения этиологии вашего поведения. Думаю, это ясно всем здесь присутствующим.

Толпа живо зааплодировала.

- Но, черт побери, - обратился к зрителям коротышка, - неужели вы не видите, что он просто играет словами? Факты свидетельствуют против него, не говоря уже о том, что эти подсознательные озарения - всего лишь плод его искренней веры в собственное всемогущество.

Послышался недовольный ропот, и один из зрителей шепнул на ухо Кромптону:

- Вечно они прибегают к аргументам *ad hominem* <Применительно к человеку (лат.). *Argumentum ad hominem* - доказательства, основанные

не на объективных данных, а рассчитанные на чувства убеждаемого.> как к последнему средству!

...Высокий закончил дискуссии убийственным выступлением:

- Мой несчастный друг, вы непременно хотите сделать из меня виноватого? Прекрасно, я восхищен, я рад быть виноватым, если это хоть в какой-то мере поможет вашей больной психике. Но ради вашего же блага я вынужден подчеркнуть, что такие символические победы вряд ли послужат вам утешением, когда придет судный день. Нет, добрый мой товарищ, лучше взгляните смело в лицо реальности, посмотрите на окружающий мир - в нем есть страдания и боль, но есть и радость, и невыразимое блаженство в нашей, увы, быстротечной жизни на этой зеленой планете!

Воцарилось молчание, слышно было только шуршание кассет в записывающих устройствах. Потом коротышка закричал:

- Иди ты к такой-то матери, словоблуд, ублюдок чертов!

Высокий поклонился иронически, толпа заволновалась. Коротышка попытался сделать вид, что эта вспышка раздражения была умышленной пародией на обычный поведенческий стереотип. Но никто не попался на эту удочку, кроме Кромптона, который нашел весь этот спор крайне странным и непонятным.

Вернувшись к себе в отель, Кромптон обнаружил на столе повестку: завтра к десяти часам утра его приглашали явиться на прием в Центр взаимочувствующей терапии.

Глава 6

Центр взаимочувствующей терапии представлял собой обширный комплекс зданий, разных по форме и размеру, соединенных между собою крытыми аллеями, перекидными мостиками, переходами, аппарелями и другими архитектурными деталями. А по сути Центр был единым гигантским строением на территории в 115, 3 квадратных мили. Это было одно из самых больших сооружений в данном районе Галактики, уступавшее только Центру переработанной пищи на Опикусе V, который занимал 207 квадратных миль.

Кромптон прошел в главные ворота, украшенные знаменитым девизом Центра: «Здоровый дух в здоровом теле - или крах!» Охранник обыскал его на предмет оружия, регистраторша проверила направление и отвела его в большой уютный кабинет на третьем этаже. Здесь его представили доктору Чейерсу, невысокому лысеющему толстяку с золотым пенсне.

- Присаживайтесь, мистер Кромптон, - сказал Чейерс. - Сейчас заполним вашу лечебную карту и начнем лечение. У вас есть ко мне

вопросы? Пожалуйста, не стесняйтесь, спрашивайте обо всем, что вас интересует: мы все к вашим услугам.

- Очень мило с вашей стороны, - сказал Кромптон. - Не скажете ли вы мне, что последует за моим визитом к вам?

Доктор Чейерс сочувственно улыбнулся.

- Боюсь, не скажу. Этот вид информации предопределяет ваши ожидания и тем самым затормозит выздоровление и подавит вашу интуицию. Вы же не хотите, чтобы подобное произошло?

- Нет, конечно, - сказал Кромптон. - Но вы, наверное, можете сказать, сколько времени займет курс лечения?

- Это зависит только от вас, - ответил Чейерс. - Скажу вам откровенно: бывало, хотя и очень редко, что пациенты выздоравливали прямо в этом кресле, во время подготовки к лечению. Но, как правило, процесс излечения длится гораздо дольше. Самое главное чтобы пациент созрел для выздоровления, ради этого мы и трудимся здесь. И, кроме того, я был бы не до конца искренен с вами, если бы не отметил, что динамика личного здоровья и рост динамики - это пока еще почти недоступная нашему пониманию переменная, или, как я предпочитаю ее называть, пучок взаимосвязанных модальностей потенциала.

- Я, пожалуй, понял, что вы имеете в виду, - сказал Кромптон. - Но вы лично - вы действительно уверены, что сможете вылечить меня?

- Наша уверенность выходит за рамки личного, - со спокойным достоинством ответил Чейерс. - Мы в Эйоне верим, что любое чувствующее существо от природы наделено здравым умом, а мы - лишь инструмент, призванный возродить его, и не более. У нас не бывает неудач - за исключением, разумеется, тех случаев, когда наши усилия оказываются безрезультатными из-за преждевременного прекращения жизненных процессов в организме пациента. К сожалению, мы не всемогущи. У вас есть еще вопросы?

- По-моему, вы дали мне исчерпывающий ответ, - сказал Кромптон.

- Тогда почитайте эту расписку, - предложил Чейерс, протягивая ему супертермофакс. - В ней говорится, что вы осознаете, что лечение может окончиться смертью, потерей памяти, неизлечимым безумием, слабоумием, импотенцией и другими нежелательными последствиями. Мы, конечно, примем все необходимые меры, чтобы избежать их, но если, к несчастью, что-нибудь подобное случится, вы не будете возлагать на нас вину за это, и так далее. Подпишите вот здесь, внизу.

Он передал Кромптону «вечное перо». Кромптон заколебался.

- Но ничего такого почти никогда не случается, - подбодрил его Чейерс. - Правда, терапевтическая методология включает в себя реальные ситуации с аутентичным исходом, и вас могут ожидать самые разные неожиданности, раз уж вы включились в эту игру.

...Кромптон вертел в руке «вечное перо» и думал о том, что такой расклад ему совсем не по душе. Все его нутро восставало против этой угрожающей и непредсказуемой авантюры, в которую вовлекал его Эйон. Если тебя с порога предупреждают, что здесь ты можешь продуться вчистую, имеет смысл поискать другую игру, где ставки будут пониже.

Но разве у него есть выбор? Он чувствовал, как его сожители, хотя и усыпленные, ворочаются, спорят и ссорятся внутри. Перед ним стояла проблема выбора Гобсона <Гобсон Томас (умер в 1631г., Англия) - владелец прокатной конюшни, который обслуживал клиентов по принципу, или бери ту лошадь, которая стоит ближе всего к дверям, или не получишь никакой.>, излюбленного персонажа кроссвордов, о котором Кромптон вспомнил как о живом олицетворении своей теперешней ситуации.

И тут он услышал глухое бормотание Лумиса: «Эл! Че там у тея? Че дееется?»

- Я согласен, - сказал Кромптон и поспешно, чтобы не передумать, нацарапал свою подпись.

- Ну и чудненько, - сказал доктор Чейерс, свернул расписку и положил себе в карман. - Добро пожаловать в мир терапии без обмана, мистер Кромптон!

Кресло Кромптона вдруг отъехало назад и стало опускаться в отверстие, открывшееся в полу.

- Стойте! Я еще не готов!.. - крикнул Кромптон.

- Вечно они не готовы! - проворчал где-то далеко вверху доктор Чейерс.

Отверстие закрылось, и Кромптон, сидя в кресле из искусственной кожи, бесшумно помчался вниз, в непроглядную тьму.

Глава 7

Наконец кресло остановилось. Кромптон встал и на ощупь определил, что находится в узком коридоре, один конец которого заблокировало кресло. Не отрывая руки от стенки, он пошел в темноте вперед по коридору.

Проснулся Лумис и спросил:

- Что происходит, Эл? Где мы?

- Это довольно трудно объяснить, - сказал Кромптон.

- Но что все это значит?

- Мы проходим спецкурс лечения. В результате мы должны стать цельной личностью.

- По-твоему, прогулки по адски темным туннелям - это и есть лечение?

- Нет, нет, это всего лишь пролог.

- К чему?

- Не знаю. Мне сказали, что этого лучше не знать.

- Но почему?

- Точно не знаю. Думаю, так у них построена система лечения.

Лумис задумался, потом сказал:

- Не понимаю.

- Да и я тоже, - признался Кромптон. - Но так мне сказали.

- Ну-ну, - сказал Лумис. - Нет, это просто потрясающе! В хорошенькую же историю мы вляпались по твоей милости! Ты считаешь себя умным, да? Так я тебе скажу кое-что: ты вовсе не такой умный, Эл! Ты просто дурак!

- Постарайся успокоиться, - попросил Кромптон. - Мы находимся в знаменитом и преуспевающем учреждении. Они знают, что делают.

- А по мне - все это чушь собачья, - заявил Лумис. - Давай слиняем отсюда и попробуем сами разобраться со своими проблемами!

- Боюсь, теперь уже слишком поздно, - сказал Кромптон. - А потом...

Вдруг непонятно откуда брызнул поток света и залил коридор, конец которого расширялся и превращался в огромный зал.

Кромптон вошел в него и обнаружил, что это операционная. В глубине зала, в тени стояли ряды стульев. В центре располагался операционный стол, окруженный людьми в белых халатах, резиновых перчатках и марлевых масках. На столе лежал мужчина с накинутой на лицо салфеткой. Радио негромко наигрывало прошлогодний земной топ «Клыкастые звуки» в исполнении Спайка Дактиля и группы «Парламентское охвостье».

- Ничего хорошего это нам не предвещает, - заметил Лумис. - Я, пожалуй, сделаю так, как советует мне мой внутренний голос: выйду из игры и буду искать забвения в своем обычном духовном занятии, которому привержен с детства - сосредоточусь на собственных гениталиях.

Пробудился Стэк и спросил:

- Что здесь происходит?

- Много чего, но мне сейчас некогда рассказывать все заново.

- Я могу объяснить ему, - предложил Лумис.

- Да, пожалуйста, только потише, ладно? - сказал Кромптон. - Я должен разобраться в этой ситуации. - Он повернулся к врачам:

- Что тут творится?

У старейшего из докторов была раздвоенная седая борода и авторитарная манера поведения, которую он сочетал с ажурными

разноцветными носками, - возможно, для создания некоего двусмысленного стилистического контраста.

- Вы запаздываете. Надеюсь, вы готовы начать?

- Как это - начать? - испугался Кромптон. - Я ведь не врач. Я не знаю, что делать.

- Именно потому вас и выбрали, что вы не врач, - вступил в разговор маленький рыжий доктор из задних рядов. - Видите ли, мы полагаемся на вашу непредсказуемость и рвение.

- Пора, поехали, - сказал кто-то из врачей. Несмотря на сопротивление, Кромптона облачили в халат, натянули на руки резиновые перчатки и закрыли лицо марлевой маской. У Кромптона закружилась голова, он был как во сне. Странные мысли замельтешили в мозгу «Бывшие замены ? Несвоевременный гамбит. Лабиринт забывчивости! А потом ореховое масло».

Кто-то вложил ему в руку скальпель. Кромптон сказал:

- Если я буду действовать на уровне реальности, произойдет что-то страшное.

Он снял салфетку и увидел лицо пациента - жирное, с родинкой на левой щеке.

- Смотрите, смотрите хорошенько, - сказал ему доктор с раздвоенной бородой. - Полюбуйтесь на свою работу. Это ведь вы, и только вы довели его до такого состояния, и это так же верно, как то, что Господь создал зеленые яблочки.

Кромптон собирался было возразить, но его остановило неожиданное появление рыжеволосой девушки в прозрачном платье с узким Дифом и широкой юбкой.

Она вошла в операционную и спросила:

- Доктор Гроупер готов заняться мною?

- Нет, - прошипел один из врачей, неприметный человечек с выразительным голосом - мягким, липким и словно бы все время намекавшим на сальные непристойности.

Девушка кивнула и обратилась к Кромптону:

- Хочешь, покажу кое-что?

Это настолько ошеломило Кромптона, что он не смог ответить. Но Лумис в таких случаях всегда был тут как тут и, прервав свои попытки объяснить Стэку сложившуюся ситуацию, овладел телом и сказал:

- Всенепременно, дорогая, покажите мне кое-что. Девушка взяла в руки кошелечек, пришпиленный к поясу юбки, и достала оттуда маленькие серебряные ножнички.

- Я никогда никуда не хожу без них, - заявила она.

- Совсем никуда? Как интересно! - удивился Лумис. - Почему бы нам не прогуляться? Вы бы рассказали мне обо всем поподробнее. Между прочим, в этом заведении можно выпить хоть что-нибудь?

- Вы должны извинить меня, - сказала девушка. - Сейчас моим пустячкам пора в постельку. И она исчезла.

- Очаровательна! - промурлыкал Лумис и последовал бы за ней, если бы в этот момент Кромптон не вернул себе тело.

- Может, займемся делом? - ледяным тоном сказал он. И обратился к врачам:

- Насколько я могу судить, это каким-то образом входит в курс лечения? Ведь пациент здесь я, не так ли?

- М-да, здесь нужны некоторые пояснения, - сказал доктор с раздвоенной бородой, приподняв маску, чтобы почесаться, и приоткрыв при этом свою заячью губу.

- Но я так понял, что вам запрещено что-либо объяснять мне, - сказал Кромптон.

- Вы неправильно поняли. Нам можно объяснять все что угодно, только правду нельзя говорить.

- Но не подумайте, что это упрощает вашу задачу, - сказал, входя в зал, хирург-ординатор с небольшой доской для записей в руках. - Даже в нашем вранье есть для вас ценные крупы.

- Иногда ложь и правда - одно и то же, - сказал бородатый доктор. - В любом случае, они - часть нашей интуиции.

Кромптон посмотрел на человека, распростертого на столе. Он никогда раньше не видел его. В голове продолжалась сумятица. Сначала его беспокоило левое колено, а теперь он не мог вспомнить что-то очень простое, но забавное, и это раздражало его. Он слышал, как шептались между собой Лумис и Стэк. Это взбесило его: как они смеют шуметь у него в голове именно тогда, когда он должен оперировать! Он посмотрел на скальпель, зажатый в руке. Им снова овладела нерешительность. Он постарался вспомнить, где и когда он посещал медицинский колледж. Тут же перед его глазами возникло шоссе в Нью-Джерси рядом с заливом Чиску-эйк. Ну и штучки вытворял с ним его мозг!

Он уставился на кусочек блестящей кожи между бровей пациента. Рассеянно поднял скальпель и глубоко рассек лоб.

Тут же в подвале раздался вой трансформатора символов, и скальпель в его руке превратился в розу на длинном стебле.

Кромптон ненадолго потерял сознание. Когда он пришел в себя, пациент, врачи, операционная - все исчезло.

Он стоял в английском парке на высокой скале, а над ним раскинулось бескрайнее синее небо, подернутое легкими облаками.

Глава 8

Когда-то раньше это, видимо, был прекрасный парк с правильными аллеями и симметричными дорожками. Но сейчас все в нем заросло, и он представлял собой печальную картину. Красная вербена пока чувствовала себя превосходно, и зубчатые листья каланхоэ имели вполне процветающий вид; но все вокруг покрыли цветущие одуванчики, а рядом с бельведером пристроился толстобрюхий кактус. Всюду на земле валялись консервные банки, газеты, собачьи испражнения и другие следы пребывания туристов.

Кромптон обнаружил, что в одной руке он держит грабли, а в другой - совок. И он знал, что от него требуется. Мурлыча себе под нос, он собирал в аккуратные кучи мусор, подбирал всякую вонючую дрянь и успел даже подрезать несколько кустов роз. Ему приятно было это занятие.

Но тут он заметил, что следом за ним распространяется зловоние, упадок и гибель. Куда бы он ни ступил, на этом месте появлялись участки гниющей земли.

Небо вдруг потемнело, по парку пронесся вихрь, тяжелые, черные тучи собрались над головой. Разразился сильный ливень, и парк мгновенно превратился в болото. И, будто этого было мало, всю окрестность потрясли оглушительные удары грома, а черно-синее небо располосовали зигзаги ослепительных молний.

Пропасть черных мух внезапно заполнила все пространство, за ними явились полчища перуанских долгоносиков и крохотных древооточцев. Затем пришел черед стервятников и игуан, и земля под ногами Кромптона задрожала, появились трещины, поднялась медленная зыбь.

Прямо перед ним разверзлась расщелина, в глубине которой Кромптон увидел серные всплески адского пламени.

- К чему все это, в самом-то деле? - спросил Кромптон.

На мгновение наступила жуткая тишина. Потом с небес грянул глубокий голос, шедший, казалось, одновременно со всех сторон:

- Дэниэл Стэк! Пришел твой час расплаты!

- Но послушайте, - сказал Кромптон, - я не Стэк, я Кромптон!

- А где Стэк? - громыхнул голос.

- Он тут, но лечат меня, а не его!

- Мне на это наплевать! - отпарировал голос. - Я получил приказ спросить по заслугам с Дэниэла Стэка. Может, ты будешь вместо него?

- Нет, нет! - взмолился Кромптон. - Мне хватает своих проблем.

Одну минутку, он сейчас явится. Кромптон заглянул внутрь себя.

- Дэн!

- Оставь меня в покое, - сказал Стэк. - Я занимаюсь самоанализом.
- Тут кое-кто хочет побеседовать с тобой.
- Пошли их подальше, - сказал Стэк.
- Пошли сам, - сказал Кромптон и погрузился в столь необходимый ему и недолгий сон.

Стэк нехотя принял на себя контроль над телом со всеми его сенсорными элементами.

- Ну что там еще?

- Дэниэл Стэк! - снова воззвал голос с небес. - Пришел твой час расплаты. Я говорю от лица людей, убитых тобой. Ты не забыл их, Дэн? Это Арджил, Лэниган, Лэндж, Тишлер и Уэй. Долго же они ждали этого момента, Дэн, и теперь...

- Как звали последнего? - спросил Стэк.

- Чарльз Ксавьер Уэй.

- Я не убивал человека по имени Уэй, - заявил Стэк. - Других убивал, а его - нет.

- Разве ты не мог забыть, а?

- Вы что, смеетесь? Совсем уж за придурка меня держите? Чтобы я да не помнил тех, кого убивал? Кто этот Уэй, и почему он хочет повесить на меня всехдохлых кошек?

На время все смолкло, слышно было только шипение дождя, падающего в огненную расщелину. Потом голос заявил:

- Делом мистера Уэя мы займемся позже. Но вот, Дэн Стэк, твои мертвецы идут сюда, чтобы поприветствовать тебя.

Опять стало тихо. Потом откуда-то раздался раздраженный голос:

- Да сотрите вы этот парк! Бог мой, да пошевеливайтесь же, есть тут кто-нибудь?

И спустилась тьма, такая густая, как будто все кругом окутали пушистым мартышкиным мехом.

Глава 9

Встревоженный происходящим, Кромптон вернул себе контроль над телом. Он увидел, что стоит посреди большой комнаты, окрашенной в желто-коричневый цвет, с высокими узкими окнами и неуловимым запахом закона. На противоположной стене висела табличка: «Верховный кармический суд, секция VIII, председательствующий судья О. Т. Градж». Комната выглядела в точности как судебный зал в любом провинциальном американском городишке: ряды деревянных скамей для зрителей и заинтересованных сторон, столы и стулья для юристов, истцов, адвокатов и свидетелей. Кресло судьи стояло на

возвышении, справа от него располагалась стойка для дачи свидетельских показаний.

Судебный пристав провозгласил:

- Всем встать!

В зал влетел судья Обадня Градж, маленький, почти лысый человек среднего возраста с розовыми щечками и блестящими голубыми глазками.

- Прошу садиться, - сказал он. - Сегодня мы разбираем дело Дэниэла Стэка, существа чувствующего, у которого концы с концами не сходятся, и нам поэтому, попросту говоря, необходимо их связать в соответствии с законом причинности, в том виде, как он обычно трактуется в этом углу Галактики. Подойдите сюда, мистер Стэк.

- Я представляю его, ваша честь, - сказал Кромптон. - Он всего лишь один из компонентов моей личности, так сказать, мой подопечный, в чем вы, безусловно, разберетесь, если вникнете в детали этого случая. Стэка нельзя рассматривать как самостоятельного индивида с собственными правами. Он не персона и даже не персонаж, в том смысле, в каком обычно употребляют это слово критики, если мне позволено будет прибегнуть к этой аналогии. Стэк - это часть более значительной личности, то есть меня, извините за нескромность; его вычленили из меня по причинам, не зависящим от нас. И мы утверждаем, что Дэниэла Стэка нельзя судить в качестве индивидуума, поскольку его так называемая индивидуальность есть не более чем одна из граней меня самого, чьей тенью, по сути дела, он и является, если можно так выразиться.

- Мистер Кромптон, вы сами готовы понести наказание за те преступления, которые мы здесь докажем? - спросил судья.

- Ни в коем случае, ваша честь! Я, Элистер Кромптон, не совершал никаких преступлений, поэтому, если бы даже я захотел, меня за них судить нельзя. Но я настаиваю на том, что и Стэка нельзя судить по причине, как было изложено выше, отсутствия индивидуальности, а также потому, что у него просто нет тела, которое можно было бы подвергнуть наказанию.

- Нет тела?

- Нет, ваша честь! Его тело погибло. Он временный жилец в теле Элистера Кромптона, то есть в моем теле. Я сейчас нахожусь в процессе реинтеграции, которую можно рассматривать как смертный приговор тем остаткам индивидуальности, что еще находятся в распоряжении Стэка: он прекратит свое существование полностью, став чисто символической частью меня самого. И раз уж тело Стэка погибло и скоро прекратит свое существование его личность, я взываю к habeas corpus <Начальные слова английского закона 1679 г, о

неприкосновенности личности.>: здесь нет ни ума, ни тела, ответственных за преступления Дэна Стэка.

- Ваши аргументы убедительны и связно изложены, мистер Кромптон, - хихикнул судья. - Но мне не придется принимать их к сведению, так как они не относятся к делу. Самое интересное в ваших рассуждениях - это вопрос о том, что является частью целого и что можно считать дискретным, завершенным и самодостаточным. Но это чисто философский вопрос. Что же касается обвинения, тут все ясно, оно построено на основе бесчисленных прецедентов, цитировать которые нет нужды. Достаточно сказать, что, согласно закону, любое явление на одном уровне можно рассматривать как законченное целое, а на другом - как составную часть чего-либо. Поэтому ни ваше положение, ни мое качественно не отличаются от положения Дэна Стэка. Все мы в ответе за то, что творим, мистер Кромптон, независимо от того, насколько далеки наши характеры от цельности и завершенности.

- Но ваша честь, мне-то каково? Я, к своему несчастью, вынужден делить свое тело со Стэком. И любой вынесенный ему приговор падет на мою голову, что совершенно несправедливо.

- Чисто человеческая ситуация, мистер Кромптон, - мягко заметил судья.

- Но я невиновен в преступлениях, совершенных Стэком. А в основе юриспруденции, которую мы оба с вами исповедуем, всегда лежал принцип, что невиновный не должен пострадать ни в коем случае, даже если для этого придется освободить виновного!

- Но вы не невинны, - настаивал судья Градж. - Вы отвечаете за Стэка, а он за вас.

- Но как же так, ваша честь? И физически, и умственно мы были разъединены со Стэком, когда он совершал свои преступления.

- С позиции кармического закона шизофрения не может служить оправданием, - заявил судья. - Все составные части ума/тела в ответе друг за друга. Или, проще говоря, левая рука так же подлежит наказанию, как и правая, укравшая варенье из банки.

- Отвод! - потребовал Кромптон.

- Отклоняю, - сказал судья. - Пусть выйдет сюда Стэк, процесс начинается.

Глава 10

Кромптон передал контроль над телом Стэку.

- Дэниэл Стэк? - спросил судья.

- Да, ваша честь, - ответил Стэк.

- Вот ваши обвинители. - Судья указал на расположенную прямо перед ним скамью. На ней сидели четверо мужчин, выглядевших так, будто они только что побывали в автомобильной катастрофе. Израненные, окровавленные, угрюмые - в общем, картинка из фильма ужасов.

Стэк подошел к скамье. Обвиняемый и обвинители посмотрели друг на друга. Затем Стэк кивнул им, и они кивнули ему в ответ.

- Да-а-а, - сказал Стэк, - никак не думал, что так скоро придется свидетельствовать с вами. Ну и как вы?

Эбнер Лэндж, самый старший из его жертв, сказал:

- Да мы в порядке, Дэн. Ты-то как? Он говорил с трудом, потому что череп у него был разрублен топором.

- А я малость запутался, - сказал Стэк. - Но это слишком долго рассказывать. Давайте лучше ближе к делу. Вы что, ребята, что-то имеете против меня?

Мужчины неловко посмотрели друг на друга. Потом Эбнер Лэндж сказал:

- Да мы тут по делу об убийстве, Дэн, ты же нас убил. Мы - неизбежное следствие твоих поступков, и поэтому мы составляем главную часть твоей невыполненной кармы. Так они нам объяснили, но, по правде говоря, я не совсем понял, что к чему.

- А я так и вовсе ничего не понимаю, - сказал Стэк. - Но сами-то вы чего хотите?

- Черт его знает, - сказал Лэндж. - Они велели нам прийти сюда и выступить каждому за себя.

Стэк потер подбородок. Он был сбит с толку и не мог придумать, что ему делать с этими парнями.

- Ну что я могу сказать вам, ребята? Так уж получилось, - пробормотал он.

Один из пострадавших, Джек Тишлер, высокий мужчина с начисто отстреленным носом, заявил:

- Черт побери, Дэн, может, это вовсе не мое дело, но мне кажется, что от тебя здесь ждут раскаяния или чего-то в этом роде.

- Ну ясно, - сказал Стэк. - Я сожалею. Я прошу прощения за то, что поубивал вас всех, парни.

- Не думаю, что это все, чего они хотят от тебя, - сказал Лэндж. - Человек убил человека, и он должен сказать что-нибудь еще, а не промямлить просто «сожалею». Да разве ты на самом деле о чем-то сожалеешь, а?

- Да нет, пожалуй, - признался Стэк. - Это я из вежливости. А можете вы назвать мне хоть одну причину, по которой я действительно должен о чем-то сожалеть?

Жертвы задумались. Потом Рой Арджил сказал:

- Ну хотя бы из-за наших овдовевших жен и осиротевших детей. Как насчет них, Дэн? Стэк усмехнулся.

- Ты бы еще вспомнил о своих троюродных сестричках с их разбитыми сердцами и о любимых собачках. Вы, братцы мои, плевать на них хотели, пока были живы. Что это вас сейчас вдруг так разобрало?

- Дело говорит, - заметил Джим Лэниган.

- Дэн всегда был силен потрепаться, - согласился Лэндж.

- А если бы вы прикончили меня, вы бы сильно об этом сожалели? - спросил Дэн.

- Черта с два, - сказал Эбнер Лэндж. - Я бы и сейчас с удовольствием сделал это, если б мог!

***

Стэк повернулся к судье.

- Вот мы и разобрались, ваша честь, - сказал он. - Я всегда утверждал, что убийство надо рассматривать как преступление без жертвы, потому что ни до, ни после никто ни о чем не жалеет, и это в основном вопрос везения: кто убьет, а кто будет убитым. Поэтому я почтительно предлагаю: хватит разводить здесь этот базар, пошли выпьем на пару и забудем все это дело.

- Мистер Стэк, - сказал судья Градж, - вы являетесь собой пример морального уродства, и мне хочется дать вам по морде, да простится мне это простонародное выражение.

- Ах вот оно что! - сказал Стэк. - Ваша честь, не хочу оскорблять вас, однако разрешите не согласиться с вами по поводу морального уродства. С моей точки зрения, это вы слабы морально, когда преувеличиваете и придаете несоответствующую важность процессу ухода из жизни чувствующих существ. Вы заблуждаетесь, судья, все мы покинем сей мир, а каким образом - не так уж это важно. И кроме того, кто вы такой, чтобы сидеть там и судить о кодексе чести и о чувствах людей?

- Я фон судия, - с удовольствием отрекомендовался судья. - И поэтому я здесь сижу и творю суд над вами, Дэн. Должен признаться, я с интересом выслушал ваши логические обоснования, а ваши убогие потуги в области дискурсивной философии послужат прекрасным развлечением для моих коллег в клубе «Справедливость». А теперь мне осталось только объявить вам приговор, что я и сделаю не без удовольствия.

Стэк выпрямился и, не спуская глаз с судьи, сложил на груди руки в знак презрения.

- Und zo <Итак (нем.)>, - сказал судья, - выслушав показания свидетелей, поразмыслив и взвесив все обстоятельства, я выношу следующий вердикт: отсюда вас отведут на место наказания, где подвешат вниз головой над котлом с кипящим коровьим дерьмом и заставят слушать симфонию до-минор Франка, исполняемую на игрушечной дудочке казу, до тех пор, пока кармометр не покажет, что ваша сперма сварилась и вы созрели для окультуривания.

Стэк отступил на шаг с выражением ужаса на лице.

- Только не казу! - взмолился он. - Ради всего святого, откуда вы узнали о казу?

- Ну недаром же нас считают знатоками психологии, - сказал судья. - Обнаружением этой маленькой скрытой фобии мы обязаны миссис Аде Стэк. Встаньте и поклонитесь. Ада!

В задних рядах поднялась со скамьи приемная мать Дэна и помахала ему зонтиком. Ради такого случая она подкрасила волосы хной и сделала прическу.

- Ма! - закричал Стэк. - Зачем ты это сделала?

- Ради твоего же блага, Дэниэл, - сказала она. - Я просто счастлива, что могу способствовать твоему спасению, сынок, а эти добрые люди сказали мне, что любой пустяк может помочь им добраться до твоего нежного, любящего, богобоязненного сердца, которое, как нам всем известно, жаждет исправиться.

- Бог мой, - заскрипел зубами Стэк, - я совсем забыл, какая ты у меня дурочка!

- Ну прости меня, если я причинила тебе неприятности, - сказала миссис Стэк. - По крайней мере, они ничего не узнали от меня о кружевных панталонах и маленькой пластмассовой лейке.

- Ма!!

- Я всегда хочу только хорошего, но я такая неуклюжая, - сказала миссис Стэк. - Такая уж я с детства. Если позволите, я расскажу одну трогательную историю...

- В другой раз, - остановил ее судья. - Приставы! Отведите этого грубияна к месту его заслуженных мучений.

Через боковую дверь в комнату вошли четыре бугая в водонепроницаемых костюмах в клеточку и схватили Стэка. Кромптон изо всех сил пытался взять на себя контроль над телом, чтобы заявить о своей невменяемости. (Он сыграет сумасшедшего, если другого выхода нет. Кромптон не имел ничего против казу, но висеть вниз головой над котлом с кипящим коровьим дерьмом... Это уж увольте!) В это самое мгновение прозвучал пронзительно-мелодичный удар гонга.

Глава 11

Двери примыкающих к залу двух смежных комнат распахнулись, и процессия жрецов в серебряных одеждах, с бритыми головами и резными чашами для подаяний в руках прошествовала через проход. Под торжественный аккомпанемент тимпанов и селестий они нараспев бубнили басом какие-то непонятные мантры, пока не достигли подиума, на котором восседал судья. Тут они остановились и преклонили колени немислимо сложным и грациозным образом. Когда обряд был завершен, вперед выступил самый почтенный из жрецов.

Он кивнул судье.

Он поклонился Дэну Стэку!

- Добро пожаловать, добро пожаловать, трижды добро пожаловать, о, Аватар! - обратился почтенный жрец к Стэку. - Мы, наше Имманентное Братство, пользуясь предоставленной нам возможностью, благодарим тебя за то, что ты, преодолев все трудности, явился нам во плоти. Это исключительно великодушно с твоей стороны. Мы понимаем, что это входит в твой обет и явление твое предопределено, и все же нам хочется, чтобы ты знал, бодхисатва <Бодхисатва - тот, чья сущность - просветление (санскр.) У буддистов - наставник, ведущий людей по пути самосовершенствования.>: мы это высоко ценим.

- Гм! - довольно уклончиво ответил Стэк.

- Мы приготовили для тебя прекрасное помещение в храме, хотя нам известно твое почтенное равнодушие к подобным вещам. Что касается еды, мы знаем, что ты довольствуешься любой пищей или вообще обходишься без нее, поэтому нам довольно трудно составить приятное для тебя меню. Но мы постараемся. Ты увидишь, что дела человеческие мало в чем изменились после твоего последнего воплощения на Земле. Та же пьеса, актеры другие.

Тут не выдержал судья Градж.

- Но постойте, падре, я не хочу обидеть ваши религиозные чувства, я понимаю - у вас свои способы обдeldывать дела. Но так уж получилось, что этот парень, которого вы называете Аватаром, - хладнокровный убийца. Я просто подумал, что вам это будет небезынтересно.

- Ах! - сказал жрец. - Это просто недоразумение, и весьма забавное!

- Отказываюсь понимать вас, - сказал судья.

- Этот человек, Дэниэл Стэк, - сказал жрец, - вовсе не то существо, кому мы пришли воздать честь. О нет! Стэк - всего лишь колесница, внешняя оболочка, которую скоро взорвет Аватар...

- Неплохая идея, - согласился судья. - Возможно, это даже лучше, чем коровье дерьмо.

К этому моменту Кромптону удалось завладеть телом.

- Послушайте, - сказал он, - все это неверно. Прежде всего, это тело принадлежит не Стэку. Это мое тело. Я Элистер Кромптон, и я стараюсь добиться реинтеграции всех компонентов моей личности.

- Все это нам известно, - сказал жрец. - Наши Мудрейшие в своих пещерах на Тибете и на вершинах гор в Калифорнии все это предвидели. Мы сочувствовали той неуместной одержимости, с которой вы бросились в погоню за несбыточной надеждой.

- Почему это несбыточной? Я прекрасно знаю, что делаю!

Жрец сокрушенно покачал головой.

- Все ваши знания порочны. Вы, наверное, считаете, что живете своей собственной жизнью и добиваетесь своих целей?

- Конечно!

- Но это совсем не так. Никакой независимой собственной жизни у вас нет. Это не вы живете, это вас живут. Вы просто автомат со встроенным «я» - рефлексом. Ваша жизнь не имеет никакого смысла, потому что вы даже не личность. Вы не более чем случайный набор непоследовательных и кратковременных стремлений. Ваше единственное назначение - служить непроизвольной колесницей, чтобы доставить к нам Аватара.

- А кто такой Аватар? Надеюсь, вы не имеете в виду Лумиса?

- И вы, и Лумис, и Стэк - все вы лишь ступеньки эволюции, не более. Миллионы лет назад в Совете, ведающем тайными документами человечества, была запланирована ваша встреча с единственной целью - доставить сюда бодхисатву Майтрейя <Майтрейя - в буддийской мифологии бодхисатва и Будда грядущего мирового порядка, который ждет своего прихода в мир людей.>, который вам известен под именем Бартона Финча.

- Финч! - вскричал Кромптон. - Но он же debil!

- Так-то вы разбираетесь во всем этом! - сказал жрец.

- Вы это серьезно?

- Абсолютно.

- И вы настаиваете на том, что смысл всей моей жизни - доставить Финча в этот мир?

- Прекрасно сказано, - согласился жрец. - И вас будут почитать как непосредственного предвестника сверхчеловека. Вы как личность выполнили свое космическое предназначение, что должно послужить для вас великим утешением. Теперь вы можете отдыхать, Кромптон, - и вы, и Лумис, и Стэк, так как ваши кармические обязательства исполнены, и вы освободились от цикла страданий и перерождений, наслаждения и боли, зноя и стужи. Вы свободны от Колеса Жизни! Разве это не прекрасно?

- О чем это вы? - подозрительно спросил Кромптон.

- О том, что вы достигли нирваны!

- А что такое нирвана?

Этот вопрос вызвал оживление в рядах жрецов и послушников, поскольку в наше время редко выпадает возможность продемонстрировать свои эзотерические познания в ответ на столь прямо поставленный вопрос - не то что в далекие времена дзэн <Течение в буддизме, возникшее в Китае в VI в.>, когда в мире было еще много прямодушных людей.

- Нирвана, - сказал один из жрецов, - это опухоль на моем мизинце.

- Нет, - сказал другой. - Нирвана - это все что угодно, только не опухоль на вашем мизинце.

- Зачем вы так усложняете? - сказал третий. - Нирвана - это то, что остается после того, как вытекла вся вода.

И еще многие готовы были высказать свои соображения, но тут невысокий, но довольно почтенный жрец поднял руку, требуя тишины, и громко пукнул. Четыре ученика немедленно впали в состояние самадхи <Состояние религиозного транса (санскр.)>. Казалось, окончательный ответ наконец-то найден, но тут другой невысокий и очень почтенный жрец недовольно буркнул:

- В этом больше вони, чем смысла.

- Совсем не легко объяснить нирвану, - сказал Кромптону первый его собеседник. - Для этого никакие слова не годятся, так что трудно дать определение. Короче говоря, вы просто ничего не будете чувствовать и даже не будете осознавать, что ничего не чувствуете.

- Мне это не нравится, - мгновенно отреагировал Кромптон.

- Да вы только подумайте, - сказал ему судья, - вы же отказываетесь от очень выгодного предложения. Этот религиозный джентльмен весьма мило предлагает вам нирвану в обмен на то, что из вас вылупится их Бог, или дьявол, или какой-то чудодей, словом, этот самый Финч, а вы тянете волынку, будто он предлагает вам что-то ужасное.

- Эта нирвана, - сказал Кромптон, - похоже, не что иное, как смерть.

- Ну так что же, - сказал судья, - попробуйте, может, это не так уж плохо.

- Если вам это кажется таким привлекательным, почему бы вам самому не попробовать?

- Потому что я недостойн, - сказал судья. - Но все-таки, где этот Финч? Я хотел бы получить от него автограф для сына. Трудно найти хороший подарок для ребенка двадцати двух лет, который дал обет жить в нищете и поселился в пещере Бхутан.

- Между прочим, - промолвил почтенный жрец, - я забыл сказать, что вместе с нирваной вы обретете полное и абсолютное просветление.

- Ну надо же! - сказал судья. - Это уже действительно кое-что!

- Но я не желаю просветления! - закричал Кромптон.

- Вот это, - заметил один из жрецов другому, - и есть настоящее просветление! Почтенный жрец сказал:

- Хватит ходить вокруг да около. Приступим к церемонии.

Гобои заиграли туш. В воздухе разлилось сияние. Рои неземных созданий вступили в зал с четырех сторон Вселенной, чтобы приветствовать новоявленного бодхисатву. Были там, конечно же, индуистские боги, пришли Тор, Один, Локи и Фригг <Тор, Один, Локи - боги скандинавской мифологии, Фригг - богиня любви, семейного очага в германской мифологии.>, переодетые в шведских туристов, потерпевших разочарование в любви. Явился сам Орфей в желтой шелковой рубашке и в джинсах «Левис», сыграл на электрической аргентинской гитаре, включив ее в сеть через свой тумос. Показался и Кецалькоатль <Пернатый Змей, легендарный вождь тольтеков.> в боа из перьев, за ним - Дамбалла в ожерелье из черепов и многие, многие другие.

Они целиком заполнили зал, зарядив атмосферу такой духовной мощью, что даже мебель и другие предметы приобрели квазичеловеческие черты и было слышно, как красный бархатный занавес говорил портрету Вашингтона: «Хотел бы я, чтобы мой дядюшка Отто увидел все это своими глазами».

- А теперь, - сказал Кромптону жрец, - не будете ли вы так добры убрать свою псевдоличность и позволить Финчу...

- Черта с два, - прорычал Кромптон. - Если Финч такая значительная фигура, пусть найдет себе другое тело. Это я оставляю себе.

- Вы расстраиваете все мероприятие, - сказал ему жрец. - Вы способны думать о ком-нибудь, кроме себя? Неужели вы не понимаете, что все сущее взаимоподобно?

Кромптон помотал головой. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом кондиционера.

И вдруг в центре зала воздвиглось нечто гигантское. Черное, многоголовое, в ботинках девятого размера, по форме похожее на удава, проглотившего козу. Его конечности из слоновой кости испускали серебряное сияние, свисавшие со всех сторон щупальца сжимали самое разнообразное, острое и зубастое оружие.

- Я Тангранак, - заявило зловещее явление. - Знаете ли вы, что сейчас три луны Квууца выстроились в ряд с великим созвездием Грещера и двуногие поклонники Мерзопакости в горошек требуют крови в качестве Файдара согласно нашему давнему соглашению? И вот

посредством непредвиденных случайностей, настолько мимолетных, что это трудно себе представить, явился я, чтобы принести смерть Избранному.

- Кто это? - спросил почтенный жрец невысокого.

Тот быстро просмотрел распечатку микрофильма «Краткого справочника галактических божественных сил» Смита, которую астральным способом переправил ему из Лхасы недремлющий Божественный Анализатор и Табулятор (БАТ).

- Не нахожу никаких упоминаний о нем.

- А не мошенник ли он? - задумчиво протянул почтенный. - Да нет, вряд ли. Он, должно быть, из другой вселенной. Это самое подходящее объяснение для всего необъяснимого.

- Но можем ли мы разрешить ему присутствовать в собрании? - спросил невысокий жрец. - Он выглядит грубым и человекообразным и совсем не относящимся к нашему виду.

- А что мы можем сделать? Божества из других вселенных всегда пользовались привилегией посещения наших собраний. Во всяком случае, он решит нашу проблему.

- Ах вот оно что!

- Именно. Кромптон отказывается слить свое фиктивное «я» с квинтэссенцией угасания, которую включает в себя обретение нирваны, и таким образом открыть дорогу бодхисатве Финчу. Мы люди мирные и не можем силой принудить Кромптона погаснуть, как бы нам этого ни хотелось. А тут в нужный момент является это мужеподобное божество, чтобы сделать за нас нашу работу. Разве не замечательно? Тангранак, делай свое дело!

Глава 12

В этот момент произошла полная смена декораций - цвета, скорости, действия. Исчезли торжественные жрецы, судья, жуткое экстраселенское божество, судебный зал и вся его невзрачная обстановка. Не осталось ничего, кроме вереницы блестящих бронзовых кубиков - основных кирпичиков для построения реального мира. Потом и они куда-то делись, и осталась только пыльная субстанция сновидений, которая спрессовалась, выпустила отростки и протуберанцы и превратилась в помещение, точь-в-точь похожее на секретный контрольный бункер Безжалостного Минга в недрах невидимой планеты Ксинго.

Кромптон стоял посреди комнаты, пытаясь хоть что-нибудь понять.

В комнату вошел человек. Несмотря на оранжевое трико и чудовищный парик, Кромптон узнал бы его где угодно.

- Джон Блаунт!

- Удивлены, Кромптон, а? Я с удовольствием наблюдал за всеми вашими бесполезными метаниями по Галактике. Так близко и так далеко, а, Кромптон? Хи-хи-хи!

- Как вам удалось похитить меня? - спросил Кромптон. - Институт наверняка начнет поиски.

- Сомневаюсь, - сказал Блаунт. - Видите ли, я хозяин Эйона.

- Агр-р! - сказал Кромптон.

- Я расставил ловушку для вас давным-давно, Элистер. Мои агенты под маской конюхов, полковников, доверенных лиц и официанток постоянно находились при вас, а при случае помогали вам. Почему бы нет? Я был рад помочь вам добраться до Эйона., и до меня.

- Долго же вы точили зуб на меня, - заметил Кромптон.

- Мой «зуб» питает и насыщает меня, - сказал Блаунт. - Мне с ним интересно жить, благодаря ему я раскрыл в себе новые таланты. Я вам чрезвычайно признателен, Кромптон. Без вас я бы никогда не узнал истинного смысла и цели моей жизни.

- И цель вашей жизни, видно, состоит в том, чтобы мстить мне.

- И это тоже. Но это только начало. Сколько возможностей открылось, Кромптон!

- Не понимаю.

- Вы верующий, Кромптон? Думаю, что нет. И вы едва ли способны постичь всю грозную красоту того, что случилось со мной однажды в роковой день, когда я как всегда твердил себе: «Не забудь, ты должен отомстить Кромптону».

- Что же с вами случилось?

- В моей голове вдруг раздался голос, великий Глас, который, казалось, шел ниоткуда и отовсюду, и я пал на колени, так как сразу узнал, что это Истинное Слово. И Глас сказал мне: «Джоник! (Да, он употребил именно это имя, так меня называла только моя покойная бабушка!) Джоник! Что ты собираешься делать, когда покончишь с Кромптоном?» Я ответил: «Тогда, наверное, я буду нуждаться в отдыхе; может быть, куплю на несколько недель Португалию». И Глас сказал мне:

«Мелко плаваешь, Джоник!» И я сказал: «Согласен, Господи, это звучит довольно банально, так ведь? Вот я, самый богатый, самый умный, самый всемогущий человек во Вселенной, и на что я расходую свою жизнь? На отмщение какому-то Кромптону! А потом у меня вообще ничего не останется. Скажи мне, что я должен делать?» И Он сказал: «Все очень просто, Джоник. Покончив с Кромптоном, примись за всех остальных. И словно яркий свет вдруг озарил мою душу, и я

упал ниц, и смеялся, и плакал, и благодарил Господа. Единственный раз в жизни меня посетило божественное откровение!

Блаунт прервался, чтобы отпить глоток воды.

- И чем больше я размышлял об этом, тем больше убеждался в Его правоте. Действительно, почему бы не отомстить всем тем, кто хоть когда-нибудь причинил мне неприятность? Это была захватывающая идея, и я тут же сел составлять список. Но таких людей оказалось слишком много. Тогда я решил разбить их по категориям. Надо было разделаться со всеми официантами и водителями такси, поп-певцами и полицейскими, контролерами автомобильных стоянок и устроителями гонок на роликах, фермерами и виноделами, фолк-певцами, наркоманами, юристами, албанцами, бейсболистами... Я мог перечислять еще и еще.

- Уверен, что не только могли, но именно так и сделали, - сказал Кромптон.

- Тогда я понял, что лучше составить список тех, кого я не хочу убивать, это сэкономит время. Я думал, думал и пришел к выводу, что таких просто нет. Я было решил спасти грязных далматов, потому что один далмат воспитал меня. Но даже они немало соли насыпали мне под хвост. И вдруг меня озарило: ведь я ненавижу всех и вся. Это облегчило мою задачу. Я сообразил, что мне нужно делать. Уверен, и вы поняли, что я имею в виду.

- Вы действительно имеете в виду то, о чем я подумал? - спросил Кромптон. Блаунт помолчал немного.

- А что вы подумали?

- Я подумал, что вы на полном серьезе намереваетесь уничтожить все человечество.

- Правильно! Именно это я собираюсь сделать! И мужчин, и женщин! И животных, потому что все они - дерьмо собачье.

- Да вы спятили! - задохнулся Кромптон.

- Выпустите меня отсюда! - завопил Лумис. В разговор вдруг вмешался Дэн Стэк.

- Уймись, - уверенно и безапелляционно заявил он. - Похоже, ситуация как раз подходит для вашего покорного слуги. Беру контроль на себя.

Кромптон не сопротивлялся. Дэн Стэк овладел телом.

Глава 13

- Да, - сказал Стэк, - впечатляющий план, ничего не скажешь! Просто чертовски хорош! Блаунт был поражен.

- Но... Спасибо большое! А я-то думал, что в вашем положении...

- Вот еще! - сказал Стэк. - При чем тут мое положение? Я способен оценить артистизм. А вы большой артист, детка.

- Вы и в самом деле чувствуете? - спросил Блаунт. - И вы не считаете меня сумасшедшим?

- Вы такой же сумасшедший, как и я! - подмигнув, сказал Стэк. - Да я на вашем месте сделал бы то же самое, а я не сумасшедший, верно?

- Конечно! - сказал Блаунт. - Так вам и вправду нравится мой план?

- Я в восторге от него! - сказал Стэк. - С чего начнем?

- Первоначальные шаги я уже разработал, - с гордостью заявил Блаунт.

В этот момент Кромптону удалось перехватить контроль и крикнуть:

- Нет, я отказываюсь участвовать в этом и вам не позволю!

- Что это с вами? - спросил Блаунт.

- Да нет, - сказал Стэк, - это не я, это был Кромптон.

- А вы что - не Кромптон?

- Конечно нет. Я один из его компонентов. Мое имя Дэн Стэк.

- О! Рад познакомиться. Трудно поверить... То есть вы так похожи...

А я Джон Блаунт.

- Я о вас все знаю, - сказал Стэк. - Я прошелся по файлам кромптоновской памяти.

- Тогда вам известно, что он сотворил со мной.

- Известно. И это не делает ему чести, - сказал Стэк. - Да и вообще он дерьмо порядочное. Господь свидетель, я не видел ничего, кроме тревог и мучений с тех пор, как он уговорил меня воссоединиться!

- Могу себе представить. Знаете, Дэн, вы мне нравитесь. Слушайте, я не прочь оставить вас при себе, если вас это устраивает.

- Еще как устраивает, - ответил Стэк.

- Мне ведь не с кем даже поговорить о моем деле, представляете?

- Уничтожение человечества - занятие, требующее одиночества, - согласился Стэк.

- Но мы должны отделаться от этого Кромптона.

- Точно. Вы читаете мои мысли. Что-нибудь сообразим. - Стэк хихикнул. - Раз уж мы займемся Кромптоном, прихватим заодно и Лумиса. Grosh ему цена в базарный день!

- А вы интересно мыслите, - заметил Блаунт, обеими руками пожимая руку Стэка. - С вами будет приятно работать. А теперь пойдете в мою комнату военных игр и займемся планом всеобщего уничтожения. Сначала я разделаюсь со всеми земными почтальонами. Хватит терпеть вечные задержки с доставкой моих важнейших посланий.

- Прекрасно, - сказал Стэк. - Пошли.

И в это мгновение произошел разрыв континуума. Он начался в виде мерцания, дрожания и сотрясений. Потом появились клубы желтоватого дыма, сгустившиеся в медведей коала, которые тут же попрятались под мебелью. Затем стены пошли пузырями и затрещали, кресла то вспыхивали ярким светом, то гасли.

Все это предвещало опасность вселенотрясения, которое изменяет все вокруг и, как правило, к худшему.

Комната преобразилась в римский Форум, в Башню торговцев, в застенки для предателей в Сан-Франциско, в торговый ореховый центр «Стакки» в Джорджии и наконец стала довольно небрежной копией греческого рекреационного зала из 2001 года.

В этом зале вокруг огромного стола из красного дерева сидели мужчины в ковбойских шляпах и черных шелковых масках.

Из потайной двери слева в зал стремительно вошел человек в серо-голубом костюме и теннисках. Это был Секюйль.

- Агр-р! - прохрипел Блаунт, и лицо его посерело.

- Да, - сказал Секюйль, - пришел час расплаты, Блаунт. Здесь собран Комитет по охране целостности повествования. Возможно, вам он лучше известен под названием «Архетип Бдительных».

- Бог мой, нет! - воскликнул Блаунт.

- Блаунт, вам действительно должно быть стыдно. Ваше вшивое Weltanschauung <Мировоззрение (нем.)> никому не интересно. Это повесть о Кромптоне, а вы в ней всего лишь второстепенный персонаж.

- Но, черт возьми, - сказал Блаунт, - действующее лицо имеет право на самосовершенствование, не так ли?

Секюйль обратился к Бдительным:

- Джентльмены, думаю, вы тоже заметили: Блаунт из эгоистических побуждений сломал сценарий и, исказив сюжет, направил действие в нежелательное и невыгодное русло.

- Ясное дело, - подтвердил один из Бдительных. - Считаю, его надо вообще вымарать из повести.

- Блаунт, как вы хотите исчезнуть? - спросил другой. - В автомобильной катастрофе? В толпе во время коронации? Или примете снотворное?

- О, пожалуйста, не вычеркивайте меня! - взмолился Блаунт. - Простите! Я раскаиваюсь, я больше так не буду!

- Сомневаюсь, можно ли вам верить, - сказал Секюйль.

- Я буду хорошим! Вот увидите! Вы еще будете гордиться мной!

- Хм...

Блаунт не стал терять времени даром. Почувствовав, что ему предоставлена последняя возможность избежать вычеркивания из повести, он обратил все свое имущество в наличные, раздал их бедным и ретировался в ту самую пещеру Бхутан, где обитал Отто Градж, сын судьи О. Т. Граджа. Через несколько лет о Блаунте заговорили, как о Странном Монахе - так его прозвали за привычку пересчитывать свои зубы на людях. В этой повести вы больше не встретитесь с ним.

- Секюйль, не знаю, как вас благодарить, - сказал Кромптон. - Не могу ли я чем-нибудь помочь вам в вашей Игре?

- Вы уже помогли мне, Кромптон, - сказал Секюйль, - тем, что вляпались в эту забавную ситуацию, из которой я благополучно извлек вас, заработав таким образом пятьсот красных очков за три чистых броска. Вот так-то.

- Я очень рад, - сказал Кромптон.

- Ну, пока.

Секюйль запихал «Архетип Бдительных» в большой коричневый конверт и направился к двери.

- Пойдите! - вскричал Кромптон.

- Что такое?

- А что мне теперь делать? - спросил Кромптон.

- Прошу прощения? - удивился Секюйль.

- Да с этими Стэком, Лумисом и Финчем?

- Откуда мне знать? Это ваша история. Я только вспомогательный персонаж, не такой уж и важный.

- Секюйль, ну пожалуйста! Я не могу больше так!

- Вам, мальчики, остается только одно, - сказал Секюйль. - Сразиться друг с другом как следует, чтобы наступила наконец интеграция или один из вас взял бы верх над остальными силой.

- Да с тех пор, как мы встретились, мы только и делаем, что сражаемся, - сказал Кромптон. - И тихо сходим с ума.

- Это потому, что вы боролись старомодным способом внутреннего конфликта. А современная наука предлагает новейший метод - вывести ваши внутренние конфликты наружу и тогда решать их.

- Как это?

- К счастью для вас, Комитет универсальных методов и средств собрался на свою пленарную сессию и специально для вас изобрел устройство под названием «Имитатор внешних обстоятельств».

- Правда? Изобрели для меня? Это первый реальный шанс для меня во всей этой истории!

- Посмотрим, насколько он вам поможет. Но в любом случае, это будет ваш последний номер. Честно говоря, нам пора очистить сцену для следующего представления. Вы все согласны?

- Да! - воскликнул Кромптон.

- Да хуже-то не будет, - проворчал Лумис.

- Поехали, чего там! - прогремел Стэк. Какой-то намек на согласие выразил даже Финч.

- Итак, вперед, вперед, вперед! И прочь отсюда! - сказал Секюйль.

И снова начался разрыв непрерывности, все поползло, словно размытые, снятые наплывом кинокадры в чьем-то иллюзорном восприятии. Кромптону стало тошно, он закричал:

- Что там происходит? Как работает этот имитатор внешних обстоятельств?

- Он работает, - сказал Секюйль. - Удачи вам!

Глава 15

В мозгу бессмысленным эхом билось слово «параметры». Кромптон осмотрелся и понял, что попал в никуда. Это было странное и сверхъестественное ощущение, ибо в этом нигде не было ничего, даже самого Кромптона.

Сначала все это, включая собственное небытие, развеселило его, как может развеселить полет вниз по лыжне длиной в миллион миль. Но потом ему стало страшно. Скорость убивает, не так ли? А когда убивают ничто, остается взамен двойное ничто, или просто ничто, - положение поистине гибельное.

Кромптон толком не знал, как выбраться из него, и решил воплотиться и тем самым создать различия.

Облекшись телом, он почувствовал себя гораздо увереннее. Но ему совсем не улыбалось висеть в полном ничто единственным плотным телом - тут не очень-то пофункционируешь! - и тогда по возможности быстро и аккуратно он создал Землю, остановился, посмотрел на плоды труда своего и убедился, что допустил досадную ошибку: все побережье Северной Америки получилось у него вздутым и неправильным, а дубы почему-то напоминали карликовые мандарины. Было еще много всяческих аномалий, и не все их можно было извинить неопытностью. Кромптон надеялся, что у него еще будет время вернуться к ним.

Затем он задумался, что же делать дальше. Он не мог вспомнить, а может, никогда и не знал, и поэтому набросал местечко, где мог бы подождать дальнейшего развития событий: Мейплвуд, Нью-Джерси, 1944 год. В данный момент это был единственный город на Земле, и Кромптон наладил в нем такую справедливую и спокойную жизнь, которую не могли забыть призрачные исторические анналы штата. Золотой век мог бы длиться бесконечно, но однажды в золотое

октябрьское утро его прервал зловещий грохот с запада, и, когда Кромптон вышел из своего президентского дворца, построенного в стиле ранчо, он увидел колонну бронетанковых войск, продвигавшуюся по южной Оранж-авеню. На переднем танке восседал фельдмаршал Эрвин Роммель. Рядом с ним, очень довольный собой, стоял Дэниэл Стэк.

Тогда Кромптон вспомнил, что должна произойти битва не на жизнь, а на смерть путем имитации. Он, оказывается, зря терял время, пока холерик Стэк постигал науку захвата власти.

Хотя игра была для Кромптона в новинку, он сразу ухватился за первые попавшиеся образы и умудрился вызвать в воображении пятьдесят швейцарских гвардейцев, вооруженных пиками, команду викингов-берсерков и подразделение венгерской нерегулярной кавалерии под предводительством Фон Зуппе. Эти силы удерживали подходы к Спрингфилд-авеню, а Кромптон тем временем успел спастись бегством на юг и по пути имитировал новую территорию.

Стэк преследует его аж до самой Гуадаррамы со всей, черт бы ее побрал, Великой армией республиканцев и многочисленными отрядами гурков <Воинственный народ, проживающий в горах Непала.>, буров и албанцев. Стэк собирает большие силы, но он не может объединить их, его войска охватывает паника, когда классическое поле боя на глазах превращается в глубокие овраги и необозримые долины. Тогда Стэк вводит в бой подкрепление - мембрильских апачей и царя Атауальпа <Последний король инков в Перу (1525 - 1533).> с его безликими инками, а также парочку зулусских бесенят. Как и следовало ожидать, вся эта стреляющая катавасия расплывается, расплывается в фокусе и тает, быстро превращаясь в пустую иллюзию, и Лумис, оказавшийся не таким уж мягкотелым, использует предоставившуюся возможность и бросает в битву вооруженных пиками гашишников и малайских амоков - удивительно воинственный поступок для такого миролюбивого человека.

Между тем Кромптон тоже собирает армию и спускается с Голубых холмов с десятью эскадронами «круглоголовых» Кромвеля, чтобы показать, что он шутить не намерен. В поддержку ему выступает великий Густав Адольф, возглавивший потерянный легион Вара <Густав II (1594 - 1632) - король Швеции, великий полководец; Вар Публий Квинтилий (ок. 53 до н.э. - 9 н.э.) - римский полководец. Восставшие германские племена заманили его войско в Тевтобургский лес, где оно и сгнуло.>. Стэк поспешно противопоставляет им Золотую Орду, но варяги Кромптона охватывают ее с флангов и обстреливают продольным огнем из шеренг, пока Стэк не поражает

всех берсерков бубонной чумой, которую распространяют среди них гигантские красные пауки во главе с Субмаринером.

Как и всех усилий Стэка, этого изобретения хватает ненадолго, швы начинают расползаться, и кто бы, вы думали, вступает в битву? Сам Финч с царем Ашокой и войском из бодхисатв, арахантов и пратиека-будд <Ашока - древнеиндийский правитель III в, до н.э.; пратиека-будда - достигший нирваны, но, в отличие от бодхисатв, не возвращающийся на землю для просвещения людей.>. Их сметают почти мгновенно, но Лумису хватает времени, чтобы превратиться в Оуэна Глендоуэра <Глендоуэр Оуэн (1359 - 1416) - вождь восставших крестьян в Уэльсе.> и смыться в горы Уэльса, где к нему присоединяются «Крейзи Хорс» <«Креиз и Хорс» - кабаре в Париже.> и индейское племя сиу.

Кромптон воспользовался минутным замешательством и переместился в траншеи у Ричмонда, где Грант <Грант Улисс Симпсон (1822 - 1885) - главнокомандующий войсками Севера в Гражданской войне в США 1861 - 1865 гг.> остановил противника, а Шерман <Шерман Уильям (1820 - 1891) - американский генерал северян. В Гражданскую войну вывел свою армию в тыл южанам, чем предопределил их поражение.> раздолбал его, и все, что осталось на долю Джебу Стюарту <Стюарт Джеймс (1833 - 1864) - командир кавалерийского корпуса южан. Покончил с собой под Ричмондом, видя безнадежное положение своего войска.>, это стало эскадром П-51, чтобы отсрочить падение Минандао <Остров на юге Филиппинского архипелага, бывшая колония США.>, тем самым позволив Стэку сотворить Дьенбьенфу <Город и уезд во Вьетнаме, где в 1954 г, вьетнамцы одержали окончательную победу над французскими войсками.> (неудачный ход), а потом Мадагаскар (еще более неудачный). Стэк явно выдохся. Слышно было, как он, крепко зажатый, бормотал:

- Я Фрейд, а этот день - начало Юнга и Адлера <Адлер Альфред (1870 - 1937) - австрийский врач-психиатр и психолог, ученик Фрейда; основатель направления «индивидуальной психологии».>, Адлера...

И Кромптон вдруг остается совсем один. Слезы застревают у него в горле, он взирает на кровавую бойню и замечает, как сам он меняется, меняется, меняется, превращаясь в безжалостного убийцу, рыдающего пивом, которое заливает весь его шотландский костюм.

А потом Кромптон умер, и было новое время и новый человек. Этот человек открыл глаза, потянулся и зевнул, с удовольствием ощущая свет и цвет. Прежнее владение Элистера Кромптона, в котором временно обитали Эдгар Лумис, Дэн Стэк и Картон Финч, это тело поднялось и нашло, что жизнь хороша. Теперь, как и все другие люди,

он станет многогранным и непредсказуемым, будет поступать, как захочет его левая нога, и никакой упрощенности, никаких стереотипов. Теперь он будет искать любви, секса, денег, и. Боже мой, у него еще останется время на множество разных хобби.

Но чем заняться прежде всего? Что, если деньгами и Богом, а любовь пусть приходит сама? Или любовью и деньгами, а Бога оставить на потом?

Он задумался. В голову ничего путного не приходило. Он лишь понял, что его ждет немало дел и что есть множество причин как для того, чтобы переделать их все, так и для того, чтобы не делать ни одного.

Сидел и думал новый человек. И вдруг дурное предчувствие охватило его, и он сказал:

- Эй, ребята, вы еще здесь? Боюсь, из этого все равно ничего не выйдет.

34

<http://book.zehinli.info>

35